

orientalis

MODERN ORIENTAL STUDIES

СОВРЕМЕННЫЕ
ВОСТОКОВЕДЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

16+

VOL.4, №4
TOM 4, №4

2022

Востоковедение

Asian-Pacific Region

Publisher of the magazine: ANO "Association of Chinese Language Teachers of the Volga Federal District". Issues of the journal are placed in the RSCI databases (www.elibrary.ru) on the basis of a license agreement with the Scientific Electronic Library, RSL, TASS, Cyberleninka.

Based on the order of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation dated July 20, 2022 No. 314-r, the journal is included in the List of the Higher Attestation Commission for 5 scientific specialties and relevant branches of science:

- 5.6.2. General history (historical sciences);
- 5.6.7. History of international relations and foreign policy (historical sciences);
- 5.7.2. History of philosophy (philosophical sciences);
- 5.9.6. Languages of peoples of foreign countries (Chinese and Turkish) (philological sciences);
- 5.9.8. Theoretical, applied and comparative linguistics (philological sciences).

Frequency of the journal's publication: 4 issues per year.

The mission of the journal is to integrate and consolidate the scientific potential of orientologists from Russia and abroad.

The main goal of the journal is to highlight the main scientific achievements in the field of oriental philology, history, culture and philosophy of the East.

The objectives of the journal:

Coordination and popularization of oriental studies.

Ensuring a wide exchange of ideas, experience, and results of oriental studies.

Carrying out joint scientific research with leading scientists of foreign centers of oriental studies.

Organization of joint scientific events (forums, conferences, seminars) with leading domestic and foreign associations and research centers of oriental studies.

Studying the experience of leading foreign centers of oriental studies.

The journal accepts articles in 8 languages: Russian, English, Chinese, Turkish, Arabic, Japanese, Korean, Vietnamese.

Издатель журнала: АНО «Ассоциация преподавателей китайского языка Приволжского федерального округа». Выпуски журнала размещаются в базах РИНЦ (www.elibrary.ru) на основании лицензионного договора с Научной электронной библиотекой, РГБ, ТАСС, Cyberleninka.

На основании распоряжения Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 20 июля 2022 г. №314-р журнал включен в Перечень ВАК по 5 научным специальностям и соответствующим отраслям науки:

- 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки);
- 5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки);
- 5.7.2. История философии (философские науки);
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (китайский и турецкий языки) (филологические науки);
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки).

Периодичность выхода журнала: 4 номера в год.

Миссия журнала — интеграция и консолидация научного потенциала востоковедов России и зарубежья.

Цель журнала — освещения основных научных достижений в области восточной филологии, истории, культуры и философии Востока.

Задачи журнала:

Координация и популяризация востоковедческих исследований;

Обеспечение широкого обмена идеями, опытом, результатами востоковедческих исследований;

Проведение совместных научных исследований с ведущими учеными зарубежных центров востоковедения;

Организация совместных научных мероприятий (форумов, конференций, семинаров) с ведущими отечественными и зарубежными ассоциациями и научно-исследовательскими центрами востоковедения;

Изучение опыта ведущих зарубежных центров востоковедения.

В журнал принимаются статьи на 8 языках: русском, английском, китайском, турецком, арабском, японском, корейском, вьетнамском.

Founder: ANO Association of Chinese Teachers of the Volga Federal District (ACTV)

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media

Registration certificate: ПИ No. ФС 77 - 76298 dated 26.07.2019

Year of foundation: 2019

Frequency: 4 issues per year

The journal is distributed by subscription. Subscription index — BH018379. Free price.

Distribution territory: Russian Federation, foreign countries

Publisher: ANO Association of Chinese Teachers of the Volga Federal District (ACTV)

Publisher's address: Prospekt Pobedy 226a, Kazan, Rep. Tatarstan, Russia, 420088

The postal address of the editorial office: 420008, RT, Kazan, st. Martyna Mezhlauka, 3, office. 117, tel +7 (843) 22 133 21

E-mail: modernorientalstudies@gmail.com

The journal is placed and indexed in abstract and full-text databases: Russian Science Citation Index (RSCI), Higher Attestation Commission (HAC)

Release date: 06.11.2022. Offset paper. Digital printing. Format A4. The total circulation is 500 copies. Order No. 06.11/22. Printed from finished layout at the «Fen» Publishing House of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan

Layout and prepress: Dionis Publishing

Printing house address: Bauman st., 20, Kazan, Russia, 420111

Tel.: +7 (843) 292-49-14

EDITORIAL AND PUBLISHING GROUP:

Editor-in-Chief: Dmitry Martynov, Doctor of History, Professor of the Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Scientific editor: Ramil Valeev, Doctor of History, Professor of the Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Chief Editor: Alfiya Alikberova, Candidate of History, Associate Professor, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Managing Editor: Rustem Mukhametzyanov, Candidate of History, Associate Professor, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Secretary: Sofiya Silakova-Makarova, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia;

Dmitry Balakin, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Chairman of the Editorial Board: Elmira Khabibullina, Candidate of Philology, Associate Professor of the Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

EDITORIAL TEAM:

Irina Popova, Doctor of History, Professor, Corresponding Member, Director of the Institute of Oriental Manuscripts, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia

Aleksandr Storozhuk, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Chinese Philology, Faculty of Oriental Studies, St. Petersburg

State University, St. Petersburg, Russia

Artyom Kobzev, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher at the Institute of the Far East, Leading Researcher at the Institute of Philosophy, Head of the China Department of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Aleksandr Semyonov, Candidate of History, Associate Professor, Professor of the Department of Oriental Languages, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia

Mariya Repenkova, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Turkic Philology, Institute of the History of Asian and African Countries, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Yakov Grishin, Doctor of History, Professor, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Valery Letyaev, Doctor of Law, Professor, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Bulat Akhmetkarimov, Ph.D (philosophy), Associate Professor of the Institute International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Apollinaria Avrutina, Doctor of Philology, Associate Professor, Director of the Center for Research on Contemporary Turkey and Russian-Turkish relations, St. Petersburg State University

Aleksandr Lychagin, Doctor of History, Professor, Head of the Department of Oriental Languages and Cultural Linguistics of the Institute of international relations and world history, Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russia

Alfiya Yusupova, Doctor of Philology, Professor Institute of Philology and Intercultural Communication, Director of the Institute Kayuma Nasryi, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Emiliya Taisina, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy of the Kazan State Power Engineering University, Kazan, Russia

Ko Young Cheol, Ph.D (Pedagogics), Professor, Institute of International Relations, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Norihiro Naganawa, Ph.D (Regional Studies), Professor at the Center for Slavic and Eurasian Studies, Hokkaido University, Sapporo, Japan

Chun Hyunju, Ph.D (Translation Studies), Associate Professor, Shinhan University, Seoul, Republic of Korea

Kim Jin Young, Ph.D (Sociology), Professor, Jeju University, Jeju, Republic of Korea

Tashansu Turker, Doctor of History, Professor, Ankara University, Ankara, Turkey

Ekrem Kalan, Doctor of History, Professor, Rector of the University of Alanya Alaaddin Keykubat, Alanya, Turkey

Phan Cuog Anh, Ph.D (Cultural Studies), Professor, Ho Chi Minh University of Culture, Ho Chi Minh City, Vietnam

Yang Ke, Ph.D (Russian), Professor, Director of the Institute of European Languages and Cultures, Guangdong University of Foreign Languages and International Trade, Guangzhou, China

Kang Cheng, Ph.D (Comparative Literature), Professor, South China Normal University, Guangzhou, PRC

Учредитель: АНО Ассоциация преподавателей китайского языка Приволжского федерального округа (АПКЯ)

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций

Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС 77 – 76298 от 26.07.2019

Год основания журнала: 2019 г.

Периодичность: 4 выпуска в год

Журнал распространяется по подписке. Подписной индекс — ВН018379. Цена свободная.

Территория распространения: Российская Федерация, зарубежные страны

Издатель: АНО Ассоциация преподавателей китайского языка Приволжского федерального округа (АПКЯ)

Адрес издателя: Проспект Победы 226а, г. Казань, Респ. Татарстан, Россия, 420088

Почтовый адрес редакции: 420008, РТ, г. Казань, ул. Мартына Межлаука, д. 3, каб. 117, тел +7(843) 22 133 21

E-mail: modernorientalstudies@gmail.com

Журнал размещается и индексируется в реферативных и полнотекстовых базах данных: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), перечень Высшей аттестационной комиссии (ВАК)

Дата выхода выпуска в свет: 06.11.2022. Бумага офсетная. Печать цифровая. Формат А4. Общий тираж 500 экз. Заказ № 06.11/22. Отпечатано с готового оригинал-макета в Издательстве «Фэн» Академии наук РТ

Верстка и допечатная обработка: Dionis Publishing

Адрес типографии: ул. Баумана, 20, г. Казань, Россия, 420111

Тел.: +7(843)292-49-14

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА:

Главный редактор: Мартынов Дмитрий Евгеньевич, доктор исторических наук, профессор Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Научный редактор: Валеев Рамиль Миргасимович, доктор исторических наук, профессор Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Шеф-редактор: Аликберова Альфия Рафисовна, кандидат исторических наук, доцент Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Выпускающий редактор: Мухаметзянов Рустем Равилевич, кандидат исторических наук, доцент Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Ответственные секретари: Силакова-Макарова София Андреевна, Институт международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия;

Балакин Дмитрий Александрович, Институт международных отношений, Казанский федеральный университет г. Казань, Россия

Председатель редакционной коллегии: Хабибуллина Эльмира Камилевна, кандидат филологических наук, доцент Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Попова Ирина Федоровна, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент, директор Института восточных рукописей, Российская академия наук, г. Санкт-Петербург, Россия

Сторожук Александр Георгиевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой китайской филологии Восточно-

го факультета, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Кобзев Артём Игоревич, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института Дальнего Востока, ведущий научный сотрудник Института философии, руководитель Отдела Китая Института востоковедения, Российская академия наук, г. Москва, Россия

Семенов Александр Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, профессор кафедры восточных языков, Дипломатическая Академия Министерства иностранных дел Российской Федерации, г. Москва, Россия

Репенкова Мария Михайловна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой тюркской филологии Института истории стран Азии и Африки, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Гришин Яков Яковлевич, доктор исторических наук, профессор Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Летяев Валерий Алексеевич, доктор юридических наук, профессор Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Ахметкаримов Булат Гумарбаевич, Ph.D (философия), доцент Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Аврутина Аполлинария Сергеевна, доктор филологических наук, доцент, директор Центра исследований современной Турции и российско-турецких отношений, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Лычагин Александр Иванович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой восточных языков и лингвокультурологии Института международных отношений и мировой истории, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

Юсупова Альфия Шавкетовна, доктор филологических наук, профессор Института филологии и межкультурной коммуникации, директор Института Каюма Насыри, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Тайсина Эмилия Анваровна, доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии Казанского государственного энергетического университета, г. Казань, Россия

Ко Ен Чоль, Ph.D (педагогика), профессор Института международных отношений, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Норихиро Наганава, Ph.D (регионоведение), профессор Центра славянских и евразийских исследований, университет Хоккайдо, г. Саппоро, Япония

Чон Хенджун, Ph.D (переводоведение), доцент, университет Шинхан, г. Сеул, Республика Корея

Ким Джин Енг, Ph.D (социология), профессор, университет Чеджу, г. Чеджу, Республика Корея

Ташансу Тюркер, доктор исторических наук, профессор, университет Анкары, г. Анкара, Турция

Экрем Калан, доктор исторических наук, профессор, ректор университета Аланы Алааддина Кейкубата, г. Аланья, Турция

Фан Куог Ань, Ph.D (культурология), профессор, Хошиминский университет культуры, г. Хошимин, Вьетнам

Ян Кэ, Ph.D (русский язык), профессор, директор Института европейских языков и культур, Гуаньдунский университет иностранных языков и международной торговли, г. Гуаньчжоу, КНР

Кан Чэн, Ph.D (сравнительное литературоведение), профессор, Южно-Китайский педагогический университет, г. Гуаньчжоу, КНР

SECTIONS

PHILOLOGICAL SCIENCES

<i>Zakliazminskaia E.O.</i>	
Bilingualism and deglossia in the modern language situation in China	7
<i>Storozhuk A.G.</i>	
«Particularities of literary translations from classical Chinese into Russian (on the example of Pu Songsing's (1640—1715) works' translations)»	20
<i>Kurdyumov V.A.</i>	
Modern problems of theory and typology in teaching Chinese	29

HISTORICAL SCIENCES

<i>Kharitonova A.M.</i>	
Situation in Manchuria 1902–1904 according to the reports of the diplomat G.A. Planson (1859–?)	36
<i>Smirnova A.A., Storozhuk A.G.</i>	
The principle of filial piety in Buddhism on the example of the "Sutra of the Original Vow of the Ksitigarbha Bodhisattva"	48
<i>Lychagin A.I., Semenov I.A.</i>	
On the issue of the establishment of the state award system of the People's Republic of China	58
<i>Karpov M.V.</i>	
The theory of "coordinated promotion" of financial reform in China as logical, but notional construct	68
<i>Kuznetsov A.M.</i>	
Russia and China as phenomena of higher complexity. The problem of definition	74
<i>Verchenko A.L.</i>	
The Importance of the formation of the Soviet-Chinese Friendship Society for the Interstate relations	88
<i>Vinokurov S. Ye.</i>	
The People's Republic of China through the eyes of a Sverdlovsk chemist: on the question of USSR–PRC relations in the 1950s.	102

INTERNATIONAL RELATIONS

<i>Harutyunyan A.A.</i>	
China-South Caucasus: cooperation in transport and Logistics nodes of the Belt and Road	112
<i>Gamerman E.V.</i>	
The role and impact of Chinese organized crime on security in the Russian Far East and Northeast Asia	138

ECONOMIC/POLITICAL SCIENCES

<i>Dyakonova M.A., Sharipov F.F.</i>	
Afghanistan and its role for Russia and China	146

РАЗДЕЛЫ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Заклязьминская Е.О.*
Билингвизм и диглоссия в современной языковой ситуации в Китае 7
- Сторожук А.Г.*
«Особенности перевода классической китайской литературы на русский язык (на примере переводов новелл Пу Сун-Лиана (1640—1715 гг.))» 20
- Курдюмов В.А.*
Актуальные проблемы теории и типологии при обучении китайскому языку 29

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Харитонова А.М.*
Ситуация в Маньчжурии 1902–1904 гг. по донесениям дипломата Г.А. Плансона (1859–?) 36
- Смирнова А.А., Сторожук А.Г.*
Принцип сыновней почтительности в буддизме на примере «Сутры изначального обета бодхисаттвы Кшитигарбхи» 48
- Лычагин А.И., Семенов И.А.*
К вопросу об учреждении государственной наградной системы Китайской Народной Республики 58
- Карпов М.В.*
Теория «скоординированного продвижения» финансовой реформы в КНР как логичная, но умозрительная конструкция 68
- Кузнецов А.М.*
Россия — Китай как социально-политические феномены повышенной сложности. К проблеме определения 74
- Верченко А.Л.*
Значение образования общества советско-китайской дружбы в 1957 году для межгосударственных отношений 88
- Винокуров С.Е., Лозовская К.Б.*
Китайская Народная Республика глазами свердловского химика: к вопросу о связях СССР–КНР в 1950-е годы 102

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

- Арутюнян А.А.*
Китай-Южный Кавказ: сотрудничество в транспортно-логистических узлах «Пояса и пути» 112
- Гамерман Е.В.*
Роль влияние китайской организованной преступности на безопасность на Российском Дальнем Востоке и в Северо-Восточной Азии 138

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ/ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Дьяконова М.А., Шарипов Ф.Ф.*
Афганистан и его роль для России и Китая 146

Дорогие читатели!

Данный выпуск «Современных востоковедческих исследований» мы посвящаем двум знаменательным событиям: 65-летию со дня основания Общества российско (советско)–китайской дружбы и 15-летию со дня открытия Института Конфуция при Казанском университете. Несмотря на различие форматов этих организаций, их связывает одно — укрепление и развитие гуманитарного сотрудничества между Россией и Китаем не только на правительственном уровне, но и в рамках народной дипломатии.

По традиции в последний номер года входят избранные китаеведческие материалы, представленные их авторами на пятнадцатой международной конференции «Россия — Китай: история и культура», но в силу объёма и фундаментальности достойные иного формата представления, нежели сборник конференции.

Происходящие в России и в мире события не отменяют регулярной научной деятельности, тем более что синологи в силу специфики своего предмета постоянно находятся на переднем крае актуальных исследований в области экономики, международных отношений и культурных событий. Естественно, что их проведение немислимо без познания фундаментальных основ китайской цивилизации, и тем отраднее, что в состав номера вошла замечательная статья А.Г. Сторожука — предварительный отчет переводчика-исследователя, взявшегося продолжить эпохальный проект академика В.М. Алексеева по переводу всего литературного наследия Пу Сунлина на русский

Здание Института международных отношений КФУ

язык. Материалы, связанные с Обществом российско-китайской дружбы, также позволяют нам вспомнить о том, что активистами Общества всегда были китаеведы — учёные и журналисты, которые представляют широкой общественности всё великое наследие китайского народа. Это напоминает о величайшей миссии научного сообщества — создавать мосты межпоколенческой преемственности, воспитывая знатоков истории, культуры, искусства, экономики и языка для нашего местного будущего.

Р.Р. Хайрутдинов
директор ИМО КФУ

Д.Е. Мартынов
профессор кафедры алтаистики
и китаеведения ИМО КФУ

Bilingualism and diglossia in the modern language situation in China

Билингвизм и диглоссия в современной языковой ситуации в Китае

Заклязьминская Екатерина Олеговна¹

¹Московский городской педагогический университет, Москва, Россия

Автор, ответственный за переписку:

Ekaterina.zakl@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-2777-4973>

Ekaterina O. Zakliazminskaia¹

¹Moscow City Pedagogical University, Moscow, Russia

Corresponding author: Ekaterina.zakl@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-2777-4973>

УДК 81-2 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-4-2022-7-19](https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2022-7-19)

АННОТАЦИЯ

В статье представлен анализ понятий билингвизма и диглоссии в свете современной китайской языковой ситуации. Актуальность исследования определяется увеличением внимания со стороны властей КНР к языковой политике, направленной на формирование единой национальной идентичности граждан страны на основе использования государственного языка *путунхуа*. Целью исследования является анализ и классификация текущей языковой ситуации и прогнозирование тенденций развития или же деградации билингвизма и диглоссии в Китае.

В ходе исследования были получены следующие выводы:

Во-первых, присутствует тенденция к увеличению количества билингвального населения за счет распространения использования государственного языка *путунхуа*.

ABSTRACT

The article presents an analysis of the concepts of bilingualism and diglossia in the modern Chinese language situation. The relevance of the study is determined by the increased attention of the PRC authorities to the language policy, the purpose of which is to form a single national identity of the country's citizens based on the use of the Mandarin Chinese. The aim of the study is to analyze and classify the current language situation and predict development trends or degradation of bilingualism and diglossia in China.

The following conclusions were obtained during the study:

First, there is a trend towards an increase in the number of bilingual population due to the spread of the use of the Mandarin Chinese. However, a further increase in the number of Mandarin Chinese speakers will inevitably lead to a reduction in the bilingual population due to

Однако дальнейший рост числа носителей *путунхуа* неизбежно приведет к сокращению двуязычного населения в связи с отказом от использования языков малочисленных народов, языков колонизаторов и местных диалектов.

Во-вторых, ситуация в Китае с демаркацией языков и диалектов заметно политизирована и ведет к дальнейшему усложнению изучения масштабов реального двуязычия.

В-третьих, рост билингвального населения осуществляется не только за счет расширения использования государственного языка *путунхуа*, но и за счет увеличения населения, владеющего другими иностранными языками. Сокращение использования языков малочисленных народов и диалектов, на наш взгляд, станет неизбежным процессом.

Ключевые слова. социолингвистика, языковая политика, Китай, *путунхуа*, билингвизм, диглоссия

Для цитирования: Заклязьминская Е.О. Билингвизм и диглоссия в современной языковой ситуации в Китае. *Современные востоковедческие исследования*. 2022; 4 (4). С. <https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2022-7-19>

Введение

Глобализационные процессы и развитие межкультурных связей актуализировали проблему изучения языковой вариативности, билингвизма, диглоссии и общей языковой ситуации разных стран. Многочисленные исторические события (*войны, крушения и создания госу-*

дарств и пр.) привели к повсеместной миграции населения и как следствие к этническому разнообразию внутри государств, к «стиранию» языковых границ. В результате билингвизм в различных его проявлениях широко представлен в современном обществе. По оценкам исследователей, количество билингвов в мире

Secondly, the situation in China with the demarcation of languages and dialects is noticeably politicized and leads to further complication of studying the extent of real bilingualism.

Thirdly, the growth of the bilingual population is carried out not only by expanding the use of the Mandarin Chinese, but also by increasing the population that speaks other foreign languages, but the reduction in the use of languages of minority groups as well as local dialects, in our opinion, will become inevitable process.

Keywords: sociolinguistics, language policy, China, Mandarin Chinese, bilingualism, diglossia

For citation: Zakliazminskaja E.O. Bilingualism and deglossia in the modern language situation in China. *Modern Oriental Studies*. 2022; 4 (4). P. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2022-7-19>

превышает число монолингвов (*соответственно 43% и 40%*), 13% населения планеты владеют тремя языками, 3% — четырьмя и менее 1% — полиглоты, владеющие пятью и более языками (Multilingual...).

Китайский язык — наиболее распространенный язык в мире по количеству носителей, но однородной языковую ситуацию в стране назвать нельзя. Китайская лингвистическая ситуация многослойна и сложна для изучения. Главными причинами являются многонациональный состав китайского государства, наличие бывших колониальных владений стран Запада (*Макао, Гонконга*) и широкое использование локальных диалектов. В рамках языковой политики, нацеленной на формирование единой национальной идентичности граждан, власти проводят курс на увеличение числа носителей государственного языка *путунхуа*. Таким образом, малочисленные народы, обладающие собственными языковыми системами, жители бывших западных колоний, еще владеющих языками колонизаторов, а также носители местных диалектов вынуждены осваивать стандартизированный вариант китайского языка *путунхуа*. Следовательно, в Китае как искусственно, так и стихийно формируется диглоссная, билингвальная или же многоязычная среда.

О понятиях билингвизма и диглоссии

Прежде чем приступить к исследованию китайской языковой ситуации стоит определить различия между понятиями «билингвизм» и «диглоссия» в китайской и зарубежной (*в первую очередь российской*) лингвистической традиции.

Под словом билингвизм (от лат. *bi* — двойной, *lingua* — язык) понимается одновременное владение двумя языками на высоком уровне, достаточном для жизнедеятельности в среде натуральных носителей, обучения на них и т. д. (Гурова 2018, 157). Существуют и иные классификации: билингвизм — «способность тех или иных групп населения изъясняться на двух языках» (Щерба 1974, 314), «практика попеременного пользования двумя языками» (Вайнрайх 1972, 25), «владение двумя языками и регулярное переключение с одного на другой в зависимости от ситуации общения» (Розенвейг 1972, 10), «существование у человека или у всего народа двух языков, обычно первого — родного и второго — приобретенного» (Бондалетов 1987, 25).

В научном понимании различают врожденный (ранний) и приобретенный (поздний) билингвизм. К врожденному (раннему) билингвизму относят ситуацию, при которой ребенок с рождения одновременно учится базовому и иностранному языку. К приобретенному (позднему) билингвизму стоит отнести ситуацию, при которой человек (взрослый или подросток) начинает осваивать второй иностранный язык после того, как сформированы навыки общения на родном языке. В этом случае второй язык рассматривается как иностранный.

Залевская А.А., Медведева И.Л. (Залевская, Медведева 2002) выделяют естественный (бытовой) и искусственный (учебный) билингвизм. К бытовому билингвизму стоит отнести ситуацию, при которой второй язык «схватывается» в речевой практике с помощью

окружения без осознания языковых явлений. К учебному билингвизму стоит отнести ситуацию, при которой язык учится при помощи волевых усилий обучающегося при помощи специальных методов и приемов.

Г.М. Верещагин (Верещагин 1969) выделяет следующие критерии билингвизма:

- рецептивный билингвизм, при котором билингв воспринимает речевые произведения, принадлежащие вторичной языковой системе (*например, мертвые языки*),
- репродуктивный билингвизм, при котором билингв способен воспроизводить прочитанное и услышанное (*например, при самостоятельном изучении иностранного языка*),
- продуктивный билингвизм, при котором билингв понимает, воспроизводит и порождает речевые единицы, принадлежащие вторичной языковой системе.

Л.В. Щерба (Щерба 1974) говорит о чистом и смешанном билингвизме. Чистый (производящий) билингвизм имеет место при освоении языка от носителей, при котором билингв производит речевые единицы вторичной языковой системы без искажений. К смешанному билингвизму относится ситуация, при которой языки свободно заменяют друг друга и между ними возникает связь. При смешанном билингвизме второй язык воспринимается через призму родного языка.

Абсолютный билингвизм подразумевает идентичное владение языками в любых ситуа-

циях общения. Считается, что такой вид билингвизма невозможен. При изучении проблематики двуязычия ученые исходят из позиций о том, что существует первичная языковая система, которая используется для общения. Если человек использует лишь одну языковую систему, то его можно назвать монолингвом, если используется две и более системы общения — билингвом, трилингвом, полилингвом и т.д. в зависимости от количества используемых языков.

Для изучения китайской языковой ситуации крайне важно корректное понимание термина диглоссия, который тесно связан с понятием билингвизма и зачастую считается его подвидом. Впервые данный термин был употреблен Ч. Фергюсоном (Ferguson 1959) в 1959 г. в его работе «Диглоссия». Это понятие рассматривает различные проявления форм существования, одна из которых занимает верхнюю страту коммуникативной системы, а другая — нижнюю. Ч. Фергюсон ввел в обиход такие термины, как «стандартный вариант» и «местный» вариант.

В дальнейшем понятие получило распространение в трудах других ученых. Например, А.Д. Швейцер (Швейцер 1990) полагает, что диглоссия — это «взаимодействие социально противопоставленных друг другу подсистем одного языка», Н.Б. Мечковская (Мечковская 2000) утверждает, что диглоссия — это «особый вид несбалансированного двуязычия». Б.А. Успенский (Успенский 1994, 5) дает следующее определение этому термину: «диглоссия — такой способ сосуществования

двух языковых систем в рамках одного языкового коллектива, когда функции этих двух систем находятся в дополнительном распределении, соответствуя функциям одного языка в обычной (недиглоссной) ситуации».

В целом, можно утверждать, что диглоссия — это устойчивая языковая ситуация, при которой наблюдается дополнительность функций стандартного и местного вариантов языка, которые могут сохраняться в течение долгого времени.

В отличие от билингвизма, диглоссия представляет собой устойчивую языковую ситуацию, для которой характерна иерархия языков, которая разграничивается сферой употребления (*повседневное, деловое, научное, религиозное общение и пр.*). Эти языки дополняют друг друга. При диглоссии говорящие осознанно делают выбор между различными вариантами языка, используя те, которые наилучшим образом отвечают текущей языковой ситуации.

Как и в российской социалингвистике, в Китае принято разделять понятия «билингвизм» (双语, в пер. *два языка*) и «диглоссия» (双言, в пер. *две речи*). В китайской лингвистической традиции эти два понятия разделены более четко: билингвизм относится к двум разным языкам, которые используются человеком или языковым сообществом, тогда как диглоссия обозначает использование диалекта наряду с общеупотребительным вариантом языка.

В противовес, и российские, и китайские социалингвисты выделяют также понятия «монолингвизм» \ «одноязычие» (单语, в пер.

один язык) и «моноглоссия \ униглоссия» (单言, в пер. *одна речь*), подразумевающая использование лишь одной формы существования языка (Каплунова 2019, 42). Однако ситуация «моноглоссии» может встречаться лишь там, где используются либо территориальный диалект, койне, креольский язык, либо языки без функциональных вариантов. В современных обществах подобную ситуацию встретить крайне сложно.

Особенности китайской языковой традиции

Китай — крупное многонациональное и многоязычное по своему составу государство, на территории которого проживает 56 народностей. 91,11% населения составляет титульная нация — ханьцы, которая говорит на ханьском (китайском) языке. Остальные 55 национальностей принято относить к малочисленным народам, а их языки относят к языкам национальных меньшинств. Территории компактного проживания малочисленных народов охватывают порядка 60% территории Китая.

По различным данным, на территории страны функционирует от 80 до 300 языков (中国...). Согласно классификации, предложенной в Атласе языков Китая, вышедшем в 1987 г. и переизданном в 2012 г., все языки КНР делятся на пять крупных групп: 1) сино-тибетские языки (*китайский, тибетский, языки ну, бай и пр.*); 2) алтайские языки (*монгольские, тюркские, тунгусо-маньчжурские языки*); 3) австронезийские языки (*амисский, язык бунэнь, пайвань*); 4) австроазиатские языки (*язык ва, дэан, булан*); 5) индоевропейские языки (*русский, таджикский и пр.*).

В различных системах классификации наблюдаются разные подходы по ряду принципиальных моментов (*например, по отнесенности некоторых языков (популярный пример — языки мяо-яо) к сино-тибетской семье или же к отдельной группе языков*).

Язык титульной нации хань тоже не однороден. Его отличает наличие многочисленных диалектных групп. Причем особенность китайских диалектов в том, что они во многом представляют собой самостоятельные языки, но, согласно китайской лингвистической традиции, относятся к диалектам нормативного языка путунхуа.

Что касается диалектного состава, то к началу XIX в. в Китае уже были представлены все современные группы диалектов, на формирование которых оказали влияние контакты местного населения с народами Юго-Восточной и Средней Азии. В результате в китайском языке представлен целый комплекс диалектов.

Согласно классификации, представленной в Атласе языков Китая, в китайский язык входят 10 основных диалектов: Гуаньхуа (官话) или северные диалекты, У (吴语, уюй), Минь (闽语, миньюй), Гуандунский или кантонский (粤语, юэюй), Сян (湘语, сянюй), Цзянсийский (赣语, ганьюй), Хакка (客家话, кэцзяюй), Аньхойский (徽语, хуэйюй), Пин (平语, пиньюй) и Цзинь (普语, пуюй). Иногда последние три группы относят к диалектным подгруппам. Самая многочисленная из них, — Гуаньхуа (官话), охватывает около 70% территории и примерно такое же количество носителей.

Стоит отметить тот факт, что в китайской и западной научной среде существуют различия в понимании понятия «диалект». Многие западные ученые полагают, что среди китайских диалектов не соблюдается основной критерий — взаимопонятности, то есть возможности \ невозможности взаимопонимания между носителями, поэтому разделение между языками и диалектами в Китае достаточно условное.

В социолингвистике, которая изучает социальную природу языка и его общественных функций, принято выделять следующие критерии для разделения понятий «язык» и «диалект» (согласно Ю.Б. Корякову (Коряков 2002)):

- наличие единой этнической общности, к которой относятся носители данных идиомов. Носители китайских диалектов относятся к ханьской нации.
- самоидентификация носителей идиома. Наиболее значимый критерий. Китайская идентичность уходит корнями в историю китайской цивилизации, которая воспринимала себя (*Поднебесную, Срединное царство, 中国 Чжунго*), как оплот цивилизации, а другие народы считала необразованными варварскими племенами. Китайский язык и иероглифическая письменность способствовали непрерывности исторической традиции. Примечателен тот факт, что зарубежные китайцы (*хуацяо*), даже ассимилировавшись в местной среде, стремятся сохранить культуру и обычаи предков, как и их язык.

- взаимопонятность идиомов. Этот критерий является основным в вопросе разделения языков и диалектов. Китайские диалекты в своем разнообразии не всегда соответствуют данному критерию, особенно если проводить анализ северных и южных вариантов, поскольку их носители не способны понимать друг друга в устной форме общения. Но общность иероглифического письма позволяет разрешать вопросы, возникающие в процессе коммуникации.
- наличие престижного наддиалектного идиома, который воспринимается носителями «своим». В данном случае стоит упомянуть государственный язык *путунхуа*, который является стандартизированным общеупотребительным вариантом китайского языка, частью государственной политики, нацеленной на сохранение национального единства.
- функциональная полноценность идиома. В случае китайских диалектов можно говорить о высокой степени их функциональной полноценности. Эта ситуация осложняет проведение языковой политики, нацеленной на формирование единой китайской идентичности, в том числе и в области языка.

Система устных языков в Китае развивалась стихийно и без контроля со стороны государства, а распространение престижного наддиалектного языка *путунхуа* привело к тому, что двуязычие и многоязычие — текущая языковая ситуация в Китае.

За всю историю существования китайской цивилизации китайский язык претерпевал значительные изменения. Долгое время главенствовал классический вариант китайского языка *вэньянь* (文言). Переход к использованию разговорного языка *байхуа* (白话) произошел только в начале XX в. в результате антиимпериалистического движения 4 мая 1919 г. Значимым событием для языковой традиции Китая стала переориентация на разговорный вариант китайского языка *байхуа* и отход от использования *вэньяня*. Разговорный вариант *байхуа* лег в основу современного государственного языка *путунхуа*.

Термин *путунхуа* в русском языке представляет собой фонетическое заимствование из китайского языка и переводится как «общеупотребительный язык». Его основой стала устная форма «языка чиновников» Гуаньхуа (官话), сформировавшаяся на территории современного Пекина во времена правления династии Юань (1271–1368 гг.) (Завьялова 1996, 10). Государственный язык *путунхуа* включает в себя фонетическую, лексическую и грамматическую языковые нормы, но не затрагивает графическую систему, представленную в виде иероглифического письма. Приоритетами государственной языковой политики Китая в XXI в. стало распространение нормативного китайского языка *путунхуа* и стандартизация иероглифики.

Необходимость введения наддиалектного языка возникла в ходе решения проблем непонимания между носителями различных диалектов. Непонимание между носителями

диалектов приводило к культурному обособлению населения и для его сплочения и интеграции носителей различных диалектов и языков (в случае малочисленных народов) ведется работа по распространению стандартизированного варианта. И если в 2004 г. около 54% населения владели нормативным языком, то, согласно переписи, в 2020 г. число носителей *путунхуа* выросло до 81% (第七次).

Языковая политика, нацеленная на унификацию языковой вариативности, показала себя эффективной, но стоит отметить, что оставшиеся 20% населения, которые не владеют государственным языком, — это 280 млн человек, что соответствует населению двух Российских Федераций, и китайским властям еще предстоит напряженная работа в области языковой политики.

Для продолжения изучения билингвизма в китайской языковой традиции следует обратиться к типологии языковых ситуаций по Виноградову В.А. (Виноградов, 1990). Наиболее важными для данного исследования являются понятия одноязычная \ многоязычная, эндогlossная \ неэндогlossная (экзогlossная) и дигlossная \ недигlossная языковые ситуации.

Мы будем опираться на терминологию китайской социолингвистики, которая рассматривает диалекты китайского языка как существующие в рамках единого китайского языка. Таким образом, в Китае одноязычная языковая ситуация наблюдается там, где жители используют государственный язык и свои диалекты. Многоязычная — там, где используются языки национальных меньшинств, языки колонизаторов и государственный язык.

Деление по принципу эндогlossности или экзогlossности подразумевает деление по принципу принадлежности метаязыка. В эндогlossной языковой ситуации метаязыком является один из местных языков, в экзогlossной — иностранный язык.

Разделение на дигlossную или же недигlossную языковую ситуацию, в которых сосуществуют или же не сосуществуют две языковые системы, было актуализировано расширением использования государственного языка *путунхуа*.

В связи с вышеизложенным в китайской языковой традиции выделяют *три языковых ситуации* (Каплунова 2019, 72):

- одноязычная несбалансированная эндогlossная дигlossная языковая ситуация. Этот тип представлен в провинциях и городах центрального подчинения материкового Китая и на территории Тайваня. Составными элементами этого типа являются диалекты китайского языка и стандартизированный язык *путунхуа*. Причем последний пользуется активной поддержкой государства.
- многоязычная сбалансированная эндогlossная недигlossная языковая ситуация. Этот тип характерен для автономных районов Китая, где проживают национальные меньшинства, которые владеют собственным языком и нормативным китайским языком *путунхуа*.
- многоязычная несбалансированная экзогlossная недигlossная языковая ситуация.

Этот тип характерен для территорий специальных административных районов Гонконга и Макао, где наряду с государственным языком *путунхуа* функционируют индоевропейские языки бывших колонизаторов (*португальский и английский*).

Данная классификация достаточно условна и требует уточнений, поскольку де-факто одноязычная несбалансированная эндогlossная диглоссная языковая ситуация является ситуацией многоязычия. Трудно согласиться с позицией китайских лингвистов о разделении языков и диалектов, так как это разделение в Китае во многом окрашено политическим контекстом и задачами укрепления национального единства.

При более детальном рассмотрении многоязычной сбалансированной эндогlossной недиглоссной языковой ситуации в среде представителей национальных меньшинств исследователи выделяют три типа национального билингвизма:

- массовый билингвизм, при котором большая часть населения того или иного территориально-административного образования является билингвами;
- развивающийся билингвизм, при котором процент населения, являющегося билингвальным, составляет 15–50%;
- регрессивный билингвизм, при котором билингвы составляют менее 15% населения. В рамках данного типа возможны два сценария. При первом сценарии молодежь предпочитает использовать китайский нормативный язык *путунхуа*, отка-

зываясь от родного языка. Ко второму сценарию стоит отнести двуязычие именно в среде молодежи, при котором старшее поколение не владеет нормативным китайским языком (Ли Юймин 2010).

Среди представителей национальных меньшинств массовый билингвизм представлен в меньшей степени, а развивающегося и регрессивного билингвизма примерно поровну (Ли Юймин 2010).

Основной тенденцией среди малочисленных народов Китая стоит отметить увеличение распространения китайского стандартизированного языка *путунхуа* и некоторое уменьшение использования родного языка, поскольку при всех сценариях увеличивается количество людей, владеющих нормативным китайским языком, что подтверждается статистикой.

Похожая ситуация наблюдается и в среде ханьского населения. Носители диалектов нередко отдают предпочтение стандартизированному языку *путунхуа* и отказываются от использования родного диалекта.

На наш взгляд, текущая ситуация массового двуязычия как в связке «*путунхуа* и диалект», так и в связках «язык малочисленной народности и *путунхуа*», «язык колонизаторов и *путунхуа*», будет претерпевать изменения. Роль государственного языка *путунхуа* будет возрастать, а второго языка снижаться, постепенно «стирая» языковое разнообразие современного Китая.

Выводы

Анализ проблем билингвизма и диглоссии в современном Китае способствует не только пониманию существующей языковой ситуации в стране, но и позволяет прогнозировать ее дальнейшее развитие. Государственный стандартизированный китайский язык *путунхуа* — основа формирования национальной идентичности. Несмотря на существенные расхождения в диалектах китайского языка (особенно между северными и южными вариантами), государственный язык способствует укреплению единства граждан КНР в условиях полиэтничного состава населения. Но в то же время увеличение количества носителей *путунхуа* приводит к негативным последствиям снижения роли и масштабов использования языков малочисленных народностей, языков колонизаторов и местных диалектов. Поэтому, на наш взгляд, в современном Китае происходят разнонаправленные тенденции, среди которых следует выделить следующие:

Во-первых, присутствует тенденция к увеличению количества билингвального населения за счет распространения использования государственного языка *путунхуа*. Однако дальнейший рост числа носителей *путунхуа* неизбежно приведет к сокращению двуязычного населения в связи с отказом от использования языков малочисленных народов, языков колонизаторов и местных диалектов.

Во-вторых, ситуация в Китае с демаркацией языков и диалектов заметно политизирована и ведет к дальнейшему усложнению изучения масштабов реального двуязычия.

В-третьих, рост билингвального населения осуществляется не только за счет расширения использования государственного языка *путунхуа*, но и за счет увеличения населения, владеющего другими иностранными языками. Сокращение использования языков малочисленных народов и диалектов, на наш взгляд, станет неизбежным процессом.

Список литературы

1. Multilingual People. [http://ilanguages.org/bilingual.php#:~:text=Bilingual%3A%20A%20person%20using%20or,\(43%25%20of%20world%20population\)&text=Polyglot%3A%20Someone%20with%20a%20high,population%20speak%205%20languages%](http://ilanguages.org/bilingual.php#:~:text=Bilingual%3A%20A%20person%20using%20or,(43%25%20of%20world%20population)&text=Polyglot%3A%20Someone%20with%20a%20high,population%20speak%205%20languages%20) (дата обращения: 02.08.2022)
2. Гурова М.Б. Билингвизм: понятие и классификация. *World science: problems and innovations: сборник статей XX Международной научно-практической конференции* : в 2 ч., Пенза, 30 апреля 2018 года. Пенза: Наука и Просвещение, 2018. С. 157–159.
3. Щерба Л.В. *Языковая система и речевая деятельность*. Л.: Наука, 1974. 497 с.
4. Вайнрайх У. Одноязычие и многоязычие. *Новое в лингвистике*. 1972. №6. С.25-60
5. Розенвейг В.Ю. Основные вопросы теории языковых контактов. *Новое в лингвистике*. 1972. №6. С.5-24

6. Бондалетов В.Д. *Социальная лингвистика*. М.: Просвещение, 1987. 160 с. d=682196 (дата обращения: 05.08.2022)
7. Залевская А.А., Медведева И.Л. *Психолингвистические проблемы учебного двуязычия: учебное пособие*. Тверь: Издательство Тверского государственного университета. 2002. 194 с.
8. Верещагин Г.М. *Психологическая и методологическая характеристика двуязычия (билингвизма)*. М.: Изд-во МГУ, 1969. 160 с.
9. Ferguson С.А. *Diglossia*, 1959. 340 p.
10. Швейцер А.Д. *Социолингвистика. Лингвистический энциклопедический словарь*. М., 1990. С. 481–482
11. Мечковская Н.Б. *Социальная лингвистика: Пособие для студентов гуманитарных вузов и учащихся лицеев*. 2-е изд., испр. М.: Аспект-Пресс, 2000. 206 с.
12. Успенский Б.А. *Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.)*. М.: Гнозис, 1994. 240 с.
13. Каплунова М.Я. *Языковая политика и функциональное развитие языков в КНР*. Дисс...канд. фил. Наук:10.02.19, М., 2019
14. *Карта компактного проживания национальных меньшинств Китая (中国少数民族分布图)* <http://www.minzunet.cn/eportal/ui?page-Id=663068&articleKey=716894&columnI>
15. Коряков Ю.Б. *Языковая ситуация в Белоруссии и типология языковых ситуаций*. Дисс...канд. фил. наук: 10.02.19. – М., 2002.
16. Завьялова О.И. *Диалекты китайского языка*. М.: Научная книга, 1996. 207 с.
17. *Основные данные седьмой национальной переписи населения (第七次全国人口普查主要数据情况)*. http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/202105/t20210510_1817176.html (дата обращения: 01.08.2022)
18. Виноградов В.А. *Языковая ситуация. Лингвистический энциклопедический словарь*, 1990. <http://tapemark.narod.ru/les/616b.html> (дата обращения: 10.09.2022)
19. Ли Юймин (李宇明). *Три теории китайской языковой программы (中国语言规划三论)*. 2010. <https://weread.qq.com/web/reader/e5e32400717c09cae5eb7e5кеccc32f3013eccbc87e4b62e> (дата обращения: 03.09.2022)

References

1. *Multilingual People*. [http://ilanguages.org/bilingual.php#:~:text=Bilingual%3A%20A%20person%20using%20or,\(43%25%20of%20world%20population\)&text=Polyglot%3A%20Someone%20with%20a%20high,population%20speak%205%](http://ilanguages.org/bilingual.php#:~:text=Bilingual%3A%20A%20person%20using%20or,(43%25%20of%20world%20population)&text=Polyglot%3A%20Someone%20with%20a%20high,population%20speak%205%)

- 20languages% (дата обращения: 02.08.2022)
2. Gurova M.B. Bilingualism: concept and classification. *World science: problems and innovations: collection of articles of the XX International Scientific and Practical Conference: at 2 pm, Penza, April 30, 2018.* Penza: Science and Education, 2018, P. 157–159.
  3. Shcherba L.V. *Language system and speech activity.* L.: Nauka, 1974. 497 p.
  4. Weinreich U. Monolingualism and multilingualism. *New in linguistics.* 1972. No. 6. P.25-60
  5. Rozenveig V.Yu. Basic questions of the theory of language contacts. *New in linguistics.* 1972. No. 6. P.5-24
  6. Bondaletov V.D. *Social Linguistics.* Moscow: Education, 1987. 160 p.
  7. Zalevskaya A.A., Medvedeva I.L. *Psycholinguistic problems of educational bilingualism: a textbook.* Tver: Tver State University Publishing House. 2002. 194 p.
  8. Vereshchagin G.M. *Psychological and methodological characteristics of bilingualism (bilingualism).* M.: Publishing House of Moscow State University, 1969. 160 p.
  9. Ferguson C.A. *Diglossia,* 1959. 340 p.
  10. Schweitzer A.D. *Sociolinguistics. Linguistic encyclopedic dictionary.* M., 1990. P. 481–482
  11. Mechkovskaya N.B. *Social Linguistics: A Handbook for Humanitarian Students.* universities and lyceum students. 2nd ed., rev. M.: Aspect-Press, 2000. 206 p.
  12. Uspensky B.A. *Brief essay on the history of the Russian literary language (XI-XIX centuries).* M.: Gnosis, 1994. 240 p.
  13. Kaplunova M.Ya. *Language Policy and Functional Development of Languages in China.* Diss...cand. Phil. Sciences: 10.02.19, M., 2019
  14. *Map of compact residence of national minorities in China (中国少数民族分布图)* <http://www.minzunet.cn/eportal/ui?page-Id=663068&articleKey=716894&columnId=682196> (дата обращения: 05.08.2022)
  15. Koryakov Yu.B. *Language situation in Belarus and typology of language situations.* Diss...cand. Phil. Sciences: 10.02.19. - M., 2002.
  16. Zavyalova O.I. *Chinese dialects.* M.: Scientific book, 1996. 207 p.
  17. *Basic data of the 7th national population census (第七次全国人口普查主要数据情况).* http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/202105/t20210510_1817176.html (Accessed: 08/01/2022)
  18. Vinogradov V.A. *Language situation. Linguistic Encyclopedic Dictionary,* 1990. <http://tapemark.narod.ru/les/616b.html> (date of access: 09/10/2022)
  19. Li Yuming (李宇明). *Three Theories of the Chinese Language Program (中国语言规划三论).* 2010. <https://weread.qq.com/web/reader/e5e32400717c09cae5eb7e5kecc32f3013ec-cbc87e4b62e> (accessed 03.09.2022)

Информация об авторе

Заклязьминская Екатерина Олеговна,

к.э.н., доцент кафедры китайского языка
института иностранных языков

Московский городской педагогический
университет

2-й Сельскохозяйственный пр-д, 4,
Москва, 129226

Ekaterina.zakl@gmail.com

Information about the Author

Ekaterina O. Zakliazminskaia

Candidate of Science (Economics), Associate
Professor of the Chinese Language Depart-
ment of the Institute of Foreign Languages

Moscow City Pedagogical University

2nd Agricultural Prospect, 4, Moscow,
129226

Ekaterina.zakl@gmail.com

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25.09.2022

Одобрена после рецензирования: 10.10.2022

Принята к публикации: 20.10.2022

Information about the article

The article was submitted: 25.09.2022

Approved after reviewing: 10.10.2022

Accepted for publication: 20.10.2022

**«Particularities of literary translations from classical Chinese
into Russian (on the example of Pu Songling's (1640—1715)
works' translations)»**

**«Особенности перевода классической китайской литературы
на русский язык (на примере переводов новелл Пу Сун-Лина
(1640—1715 гг.))»**

*Сторожук Александр Георгиевич,
Санкт-Петербургский государственный
университет,
a.storozhuk@spbu.ru*

*Alexander G. Storozhuk,
St. Petersburg State University,
Department of Chinese Philology
a.storozhuk@spbu.ru*

УДК 82-344, 821.581, 81-26 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-4-2022-20-28](https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2022-20-28)

АННОТАЦИЯ

Тема переводов новелл известного цинского литератора Пу Сун-лина (蒲松齡, 1640—1715) на русский язык возникала в отечественном востоковедении неоднократно. Наиболее системный и художественно оправданный подход перевода собрания «Странные истории из кабинета неудачника» (Ляо Чжай чжи и, 聊齋志異) на русский язык был предложен академиком В. М. Алексеевым (1881—1951) и продолжен в недавнем полном переводе этого свода, опубликованном в 2022 году. Проанализировав ключевые моменты опубликованных переводов, можно констатировать, что установки В. М. Алексеева по переложению новелл Пу Сун-лина на русский язык не потеряли актуальности по сей день, что они могут и должны быть дополнены и развиты в русле изначально выбранных принципов, и что они вполне могут послужить

ABSTRACT

Idea of translating works by famous Qing writer Pu Songling (蒲松齡, 1640—1715) into Russian has emerged in Russian Asian studies quite a number of times. The most systematized and justified approach of translation of “Strange Tales from a Chinese Studio” (Liao Zhai Zhi Yi, 聊齋志異) into Russian has been proposed by academician V. M. Alexeyev (1881—1951) and proceeded in the late full translation of the mentioned corpus, published in 2022. Having analyzed the key moments of the published translations, one can make the following conclusions: the main lines of Pu Songling's interpretation into Russian, proposed by V. M. Alexeyev, are still efficient till now; they can be supplemented and developed according to the initially formulated principles and can form the basis for translations of other classical Chinese texts into Russian.

основой для перевода на русский язык и других текстов, написанных на вэньяне.

Ключевые слова: Китай, литература, рассказы, Ляо Чжай, Пу Сун-лин, перевод.

Для цитирования: Сторожук А.Г. «Особенности перевода классической китайской литературы на русский язык (на примере переводов новелл Пу Сун-Лина (1640—1715 гг.))». *Современные востоковедческие исследования*. 2022; 4 (4). С. <https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2022-20-28>

Проблема перевода классической китайской литературы на русский язык неоднократно осмыслялась отечественными синологами, каждый из которых предлагал своё видение проблемы и свою концепцию подхода к переводу. Одна из наиболее исторически апробированных теорий в этой области была представлена академиком В. М. Алексеевым в ходе работы над переводом новелл Пу Сун-лина (1640—1715 гг.), увидевшим свет в форме четырёх сборников, вышедших из печати в 1922 году (сборник «Лисьи чары») [1], в 1923 году (сборник «Монахи-волшебники») [2], в 1928 году (сборник «Странные истории») [3] и в 1937 году (сборник «Рассказы о людях необычайных») [4]. Все четыре издания были снабжены подробными предисловиями, где и излагались теоретические основы перевода. Предисловия эти впоследствии неоднократно переиздавались; самый полный из изданных на сегодняшний день на русском языке сводов [5]

Keywords: China, literature, short-stories, Liao Zhai, Pu Song-ling, translations.

For citation: Storozhuk A.G. «Particularities of literary translations from classical Chinese into Russian (on the example of Pu Songsing's (1640—1715) works' translations)». *Modern Oriental Studies*. 2022; 4 (4). P. (*In Russ.*) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2022-20-28>

включает все четыре предисловия, не только весьма наглядно демонстрирующих целостную картину требований и пожеланий, представленных в концепции В. М. Алексеева, но и позволяющих проследить, как менялись его установки с течением времени. Будучи представлена в указанных изданиях, эта теория, тем не менее, не получила некоего законченного лапидарного вида, оставаясь собранием установок, сформулированных чётко или только намеченных В. М. Алексеевым, и неоднократно пересмотренных и переосмысленных от издания к изданию. Интересно, что многие установки, присутствующие в самих текстах перевода, но не заявленные в виде отдельных положений, воспринимались академиком как сформулированные и заявленные, и он отсылает в предисловиях поздних изданий (например, 1928 года) к ранним «выпускам» (так в оригинале — А. С.), чтобы восприятие текста оказалось вдумчивым и полным [например, 5, 319]. По сути дела

же важнейшие установки, представленные в предисловиях и текстов переводов, могут быть определены следующим образом:

1. Отказ от сплошного комментария, и обращение к нему только в том случае, когда иначе смысл сказанного будет решительно непонятным.
2. Стремление минимизировать любые привнесения в текст.
3. Внимание к передаче формы оригинала.
4. Маркирование «наильно внедрённых в текст неожиданных цитат» [5, 461] вводными словами, вроде «как говорится», «что называется».
5. Выработка особого стиля повествования, способного соответствовать авторской «неслышимой» речи, то есть классическому взъяню. В. М. Алексеев называет эту речь «неслышимой» постоянно и во всех изданиях, упирая на невозможность устного общения на языке новелл в отличие от живого разговорного китайского языка.

Осуществление этих установок блестяще иллюстрируют сами новеллы, и правота исследователя доказана неослабевающим интересом к его переводам, существующим на протяжении уже ста лет.

Вместе с тем стоит вспомнить, что работа над «Ляо Чжаем» не была закончена В. М. Алексеевым, а многие поздние идеи и догадки не успели воплотиться, поэтому уместным кажется вернуться к поднятому им вопросу и проанализировать, что из вышеперечисленного остаётся непреложным, а что требует корректировки и в какой мере.

1. Вопрос обращения к комментарию самим В. М. Алексеевым неоднократно переосмыслялся. Если в издании 1923 года, например сноски, были крайне лаконичны и немногочисленны, то в сборнике 1937 года их много больше, они подробнее и куда лучше помогают читателю понять особенности текста Пу Сун-лина. Здесь уже В. М. Алексеев констатирует, что при наличии пояснений в китайском издании, их следовало бы воспроизвести в русском переводе, а также пояснить и те моменты, которые русский читатель, в отличие от китайского, не сможет понять из-за различий культур. Однако же, такой подход кажется логически незавершённым и требующим доработки.

Во-первых, пояснения в китайском тексте — материя факультативная и диктуемая только желанием и возможностью издателя. Текст первого ксилографического издания «Ляо Чжая», так называемое «Цинкэтинское собрание» (青柯亭本聊齋志異), вышедшее в 1766 году в городке Цзяньдэ (建德) в провинции Чжэцзян, пояснений и сносок не имело (текст см. [12]); известнейшее шанхайское издание 1886, литографированное в печатне Тунвэньшущэюй (同文書局), известное как «Проиллюстрированные и откомментированные “Странные истории из Кабинета Неудачника”», содержало подробный комментарий к «Собственному написанию Ляо Чжая» (聊齋自志) — сохранившемуся предисловию к утерянному прижизненному своду, составленному самим Пу Сун-лином; но текст корпуса новелл был пояснён чрезвычайно фрагментарно и неглубоко (см. [9]). Издания

середины и второй половины XX века могли как содержать примечания (например, издание 2015 года с подробным комментарием [8]), так и полностью их игнорировать (например, издание 2009 года и последующие его переиздания [7]). Иногда примечания не столько поясняли текст, сколько отсылали к классическим книгам, откуда Пу Сун-лином была взята та или иная цитата [например, 10 или 11]. Другими словами, брать китайские издания как основу для вставки примечаний кажется необоснованным и лишённым системы. Более того, многие подробно прокомментированные своды случайно или намеренно игнорируют важные и сложные места в тексте, давая подробнейшие ссылки там, где их необходимость в принципе спорна.

Поэтому единственным удовлетворительным критерием комментирования текста представляется возможность или невозможность неподготовленного русскоязычного читателя понять сказанное, причём понять во всей заложенной автором многосмысленности, со скрытыми аллюзиями и реминисценциями. Если так, то в случае Пу Сун-лина можно однозначно констатировать, что комментарий неизбежен, и величина его может превосходить оригинал, порою, даже существенно. Важным обстоятельством здесь кажется стремление организовать при этом текст таким образом, чтобы нелюбопытный читатель, не желающий вникать в бесконечные тонкости стиля, мог, пренебрегая комментариями, всё равно понять смысл повествования и уяснить себе фабулу.

2. Минимизирование любых привнесений в текст кажется задачей обоснованной

и безальтернативной, иначе вместо перевода следует заявлять вольный авторский пересказ. Вместе с тем, для текстов на вэньяне привнесения, пусть и небольшие, всё равно потребуются, в противном случае изложить по-русски сказанное в оригинале окажется невозможным. Например, на протяжении целых страниц в оригинале могут вообще опускаться субъекты действия, при этом каждая новая фраза будет начинаться глаголом, вполне чётко указывающим на предполагаемого актанта. В русском же переводе рассказ, построенный таким образом, утратит понятность уже через несколько предложений, поэтому время от времени будет необходимо отдельно указать, кто в данном случае имеется в виду.

Не менее справедливым это же утверждение будет и в случае, когда рассказ ведётся о героях или героинях, социальный статус которых в русском переводе будет почти неразличим. Например, в рассказе «Гэн-нян» (庚娘) главная героиня оказывается на ладье в одной каюте с супругой Вана Восемнадцатого [цзюань 3, — 10, Т. 1, 383—384]. Сама Гэн-нян именуется «госпожой» или «дамой» (女) в то время, как жена Вана — «супругой» (婦) или «женой» (妻). Не вызывает сомнения, что в русском тексте описание взаимоотношений «госпожи» и «супруги» уже через три фразы окажутся совершенно не понятными и потребуют подробных объяснений, поэтому здесь также необходимо очень деликатное привнесение в перевод с целью не допустить потерю читателем нити повествования.

3. Передача формы оригинала — отдельный вопрос, которому уместнее было бы посвятить специальные изыскания; в данном случае лишь наметим некие общие моменты, не претендуя на их всестороннюю проработку. Сложность авторского замысла отмечалась В. М. Алексеевым не единожды, но во всех четырёх сборниках это утверждение практически не нашло художественного воплощения. Исключением можно назвать здесь лишь ритмизованный перевод «Собственного написания», опубликованный в 1937 году, но принцип ритмизации, равно как и критерии её отображения в русском тексте, сформулированы не были. Это же в полной мере справедливо и для сделанного в 1949 году ритмизованного перевода новеллы «Зрочки-человечки беседовали» (瞳人語), что также удивляет, поскольку как раз это произведение, в отличие от целого ряда других, никак не отличается чёткой ритмикой, наличием стихотворных вставок и пр. В остальном же особенность ритмической организации текста отмечалась как факт, но в переводе отражена не была.

Следует полагать, что при возможности продолжить работу над новеллами, В. М. Алексеев непременно это упущение исправил бы, поэтому в новом переводе новелл Пу Сун-лина [6] была предпринята попытка предложить ритмизованные переводы тех новелл, где этот принцип в оригинале очевиден и играет роль формообразующего элемента художественной ткани. Например, это новеллы «Барышня Линь

Четвёртая» (林四娘) [6, 541—548], «Учёный муж их Фэнъяна» (鳳陽士人) [6, 377—383], фрагменты новелл «Ван Шестой молодец» (王六郎) [6, 93—103], «Не Сяо-цянь» (聶小倩) [6, 325—342] и ряда других. Здесь везде принцип передачи ритмической речи соблюдался такой: в русском переводе количество иктов (ритмических ударений) соответствовало количеству иероглифов в ритмической фигуре оригинала; при смене ритма оригинала менялся и ритм перевода. Размер в русском переводе выбирался, исходя из общей тональности нарратива, но в целом предпочтение отдавалось трёхдольным метрам. При передаче стихотворных фрагментов к сформулированному выше добавлялась также рифмовка, причём рифмующиеся строки выбирались не произвольно, но в соответствии с порядком рифмующихся строк оригинала. В дальнейшей работе по переводу «Ляо Чжая» предполагается сохранить те же принципы передачи ритмизованного и рифмованного текста с одной добавкой — в случае, если в оригинале рифмуются только чётные строки, в русском переводе будет применяться перекрёстная рифма как лучше соответствующая требованиям классического русского стиха.

4. Маркирование «внедрённых цитат» вводными оборотами следует признать одним из наиболее продуктивных и обоснованных нововведений В. М. Алексеева. Действительно, при чтении новелл Пу Сун-лина классически образованный китаец произвольно «маркировал» про себя пассажи, являющиеся скрытыми цитатами, парафразами и тому подобными вкраплениями классических или других

известных текстов в художественную ткань рассказа. Аналогично вполне уместным выглядит предложение сходным образом «маркировать» те же места в переводе, оставляя на выбор читателя — обратиться ли ему немедленно к комментарию за разъяснением, отложить это обращение или читать дальше, имея в виду, что здесь какая-то ссылка на посторонний текст, знакомиться с которым подробнее нет желания. Для этого отлично подходят вводимые В. М. Алексеевым «как говорится», «что называется» и многочисленные их аналоги. В переводах «Ляо Чжая» [6] это принцип соблюдается неукоснительно.

5. Особый стиль, необходимость которого В. М. Алексеев объяснял искусственностью, неслышимостью вэньяня для носителей китайского языка цинского времени, также следует признать исключительной переводческой удачей заложенной им традиции литературных переложений, но здесь необходимо сделать одну оговорку. Сам стиль нарратива В. М. Алексеева удачен не потому, что связан с идеей «неслышимости» каких-то языковых особенностей, а потому, что он генетически сродственен стилистической манере самого Пу Сун-лина. В изысканном вэньяне последнего имеются и вкрапления современной писателю бытовой лексики, и диалектизмы; сам же язык для цинских начётчиков вряд ли мог казаться слишком архаичным, поскольку был неотъемлемой частью каждойдневной чиновничьей рутины, и, скорее, ощущался носителя-

ми так, как воспринимался бы сегодня высокий стиль XVIII века — изыскано, вычурно, с патиной старины, но при этом вполне понятно. Полагаю, именно этот стиль изложения стал основой грандиозного успеха переводов Ляо Чжая, и именно его в издании [6] всемерно стараются сохранить. Однако, считать вэньянь неслышимым языком кажется неверным и во многом пагубным для перевода Пу Сун-лина: невозможность разговаривать на этом языке вовсе не обозначает невозможность обращаться к звукописи, задействовать консонансы и прочее; именно на этом строится передача посредством вэньяня просторечия в рассказе «Ван Шестой молодец» (王六郎) [10, Т. 1, 26—31], именно на этом основываются постоянные звукоподражания, насыщающие текст; именно эта особенность лежит и в основе ритмизации текста, о которой говорилось выше. Поэтому и русский перевод по возможности должен опираться на те же принципы, используя консонансы там, где прибегает к ним автор, воспроизводя оноματοпоэтические конструкции, ритмизуя те части нарратива, которые ритмически организованы в оригинале.

В целом, можно констатировать, что установки В. М. Алексеева по переводу новелл Пу Сун-лина на русский язык не потеряли актуальности по сей день, они могут и должны быть дополнены и развиты в русле изначально выбранных принципов, и они вполне могут послужить основой для перевода на русский язык и других текстов, написанных на вэньяне.

Список литературы

1. Ляо Чжай. Том первый. Лисьи чары. Из сборника странных рассказов Пу Сун-лина (Ляо Чжай чжи и) / Всемирная литература. Перевод и предисловие В.М.Алексеева. Петербург: «Государственное издательство», 1922. 159 с.
2. Ляо Чжай. Монахи-волшебники. Из сборника странных рассказов Пу Сун-лина (Ляо Чжай чжи и) / Всемирная литература. Перевод и предисловие В.М.Алексеева. М.-Пг.: «Государственное издательство», 1923. 278 с.
3. Ляо-Чжай. Странные истории / пер. с кит., примеч. и предисл. В. М. Алексеев. Ленинград: «Мысль», 1928. 272 с.
4. Ляо-Чжай. Рассказы о людях необычайных (из серии новелл Ляо-чжай чжи-и) / Пер. с кит. В. М. Алексеева. М.: «Изд-во АН СССР», 1937. 494 с.
5. Пу Сун-лин. Странные истории из Кабинета Неудачника (Ляо Чжай чжи и) / Пер. с кит., предисл., ст., коммент. акад. В. М. Алексеева. Сост., подгот. текста, послесл. М. В. Баньковской. СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2000. 784 с.
6. Пу Сун-лин. Ляо Чжай чжи и (Странные истории из кабинета неудачника): Полное собрание в 12 цзюанях. В 7 т. Т. 1 / Сост. А. Г. Сторожук., отв. и науч. ред. Д. И. Маяцкий, перев. В. М. Алексеева, А. Г. Сторожука. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2022, 568 с., ил.
7. Пу Сун-лин. Ляо Чжай чжи и (Странные истории из Кабинета Неудачника) / Цзэжэнь бяньци Ван Цзюнь (Ответственный редактор Ван Цзюнь). Пекин: Чжунхуа Шуцзюй, 2009. 560 с.
8. Пу Сун-лин. Ляо Чжай чжи и (Странные истории из Кабинета Неудачника) / Юй Тянь-чи чжу; Сунь Тун-хай, Юй Тянь-чи дэн и (Комментарии Юй Тянь-чи, перевод Сунь Тун-хая и Юй Тянь-чи). 蒲松齡. 聊齋志異 / 于天池注; 孫通海, 于天池等譯. Пекин: «Чжунхуа шудянь», 2015. Т. 1—4. 5414 с.
9. Пу Сун-лин. Сяньчжу Ляо Чжай чжи и туюн (Проиллюстрированные и откомментированные «Странные истории из Кабинета Неудачника»). 蒲松齡. 詳註聊齋志異圖詠. Шанхай: Тунвэньшущзюй, 1886. Т. 1—8, 1414 с.
10. Пу Сун-лин. Ляо Чжай чжи и. Хуй цзяо хуй чжу хуй пин бэнь («Странные истории из Кабинета Неудачника» с собранными аннотациями, комментариями и ремарками) / Чжан Ю-хэ цзицзяо (составление и сверка Чжан Ю-хэ). 蒲松齡. 聊齋誌異。會校會注會評本 / 張友鶴輯校. Шанхай: «Гуцзи чубаньшэ», 2011. Т. 1—4. 1740 с.
11. Пу Сун-лин. Ляо Чжай чжи и. Цюань цзяо хуй чжу цзи пин сюдин бэнь («Странные истории из Кабинета Неудачника». Исправленное издание с полными аннотациями, собранными комментариями и сведёнными ремарками) / составление и редакция Жэнь Ду-сина). 蒲松齡. 聊齋誌異。全校會注集評修訂本 / 任篤行輯校. Пе-

кин: Жэньминь вэньсюэ чубаньшэ, 2016. Т. 1—4, 2460 с.

12. Пу Сун-лин. Цинкэтин бэнь Ляо Чжай чжи и (Цинкэтинское издание Странных историй из Кабинета Неудачника). 蒲松齡. 青柯亭本聊齋志異. Пекин: Гоцзя тушугуань чубаньшэ, 2020. Т. 1—8, 2144 с.

References

1. Lyao CHzhaj. Tom pervyj. Lis'i chary. Iz sbornika strannyh rasskazov Pu Sun-lina (Lyao CHzhaj chzhi i) / Vsemirnaya literatura .Perevod i predislovie V.M.Alekseeva. Peterburg: «Gosudarstvennoe izdatel'stvo», 1922. 159 s.
2. Lyao CHzhaj. Monahi-volshebniki. Iz sbornika strannyh rasskazov Pu Sun-lina (Lyao CHzhaj chzhi i) / Vsemirnaya literatura. Perevod i predislovie V.M.Alekseeva. M.-Pg.: «Gosudarstvennoe izdatel'stvo», 1923. 278 s.
3. Lyao-CHzhaj. Strannye istorii / per. s kit., primech. i predisl. V. M. Alekseev. Leningrad: «Mysl'», 1928. 272 s.
4. Lyao-CHzhaj. Rasskazy o lyudyah neoby-chajnyh (iz serii novell Lyao-chzhaj chzhi-i) / Per. s kit. V. M. Alekseeva. M.: «Izd-vo AN SSSR», 1937. 494 s.
5. Pu Sun-lin. Strannye istorii iz Kabineta Neudachnika (Lyao CHzhaj chzhi i) / Per. s kit., predisl., st., komment. akad. V. M. Alekseeva. Sost., podgot. teksta, poslesl. M. V. Ban'kovskoj. SPb.: «Peterburgskoe Vostokovedenie», 2000. 784 s.
6. Pu Sun-lin. Lyao CHzhaj chzhi i (Strannye istorii iz kabineta neudachnika): Polnoe sobranie v 12 czyuanyah. V 7 t. T. 1 / Sost. A. G. Storozhuk., otv. i nauch. red. D. I. Mayackij, perev. V. M. Alekseeva, A. G. Storozhuka. — SPb.: Izd-vo SPbGU, 2022, 568 s., il.
7. Pu Sun-lin. Lyao CHzhaj chzhi i (Strannye istorii iz Kabineta Neudachnika) / Cezhen' byan'chi Van Czyun' (Otvetsvennyj redaktor Van Czyun'). Pekin: CHzhunhua SHuczyuj, 2009. 560 s.
8. Pu Sun-lin. Lyao CHzhaj chzhi i (Strannye istorii iz Kabineta Neudachnika) / YUj Tyan'-chi chzhu; Sun' Tun-haj, YUj Tyan'-chi den i (Kommentarii YUj Tyan'-chi, perevod Sun' Tun-haya i YUj Tyan'-chi). 蒲松齡. 聊齋志異 / 于天池注; 孫通海, 于天池等譯. Pekin: «CHzhunhua shudyan'», 2015. Т. 1—4. 5414 s.
9. Pu Sun-lin. Syan'chzhu Lyao CHzhaj chzhi i tu yun (Proillyustrirovannye i otkommentirovannye «Strannye istorii iz Kabineta Neudachnika»). 蒲松齡. 詳註聊齋志異圖詠. SHanhaj: Tunven'shuczyuj, 1886. Т. 1—8, 1414 s.
10. Pu Sun-lin. Lyao CHzhaj chzhi i. Huj czyao huj chzhu huj pin ben' («Strannye istorii iz Kabineta Neudachnika» s sobrannymi annotaciyami, kommentariyami i remarkami) / CHzhan YU-he cziczao (sostavlenie i sverka CHzhan YU-he). 蒲松齡. 聊齋誌異。會校會注會評本 / 張友鶴輯校. SHanhaj: «Guczi chuban'she», 2011. Т. 1—4. 1740 s.
11. Pu Sun-lin. Lyao CHzhaj chzhi i. Cyuan' czyao huj chzhu czi pin syudin ben' («Strannye istorii iz Kabineta Neudachnika»). Ispravlennoe

izdanie s polnymi annotacijami, sobrannymi kommentarijami i svedyonnymi remarkami) / sostavlenie i redaktura ZHen' Du -sina). 蒲松齡。聊齋誌異。全校會注集評修訂本 / 任篤行輯校. Pekin: ZHen'min' ven'syue chuban'she, 2016. T. 1—4, 2460 s.

12. Pu Sun-lin. Cinketin ben' Lyao CHzhaj chzhi i (Cinketinskoe izdanie Strannyh istorij iz Kabineta Neudachnika). 蒲松齡。青柯亭本聊齋志異. Pekin: Goczya tushuguan' chuban'she, 2020. T. 1—8, 2144 s.

Сведения об авторе

Сторожук Александр Георгиевич,

док. филол. наук,

Санкт-Петербургский государственный университет,

Кафедра китайской филологии

a.storozhuk@spbu.ru

Information about the author

Alexander G. Storozhuk,

Doctor of Philology,

St. Petersburg State University,

Department of Chinese Philology

a.storozhuk@spbu.ru

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25.09.2022

Одобрена после рецензирования: 10.10.2022

Принята к публикации: 20.10.2022

Information about the article

The article was submitted: 25.09.2022

Approved after reviewing: 10.10.2022

Accepted for publication: 20.10.2022

Modern problems of theory and typology in teaching Chinese

Актуальные проблемы теории и типологии при обучении китайскому языку

Курдюмов Владимир Анатольевич

*Московский городской педагогический
университет*

vkplans@gmail.com

Vladimir A. Kurdyumov

Moscow City University

vkplans@gmail.com

УДК 81.581 .11 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-4-2022-29-35](https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2022-29-35)

АННОТАЦИЯ

Системный облик языка, в том числе в процессе обучения, определяется его типологией, важным компонентом компетенции. В современных учебниках, основанных на коммуникативных принципах, вопросы теории освещаются всё менее системно. Китайский язык — изолирующий и топиковый (структуры «топик-комментарий» как базовый тип синтаксиса), с неглагольным синтаксисом, без имитации отношений «деятель-действие», присущей флективным языкам. От русского китайский отличается противоположной значимостью уровней языка: с сильными морфемой, словосочетанием, СФЕ. (В русском литературном сильными являются уровни: фонем, лексем, предложений). Слабый лексический уровень в китайском представлен единицами, легко соединяющимися и легко распадающимися, отличными от европейских спаянных и стабильных слов. Часть речи в китайском языке совпадает с упо-

ABSTRACT

The systemic understanding of the language, including in the learning process, is determined by its typology, an important component of competence. In modern textbooks based on communicative principles, theoretical issues are covered less and less systematically. Chinese is isolating and topical (topic-comment structures as the basic type of syntax), with a “non-verbal” syntax, without the imitation of actor-action relation inherent in inflectional ones. Chinese differs from Russian in the opposite significance of language levels: with strong morphemes, phrases, and SSUs. (In the Russian literary language, the following levels are strong: phonemes, lexemes, sentences). The weak lexical level in Chinese is represented by units that are easily connected and easily separated different from the stable “European” words. The part of speech in Chinese coincides with usage (rather than vocabulary unit), it is characterized by positional morphology with a predom-

треблением (а не словарной единицей), ему свойственна позиционная морфология с преобладанием диапазонов в современном байхуа. В силу топиковости языка связка в китайском не является глаголом. При изучении языка важно помнить, что изучается не единственный образцовый вариант, а системный комплекс, подразумевающий знание закономерностей стилей, региональных вариантов и «диалектов».

Ключевые слова: китайский язык, типология, топик и комментарий, уровни языка, позиционная морфология, предикационная концепция.

Для цитирования: Курдюмов В.А. Актуальные проблемы теории и типологии при обучении китайскому языку. *Современные востоковедческие исследования*. 2022; 4 (4). С. <https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2022-29-35>

1. И вузовское, и школьное обучение китайскому языку (КЯ) в России в последние 20 лет фактически перешло к коммуникативному методу — на основе либо китайских континентальных, либо переводных учебных материалов. Между тем, в Советском Союзе обучение строилось в соответствии с другим — сознательно-практическим методом: к примеру, в учебнике Т.П. Задоевко (переизданном в 2002г. [1]) предполагалось, что содержание первого года обучения — овладение грамматикой простого предложения. Каждый из методов имеет положительные стороны, однако «полный уход» в коммуникативность исключает усвоение теоретических знаний, прежде все-

inance of ranges in modern Baihua. Due to the topicality of the language, the copula in Chinese is not a verb. When studying a language, it is important to remember that it is not a single exemplary variant that is being studied, but a systemic complex that implies knowledge of the patterns of styles, regional variants and “dialects”.

Keywords: Chinese language, typology, topic and comment, language levels, positional morphology, predicational theory of language.

For citation: Kurdyumov V.A. Modern problems of theory and typology in teaching Chinese. *Modern oriental studies*. 2022; 4 (4). P. <https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2022-29-35>

го, лингвистических. Как мы знаем, количество учебных часов на теоретические курсы продолжает сокращаться, системные занятия переносятся в раздел факультативов. Однако обучение в вузе — не просто изучение иностранного языка, а конструирование системной онтологической картины такого языка. Правила системы определяются внутренней детерминантой, то есть типологией.

2. Кроме того, мы уверены, что обращение к фактам китайского языка позволяет пересмотреть и обогатить теорию общего языкознания, со времён Ф. де Соссюра постулируемую как абсолютизацию фактов европейских (флективных, подлежащих, индоевропейских)

языков, т.е. «греко-латинского» идеала. Наш тезис “Китайский язык — идеальный объект языкознания” (который часто понимают неверно) означает, что любой не-флективный язык способствует не столько “обрушению” классической теории, сколько построению теории более универсальной, в которой “индо-европейские” категории будут лишь частным случаем.

3. Китайский язык непротиворечиво укладывается в две типологических классификации (фактически, параллельные). С точки зрения морфологической классификации Шлейхера-Гумбольдта он является изолирующим: в нём отсутствуют согласование и управление уровня предложения, нет реляционных морфем. Наблюдаемая (полу-)аффиксация представлена деривационными морфемами с явными следами корневой этимологии (включая суффикс 們 /men/, не “корневой” в синхронии, но и не реляционный). Встречающееся иногда утверждение, что “китайский — изолирующий по строю, но агглютинативный по технике”, достаточно преждевременно: аффиксация не обеспечивает связи в синтаксемах (что, возможно, появится в языках после китайского — через 400-500 лет).

4. Согласно синтаксической классификации Ли и Томпсон [2], КЯ — язык с выдвижением топики: типичный говорящий в типичной ситуации выберет структуру 這本書 | 我還沒看完 как эквивалент русской структуры Я ещё не прочёл эту книгу (в русском — с подлежащим и сказуемым, и с последующим выделением темы и ремы — слушающим или исследовате-

лем) [8]. “Топиковая” теория прошла достаточно долгий путь, начиная с трудов Чжао Юань-жэня [3] и Ли&Томпсон [2], от неприятия и до массового признания (часто в причудливых модификациях). Русский литературный язык (РЛЯ) в такой классификации — язык с выдвижением подлежащего: согласно критериям Чжао Юань-жэня главные члены предложения имитируют отношения деятеля и действия (*Время бежит быстро, Стакан стоит на столе*), согласно критериям Ли и Томпсон связь между главными членами в РЛЯ — это согласование, без пауз и с допустимой рематичностью подлежащего. Предложение в КЯ — фактически, комплекс из двух разобщённых частей: топики и комментария.

5. Топиковая типология — лишь часть общей системы: целостного типологического облика китайского языка; при этом *системология* [4] КЯ до настоящего времени не получила развития: в силу фундаментальности проблемы и необходимости серьёзных усилий. Мы считаем комплексное системное описание такого облика одной из актуальнейших проблем китаеведения. В СССР (или, к примеру, ГДР) такие задачи решали научные коллективы, в нынешних условиях научные работы часто подчиняются конъюнктуре “общих” направлений, никак специфику китайского языка не учитывающих, к тому же опора на наукометрию стимулирует бессистемные хаотические и достаточно частные исследования. Топиковая типология, безусловно, находится в тесной связи с системологическими воззрениями Г.П. Мельникова [4]: “китайские” предложения — “канонически расчленённый” тип, требующий

сочленения в сознании слушающего, а “русские” (подлежащие) — “канонически сочленимый”, требующие расчленения (осознания темы и ремы — гипотетических топики и комментария порождения)

6. Топиковая типология КЯ — одна из предпосылок формирования общей для всех языков *предикационной концепции* [5, 6], в рамках которой язык — не статическая система (“склад”) знаков, а (бесконечная) совокупность процессов (идеи) порождения и (идеи) восприятия, где идея — структурно — *топик & комментарий*. В литературном флективном языке топиковые структуры на одной из стадий порождения преобразуются в подлежащие, со всеми особенностями такого типа речи, в изолирующем — речь на поверхности остаётся топиковой, чаще — более “прямой” и (иллюзорно) более доступной для понимания (русский язык — язык “выбалтывания”, КЯ — язык “сокрытия”).

7. При сравнительном изучении китайского и русского языков важную роль играет система уровней: в силу различной типологической отнесённости одни и те же уровни имеют разную значимость.

8. Фонема в русском языке, не допускающая значительной аллофонизации в исходной позиции — сильный уровень в русском языке в то время, как в китайском, «нарушающем» нормы и московской и ленинградской фонологических школ, — уровень слабый, как раз допускающий максимально широкую степень региональной аллофонизации.

9. Морфема в русском языке не имеет единых правил построения, не совпадает с фонологическими единствами и является сла-

бым уровнем. Морфема в КЯ — совпадает со слогом, имеющим чёткую фонологическую формулу (1+2+3+4; слогоморфема, тонированное единство) и является сильным уровнем.

10. Лексема в китайском — один из уровней, ярко демонстрирующих типологические расхождения между изолирующими и флективными языками. В силу того, что китайская лексема стремится либо к морфеме (однослоги), либо к пределам многосложного комплекса, явно подобного русскому идиоматическому выражению или аббревиатуре, то сосчитать “сколько слов в той или иной единице, выражающей целостное понятие” — задача, не имеющая смысла. Уровень представлен слабыми единицами, в случае многосложности легко соединяющимися и легко распадающимися (吃飯 /chī+fàn/ *кушать*, 候車線 /hòu+chē+xiàn/ *линия ожидания* (в метро), 狗活動區 /gǒu+huó+dòng+qū/ *собачья площадка*, 可水洗 /kě+shuǐ+xǐ/ *то, что можно стирать в воде*), структура которых строится по правилам микросинтаксиса. В русском языке лексема является целостным и неразрывным словом и представляет сильный уровень.

11. Сочетание лексических единиц, относительно произвольное в русском языке, но вполне устойчивое в китайском: словосочетание, — так или иначе, стремится к совпадению с синтагмой (отрезком речи между двумя вдохами) и является сильным уровнем, что неизбежно ведёт к практическому применению в учебном процессе — в виде усвоения устойчивых словосочетаний.

12. Предложение — минимальная коммуникативно автономная единица. Автономность

(возможность, в отличие от лексемы или словосочетания, быть самостоятельно воспринятым в ходе коммуникативного акта) формирует предикативность: комплекс формальных признаков, которые в каждом языке такой автономности (и минимальному соотношению с конкретной картиной действительности, нуждающейся в уточнении) соответствует. В русском языке предложение целостно и базируется на согласованной паре «подлежащее и сказуемое» (сильный уровень), в китайском языке оно формируется как пара самостоятельных частей — топка и комментария (слабый уровень).

13. Сферхфразовое единство (СФЕ) — относительно автономный фрагмент текста. На практике, исходя из опыта, текст членится на СФЕ помощи абзацев, глав: важных для автора и потенциально значимых для читателя отдельных фрагментов. Как справедливо указывал А.М. Ефремов [7], СФЕ следует считать сильным уровнем в китайском, и — менее значимым — в русском.

14. Текст — единство, соответствующее идее отправления, полностью заполняющее акт коммуникации и «присвоенное» автором, вне зависимости, междометие ли это или роман Цао Сюэ-циня. Наиболее приемлемое определение: текст — целостное личное послание, не более и не менее. Уровень выше текста — область дискурсов — представлен бесконечными порождениями текстов, объединённых общим топиком. Вопрос о силе-слабости уровней текста и дискурса при сопоставлении русского и китайского языка остаётся открытым, при этом очевидно, что видовые категории глагола, единственность/множественность (как и мно-

гое другое) «согласуются» именно на уровнях выше предложения.

15. Как мы упоминали, типологический облик целостен и проявляется в деталях. К примеру, в китайском гораздо более очевидна топиковая «этимология» т.н. сложных (полипредикативных) предложений. В РЛЯ преобладают союзные предложения, и при описании считается, что они полипредикативны, и связь между частями имеет логический характер. Китайский язык, где огромную роль играют бессоюзные единства, достаточно выпукло демонстрирует, что отношения между частями — не что иное, как связь «топик-комментарий» (или, если угодно, производное от неё: 出門 | 記得戴口罩 *Выходя из дома = Если Вы выходите из дома, (то) помните(, что нужно) надевать маску*). Это один из тех (многочисленных) случаев, когда контрастивный анализ с привлечением китайского языка ведёт к прояснению проблем общего языкознания.

16. Проблема связки в КЯ. Предложения со связкой 是/shì/ / 係/xì/ имеют мало общего с «европейскими» аналогами: связка не является глаголом и не происходит от него, не имеет ничего общего с идеей 2бытия» (явной, к примеру, в английском), — лишь закрепляя соответствие: «*Нечто суть что-то*» (аналог связки / «точки» 也/yě/ в классическом языке вэньянь; опять же, возможно, в языках после китайского такая связка перейдёт в глагол). Никакой «идеи бытия» в связках 是/shì/ / 係/xì/ нет.

17. КЯ в принципе «избегает действия», он 2аглаголен» (или «менее глаголен», чем флективные): к примеру, при добавлении видových и результативных «суффиксов» исходные

“качественные прилагательные” не становятся действиями (в высказываниях типа 天黑了 *Небо потемнело*). В КЯ по максимуму ни от чего не исходит действия (кроме, видимо, “прямых” ситуаций, хотя вопрос требует дальнейших исследований). Если в РЛЯ или английском даже предложения описания (к примеру, с кратким прилагательным — в РЛЯ, со связкой и существительным — в английском) стремятся к глагольности, то в КЯ ситуация обратна: даже там, где русскому учащемуся видится действие, носитель китайского продуцирует и воспринимает пропозицию как характеристику (手機 | 掉下去 *Телефон упал* — русский перевод подразумевает, что от телефона якобы исходит действие, ср. *Стоит хороша погода, Дни бегут быстро, Стакан стоит на столе* — “банальная метафора” с нашей точки зрения).

18. Вследствие топиковости пассивные отношения в норме не нуждаются в маркерах (六樓 | 到了 *Шестой этаж / приехали*). Пассивные предлоги 被/bèi/, 讓/ràng/, 叫/jiào/ 給/gěi/ и др., переходящие в частицы при глаголах, употребляются там, где это диктуется соображениями стилистики, требованиями перевода и пр.

19. С точки зрения частей речи КЯ характеризуется *позиционной морфологией*: типологически часть речи соответствует *словоупотреблению*, а не словарной единице (в русском – наоборот), хотя в современном байхуа существуют относительно устойчивые позиционности (в отличие от вэньяня — с почти полной “свободой”): допустимо говорить о морфологических категориях: позиции, диапазона, маршрута [8]. Лексическая единица “колеблется” и в пределах “словарного значения” представ-

ляет не только обобщённую сущность (鳥/niǎo/ “птичность”, 魚/yú/ “отнесённость к морским животным”), но и диапазоны типа “глагол-предлог”, “существительное — относительное — качественное прилагательное” и т.п.

20. В процессе обучения учащийся не должен воспринимать КЯ как некий уникальный “образцовый” вариант. Китайский язык в форме региональных вариантов, “диалектов” представлен в китайском мире (как минимум, пять территориальных образований, кроме того, существуют разговорные, литературные, канцелярские варианты, также различающиеся в самостоятельных регионах). Следовательно, российский школьник и студент должен не только усваивать некие догматичные правила и стандарты, а, зная законы функционирования, лингвистические закономерности, уметь гибко приспособливаться к тем или иным конкретным условиям коммуникации, видам письменности, акцентам, правилам вежливости и т.п. Важнейшим условием такой гибкости является системное знание типологических закономерностей в статике и динамике, синхронии и диахронии.

Список литературы

1. Задоев Т.П., Хуан Шуин Учебник китайского языка. – М.: Цитадель, 2002. – 768 с., ил.
2. Ли Ч.Н., Томпсон С.А. Подлежащее и топик: новая типология языков // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XI: Современные синтаксические теории в американской лингвистике. - М.: Прогресс, 1982. - С.193 - 235.
3. Chao Y.R. A Grammar of Spoken Chinese. Berkeley: Univ. of California Press, 1968. - XXXI, 848 P.

4. Мельников Г.П. Принципы и методы системной типологии языков.: дис. ... докт. филол. наук: 10.02.19. М.: ВКИ, 1990. - 406 с.
5. Курдюмов В.А. Идея и форма. Основы предикационной концепции языка. М.: Воен. ун-т, 1999. - 194 с.
6. Курдюмов В.А. Китайский язык и проблемы философской онтологии // IV Готлибовские чтения: Востоковедение и регионоведение Азиатско-Тихоокеанского региона в контексте трансдисциплинарного знания. Иркутск: ИГУ, 2020. - С.127-134.
7. Ефремов А.М. Связность китайского текста в сравнительно-типологическом аспекте. Дисс. ...канд. филолог. наук: 10.02.19. М.: ВКИ, 1987. - 166 с.
8. Курдюмов В.А. Курс китайского языка: Теоретическая грамматика: Цитадель, Лада, 2005. - 576 с.
7. Efremov A.M. Svyaznost' kitajskogo teksta v sravnitel'no-tipologicheskom aspekte. Diss. ...kand. filolog. nauk: 10.02.19. M.: VKI, 1987. - 166 s.
8. Kurdyumov V.A. Kurs kitajskogo yazyka: Teoreticheskaya grammatika: Citadel', Lada, 2005. - 576 s.

References

1. Zadoenko T.P., Huan SHuin Uchebnik kitajskogo yazyka. – M.: Citadel', 2002. –768 s., il.
2. Li CH.N., Tompson S.A. Podlezhashchee i topik: novaya tipologiya yazykov // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Vypusk HI: Sovremennye sintaksicheskie teorii v amerikanskoj lingvistike. - M.: Progress, 1982. - S.193 - 235.
3. Chao Y.R. A Grammar of Spoken Chinese. Berkeley: Univ. of California Press, 1968. - XXXI, 848 P.
4. Mel'nikov G.P. Principy i metody sistemnoj tipologii yazykov.: dis. ... dokt. filol. nauk: 10.02.19. M.: VKI, 1990. - 406 s.
5. Kurdyumov V.A. Ideya i forma. Osnovy predikacionnoj koncepcii yazyka. M.: Voen. un-t, 1999. - 194 s.
6. Kurdyumov V.A. Kitajskij yazyk i problemy filosofskoj ontologii // IV Gotlibovskie chteniya: Vostokovedenie i regionovedenie Aziatsko-Tihookeanskogo regiona v kontekste transdisciplinarnogo znaniya. Irkutsk:

IGU, 2020. - S.127-134.

Информация об авторе

Курдюмов Владимир Анатольевич,

док. филолог. наук, профессор

Кафедра китайского языка

Московский городской педагогический университет

vkplans@gmail.com

Information about the Author

Vladimir A. Kurdyumov,

Doctor in Linguistics, Professor

Department of Chinese Language

Moscow City University

vkplans@gmail.com

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25.09.2022

Одобрена после рецензирования:
10.10.2022

Принята к публикации: 20.10.2022

Information about the article

The article was submitted: 25.09.2022

Approved after reviewing: 10.10.2022

Accepted for publication: 20.10.2022

Situation in Manchuria 1902–1904 according to the reports of the diplomat G.A. Planson (1859–?)

Ситуация в Маньчжурии 1902–1904 гг. по донесениям дипломата Г.А. Плансона (1859–?)

Харитоновна Анна Михайловна

*Санкт-Петербургский государственный
университет*

*a.kharitonova@spbu.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-4234-5579>*

Anna M. Kharitonova

St. Petersburg State University

*a.kharitonova@spbu.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-4234-5579>*

УДК 94 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-4-2022-36-47](https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2022-36-47)

АННОТАЦИЯ

В данной статье исследуется содержание донесений российского дипломата Г.А. Плансона, посвященных описанию и анализу ситуации в Маньчжурии в 1902–1904 гг. Выбраны те фрагменты донесений, которые наиболее ярко иллюстрируют обстановку в данном регионе Китая преддверии Русско-японской войны, что помогает сформировать более полную картину предшествующих и последующих исторических событий. Источниками по данной теме послужили донесения Г.А. Плансона и связанные с этой темой документы, которые хранятся в фондах Российского государственного архива Военно-Морского Флота (РГА ВМФ, г. Санкт-Петербург), Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ, г. Москва),

ABSTRACT

This article examines the content of the reports of the Russian diplomat G.A. Planson devoted to the description and analysis of the situation in Manchuria in 1902-1904. Those fragments of the reports have been selected that most clearly illustrate the situation in this region of China on the eve of the Russo-Japanese War, which helps to form a more complete picture of previous and subsequent historical events. The sources on this article were the diplomat's reports and documents related to this topic, which are stored in the funds of the Russian State Archives of the Navy (RGA VMF, St. Petersburg), the State Archives of the Russian Federation (GARF, Moscow), the Russian State Military Historical Archive (RGVIA, Moscow).

Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА, г. Москва).

Автор приходит к выводу, что в начале XX века российские консульства испытывали трудности в виде нескончаемого потока бумажной и судебной волокиты, несоизмеримой с возможностями дипломатов. В донесениях Г.А. Плансона раскрывается процесс заселения китайцами приграничных монгольских территорий с целью ведения там земледелия, поощряемого Цинским правительством. Дипломат пишет о сложностях взаимодействия с монгольскими князьями. Важное место в донесениях отводится описанию судьбы города-порта Инкоу: от позитивных изменений в городе после занятия его русскими и до бесславной сдачи его японцам.

Ключевые слова: Г.А. Плансон, российско-китайские отношения, Маньчжурия, Судопроизводство в Маньчжурии, Инкоу, Монголия, Русско-японская война.

Благодарность: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00858 («Российские дипломаты в Китае (2-я половина XIX — начало XX вв.): внешнеполитическое и социокультурное изменение»), <https://rscf.ru/project/22-28-00858/>.

Для цитирования: Харитонова А.М. Ситуация в Маньчжурии 1902–1904 гг. по донесениям дипломата Г.А. Плансона (1859–?). *Современные востоковедческие исследования*. 2022; 4 (4). С. <https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2022-36-47>

The author comes to the conclusion that at the beginning of the 20th century, Russian consulates experienced difficulties in the form of an endless stream of paperwork and judicial red tape, incommensurable with the capabilities of diplomats. In the reports of G.A. Planson reveals the process of settlement by the Chinese of the border Mongolian territories with the aim of conducting agriculture there, encouraged by the Qing government. The diplomat writes about the difficulties of interaction with the Mongol princes. An important place in the reports is given to the description of the fate of the Yingkou port city: from positive changes in the city after it was occupied by the Russians and to its inglorious surrender to the Japanese.

Keywords: G.A. Planson, Russian-Chinese relations, Manchuria, Legal proceedings in Manchuria, Yingkou, Mongolia, Russo-Japanese War

Acknowledgements: This research was supported by Russian Science Foundation, project no.22-28-00858 («Russian diplomats in China (2nd half of the 19th - early 20th centuries): political and socio-cultural dimensions»), <https://rscf.ru/project/22-28-00858/>.

For citation: Kharitonova A.M. Situation in Manchuria 1902–1904 according to the reports of the diplomat G.A. Planson (1859–?). *Modern Oriental Studies* 2022; 4 (4). P. <https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2022-36-47>

ВВЕДЕНИЕ

Начало XX века ознаменовалось непростым международным положением на Дальнем Востоке. Ведущие мировые державы наращивали торгово-экономическое и военно-стратегическое присутствие в Китае, а Маньчжурия постепенно оказалась в центре разворачивающейся конфронтации. С конца XIX века на Дальнем Востоке все более активную роль играла Япония. По итогам Китайско-японской войны (1894–1895) был подписан Симоносекский договор (1895), согласно которому Цинская империя отказалась от сюзеренитета над Кореей, а Японии были переданы остров Тайвань, архипелаг Пэнхуледао и должен был перейти Ляодунский полуостров, чего не допустила Россия при поддержке Франции и Германии, а это, в свою очередь, способствовало обострению отношений между Россией и Японией. В 1898 году была подписана Русско-китайская конвенция, по которой Россия арендовала у Китая Квантунский полуостров, а также получила разрешение провести по нему железнодорожную линию от КВЖД. В связи с восстанием ихэтуаней (1899–1901), направленным против иностранного вмешательства в экономику, политику и другие сферы жизни Китая, западные державы усиливают давление на Цинскую империю. Выступая против усиления российского влияния на Дальнем Востоке, Япония заключает Англо-японский союз (1902) о взаимном признании «специальных интересов» Англии в Китае, а Японии в Китае и Корее. Кроме того, Япония при поддержке США и Великобритании начинает активную подготовку к войне с Россией. Попытки с российской стороны мирного

урегулирования противоречий не увенчались успехом. Двусторонние переговоры не привели к мирному решению международных вопросов. Напротив, российская сторона столкнулась с крайне жесткой позицией Японии. Уже 24 января 1904 года Япония разорвала дипломатические отношения с Россией под предлогом якобы неуступчивости России на переговорах, 26 января 1904 года японская сторона начала боевые действия, а 28 января 1904 года была официально объявлена война.

Анализ донесений российских дипломатов, иллюстрирующих обстановку в преддверии открытых военных действий, помогает сформировать более полную картину предшествующих и последующих событий.

Источники периода Русско-японской войны многочисленны. Здесь следует упомянуть книгу Лукоянова И.В. «Не отстать от держав...» Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв.» (Лукоянов 2008, 13–39), в которой автор подробно описал источники по теме истории внешней политики России на Дальнем Востоке по отношению к Китаю, Японии и Корее, по строительству КВЖД и Сибирской железной дороги. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА, г. Москва) предоставляет исследователям обширный тематический перечень архивных документов по истории русско-японской войны, отражающий этапы подготовки, мобилизации войск, хронику боевых действий на суше и на море, разведку, материалы, иллюстрирующие отношение российского общества к войне (Перечень документов РГВИА...).

Другим примером такого тематического собрания является коллекция Президентской библиотеки, состоящая из официальных документов, мемуаров, периодических изданий альбомов и кинохроники (Коллекция Президентской библиотеки...).

В этом смысле остается все меньше неисследованных текстов. Одним из таких источников, дополняющих картину довоенной и военной Маньчжурии, являются донесения и письма российского дипломата Георгия Антоновича Плансона, в которых он излагал официальную позицию Российской империи и высказывал личные соображения по тем или иным внешнеполитическим вопросам, происходившим на его глазах на Дальнем Востоке. В статье использованы материалы по данной теме, которые хранятся в архивах Санкт-Петербурга и Москвы: Российский государственный архив Военно-Морского Флота (РГА ВМФ, г. Санкт-Петербург), Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ, г. Москва), Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА, г. Москва).

ДИПЛОМАТ Г.А. ПЛАНСОН НА СЛУЖБЕ В КИТАЕ

Георгий Антонович Плансон, выпускник факультета восточных языков (1884) и юридического факультета (1888) Санкт-Петербургского университета, о чем свидетельствует его диплом (ГАРФ, ф.818, д.3), начинал свой дипломатический путь в качестве делопроизводителя в стенах министерства иностранных дел, затем занимал должность заведующего библиотекой Азиатского департамента МИД. В 1902 году был отправлен в Китай для дипломатиче-

ской работы. Летом 1902 года он был прикреплен к ведомству российского наместника на Дальнем Востоке в качестве представителя министерства иностранных дел. В ноябре того же года на следующие четыре месяца он был переведен на должность поверенного в делах в Пекине (временное назначение в связи с болезнью посланника П.М. Лессара). После этого Г.А. Плансон в 1903–1904 годы был начальником дипломатической канцелярии наместника на Дальнем Востоке адмирала Е.И. Алексеева. Во время Русско-японской войны до октября 1904 года дипломат находился в Маньчжурии, откуда он отправился с Е.И. Алексеевым в Петербург, где приступил к подготовке работы российской делегации на Портсмутской мирной конференции в США. Вслед за этим он продолжил свою службу в Корее (1905–1908) и Сиаме (1910–1916), а затем был переведен в Швейцарию (1916). На этом его служба на Востоке была закончена. В Китае Г.А. Плансон был также несколько раз проездом, возвращаясь после отпуска, проведенного в России, на дипломатическую службу в Сиама в 1914 году. Различным аспектам деятельности дипломата в Китае, Корее и Сиаме посвящены научные статьи (Харитоновна 2020а, 344–350; Харитоновна 2022, 335–342; Харитоновна 2020б, 27–33). Тем не менее сохранившиеся источники позволяют продолжить начатое исследование. В настоящей статье рассматриваются те сюжеты из донесений Г.А. Плансона, которые помогают раскрыть ситуацию в Маньчжурии начала XX века.

СУДОПРОИЗВОДСТВО

В своих донесениях к Николаю Генриховичу Гартвигу (1857–1914), директору первого департамента Министерства иностранных дел, Г.А. Плансон сетовал на то, что Российское представительство в Маньчжурии чрезмерно загружено судебной-полицейской деятельностью в ущерб обычному функционированию консульств, такому как поддержание отношений с китайским правительством, анализ и донесение информации о текущем положении дел в стране, анализ деятельности англичан и японцев.

В качестве причин дипломат указывал, что в Маньчжурии находится значительно больше русских подданных, чем в других частях Китая. К тому же в других регионах Китая русские подданные, как правило, были люди торговые, занятые деловыми вопросами, и значительно меньший процент таких деловых людей попадал под суд. Совсем по-другому дела обстояли в Маньчжурии: удобство расположения региона, легкость проезда по железной дороге, надежды на получение хорошего заработка – все это «привлекает сюда массу всевозможного темного люда, который чуть не в полном составе годный для суда и так или иначе в него попадает» (ГАРФ, ф.818. д.249, л.1.об.). Если для русских подданных существовали мировые судьи, то для разрешения «смешанных» дел, то есть дел, в которых участвовали подданные

разных государств, обращались к «русскому агенту» (ГАРФ, ф.818. д.249, л.1.об.). В черновике своего донесения от 26 декабря 1902 года Г.А. Плансон указывал, что другие дипломаты не справляются с количеством наваливавшихся дел. «Люба¹ принес в жертву своего секретаря и сам переписывает бумаги ... Колоколов² тоже стонет под бременем этих дел» (ГАРФ, ф.818. д.249, л.2). Действительно, увеличение количества дел, специфика местных правовых традиций, непроработанность юридической базы — эти факторы ложились на плечи немногочисленных консульских работников в виде дополнительных дел, отрывавших дипломатов от своих непосредственных служебных обязанностей. На эти проблемы, связанные с судопроизводством, также указывает в своей статье А.А. Сизова о специфике «смешанных» дел с участием российских, китайских и монгольских подданных (Сизова 2019, 94–105).

МОНГОЛЬСКИЙ ВОПРОС

С ноября 1902 г. по февраль 1903 г. Г.А. Плансон временно находился в качестве поверенного в делах в Пекине. Он замещал П.М. Лесара (1851–1905), который страдал онкологическим заболеванием. В это время на службе Г.А. Плансон часто общался с монгольскими князьями, которые прибывали к императорскому двору. В докладной записке к наместнику на

¹ Виктор Федорович Люба (1861–1928), дипломат, в разные периоды: переводчик китайского и маньчжурского языков при Степном генерал-губернаторе (1886–1890); секретарь генерального консульства в Урге (1895–1899); чиновник МИД на правах консула в Гирине (1899–1902); консул в Урге (1904–1906); генеральный консул в Урге (1906–1907); генеральный консул в Харбине (1906–1907) и т.д. (Сизова 2015, 287).

² Сергей Александрович Колоколов (1868–1921), дипломат, в разные периоды: драгоман консульства в Кульдже (с 1895), секретарь консульства в Кашгаре (с 1896), чиновник по дипломатической части при главном начальнике Квантунской области в Порт-Артуре (с 1901), генконсул в Кашгаре (с 1904), генконсул в Фучжоу (с 1909), генконсул в Мукдене (с 1910) (Колоколов С.А. ...).

Дальнем Востоке (РГА ВМФ, л.3–6) дипломат писал о стремлении Цинского правительства к заселению обширных, практически ненаселенных территорий соседней Монголии, подчеркивая, что южная часть Монголии уже заселена китайцами. Схема заселения территорий дипломатом также была представлена.

«Нуждаясь в землях, они [китайцы — прим. авт.] входят в сделки с ближайшими монголами не без содействия командированных правительством чиновников, скупают у них лучшие для хлебопашества участки, распахивают их и составляют отдельные поселки. Вслед за хлебопашцами появляются чиновники для сбора податей и управления китайцами. Таким образом, степные пространства заселяются оседлыми жителями, разделяются на уезды с назначением туда начальников уездов "джи-сяней"³ и других властей» (РГА ВМФ, л.3.об.–4). Копия этого доклада хранится в личном фонде Г.А. Плансона в Государственном архиве РФ (ГАРФ, ф.818. д.62).

В продолжение анализа «монгольского вопроса» стоит упомянуть работу других российских дипломатов, освещавших факт заселения китайцами монгольских территорий. В фонде личного происхождения дипломата и министра иностранных дел А.П. Извольского (1856–1919) хранятся донесения и секретные телеграммы чрезвычайного посланника и полномочного министра в Пекине Д.Д. Покотилова (1865–1908), который подробно описал планы цинских властей относительно процесса планомерного переселения китайцев на территорию Монголии (ГАРФ, ф.559. д.9). Данная политика имела успех, количество китайского населения

в регионе увеличилось (Дроботушенко, Ланцова 2019, 928). А.А. Сизова в своей монографии «Консульская служба России в Монголии (1861–1917)» (Сизова 2015) затронула также сложности и дипломатические тонкости в отношениях с монгольской аристократией и с китайскими властями, в ней автор изложила процесс формирования и функционирования сети консульских учреждений России в Монголии.

Другая тема, которая раскрывается в донесениях Г.А. Плансона — это отношения с монгольскими князьями, в частности, князем Удаем. Этот князь был знаком российским дипломатам в Маньчжурии (Дроботушенко, Ланцова 2019, 926). Г.А. Плансон писал, что в личном общении с монгольскими князьями, прибывавшими в Пекин, можно было узнать их отношение к китайскому проникновению: «...князья обыкновенно отвечали, что против этого ничего нельзя сделать, ибо земель у монголов много, а денег мало; народ бедствует и рад пришельцу китайцу, который платит деньги» (РГА ВМФ, л.4–4.об.). В свою очередь, ссылаясь на просьбы монгольского князя Удаю о выдаче ему денежной ссуды, дипломат ввиду сложности монгольско-китайских политических отношений категорически не рекомендовал удовлетворять эту просьбу.

ИНКОУ

Город-порт Инкоу, расположенный в Северо-Восточном Китае на берегу Ляодунского залива Желтого моря, занимал «выгодное географическое положение» (ГАРФ, ф.818. д.249, л.21.об.) и имел важное стратегическое значение

³ Чжисянь (知县) – начальник уезда.

в качестве «вывозного порта для всей Маньчжурии и восточной Монголии» (ГАРФ, ф.818. д.249, л.21.об.). Дипломат в донесении от 10 сентября 1904 года Н.Г. Гартвигу (ГАРФ, ф.818. д.249) писал о городе Инкоу, что его важность оказалась очевидной после того, как стало ясно, что «управлять полуостровом, эксплуатировать железную дорогу и господствовать в Маньчжурии весьма затруднительно, если не владеть портом Инкоу» (ГАРФ, ф.818. д.249, л.22).

Увеличение российского присутствия в городе осложнялось ввиду протестов со стороны европейских стран. Ситуация менялась после беспорядков (1900), устроенных в ходе боксерского восстания (1899–1901). Тогда присутствие русских войск «не только не вызвало международных протестов, но напротив, приветствовалось иностранцами как избавление от опасности» (ГАРФ, ф.818. д.249, л.22.об.). Русский корреспондент Д.Г. Янчевецкий был очевидцем событий боксерского восстания в Китае (Янчевецкий 1903, 507–524). Он подчеркивал важность занятия русскими войсками города Инкоу с целью поддержания в нем порядка, тем более после бегства из города китайских чиновников во главе с даотаем⁴. Русское руководство настолько наладило работу порта, что даже в марте 1904 года «Немаловажная выгода нашего положения в Инкоу состояла в том, что кроме выхода с джоночной таможни, достигавшего в самое тревожное военное время

17 тысяч рублей в неделю, мы [русское руководство — прим. авт.] держали в своих руках весь вывоз из Манчжурии бобовых, продуктов и совершенно прекратили контрабандный вывоз их в Японию и Корею» (ГАРФ, ф.818. д.249, л.25.об–26).

В 1904 году дипломат писал в донесении директору Азиатского департамента МИД Н.Г. Гартвигу, что «город стал не узнаваемым с точки зрения чистоты, санитарных условий и общего порядка» (ГАРФ, ф.818. д.249, л.22.об.). Важность этих подробностей обусловлена тем, что тремя годами ранее в Инкоу разразилась эпидемия бубонной чумы (1901–1902), с которой помогли справиться российские врачи и власти. Когда в 1899 году город Инкоу перешел под контроль русской администрации город находился в тяжелом санитарном состоянии: городские канавы были «переполнены пищевыми отбросами, трупами животных, экскрементами. В дождливое время года Инкоу погружался в непролазную грязь» (Супотницкий, Супотницкая 2006, 205–206). Благодаря организации противочумных мер, под председательством Е.И. Алексева, а также усилиями медицинских работников была проведена серьезная работа по улучшению санитарных условий в городе. «Стараниями целого ряда способных и деятельных градоначальников — Островерхова, Эбергарда и Гроссе⁵ — в городе была организована правильная полиция, учреждена

⁴ Даотай (道台) — высокопоставленный чиновник, начальник округа или управляющий определенной отраслью в регионе.

⁵ Имеются ввиду дипломат Андрей Николаевич Тимченко-Островерхов (1863-?); военно-морской и государственный деятель Андрей Августович Эбергард (1856-1919); дипломат Виктор Федорович Гроссе (1869-1931).

больница, бактериологическая станция, школа, часовня» (ГАРФ, ф.818. д.249, л.22.об.–23). В данном контексте тема эпидемиологии часто обнаруживается в архивах. Например, в РГВИА: переписка Главного военно-медицинского управления о заготовлении медицинского оборудования, медикаментов, гигиено-бактериологической и ветеринарно-бактериологической лабораторий и дезинфекционных камер (РГВИА, ф.1, оп.1т.30, д.56976, л.26-44, 132-142).

После сдачи Инкоу японцам летом 1904 года дипломат писал, что к обороне порт был совершенно не подготовлен, поскольку подобная оборонительная подготовка в мирное время обеспокоила бы иностранные державы. А в военное время пришлось прояснить отношение к собственному присутствию в Инкоу: либо это договорный китайской порт, нейтральный и открытый для международной торговли; либо это русский порт, который нужно было охранять соответствующим образом в военное время. Японское правительство, отозвав своего консула и японское население из города, обозначило отношение к Инкоу, как к русскому городу. Российская сторона стала активно готовиться к обороне, но после смены руководства командования А.Н. Куропаткин (1848–1925) поменял данную стратегию, и в скором времени город был сдан японцам. Г.А. Плансон подробно описал подготовительные мероприятия обороны, стратегическую важность порта, последствия, к которым привело данное решение «город оставлен на произвол судьбы, подвергается разграблению китайцев» (ГАРФ, ф.818. д.249, л.28) и результаты, которых добились японцы.

ЯПОНЦЫ И НАЧАЛО ВОЙНЫ

Очевидно, что о японцах и о Русско-японской войне сохранилось множество письменных свидетельств Г.А. Плансона. В настоящей статье упомянуты лишь некоторые из них, способные лучше проиллюстрировать обстановку в Маньчжурии. Через месяц после начала войны дипломат рассуждал в донесении о поступательном движении России на Восток, и ее знакомстве с разными азиатскими народами и следующим образом описывал японцев: «Это дикий и коварный азиат тем более опасный, что эти свойства прикрывает маской изысканной внешности» (ГАРФ, ф.818. д.249, л.3.об.). Действительно, Г.А. Плансон утверждал, что в официальных и частных беседах японские чиновники отрицали начало войны, даже после прекращения двусторонних переговоров, однако «как потом оказалось, всем японцам в Маньчжурии и Владивостоке было приказано не позже 26 января выехать из этих мест на родину» (ГАРФ, ф.818. д.249, л.4), поскольку дата нападения была уже назначена. Дипломат писал, что за несколько часов до нападения русские моряки видели «подозрительных японцев» (ГАРФ, ф.818. д.249, л.4.об.) на корабле консула, вероятно тех командиров, которые через несколько часов нанесли первые удары по российским кораблям. В донесениях, в дневниках встречаются сведения о японских шпионах, которые пытались под видом проводников проникнуть на территорию России, разведать ту или иную стратегическую информацию. В фондах РГВИА находятся сведения главного военного-судного управления о суде и казни китайцев, занимавшихся шпионажем в пользу японской армии (РГВИА, ф.1, оп. 1т. 38, ед. хр. 68622).

Г.А. Плансон писал 28 марта 1904 года после возвращения из поездки в Порт-Артур, что транспортное сообщение между Мукденом и Порт-Артуром было исправным и совершенно безопасным. Между тем, конфузы с железнодорожным транспортом все-таки происходили. Военный инженер, участник обороны Порт-Артура Михаил Иванович Лилье (1868–1941) 26 апреля 1904 года оставил в своем дневнике следующую запись: «Сегодня наместник генерал-адъютант Алексеев⁶ неожиданно со всем своим штабом выехал из Порт-Артура с экстренным поездом. Желаящих уехать оказалось очень много, но так как поезд ушел внезапно, то вся эта публика невольно застряла. Я лично видел опоздавшего на поезд нашего дипломата Плансона. Какой испуг изображало его лицо ...» (Лилье 2002, 73).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Говоря об организации консульской работы, Г.А. Плансон подчеркивал то, что дипломаты испытывали трудности в виде нескончаемого потока бумажной и судебной волокиты, несоизмеримой с их возможностями. В донесениях Г.А. Плансона и Д.Д. Покотилова раскрывается процесс заселения китайцами приграничных монгольских территорий с целью ведения там земледелия, поощряемого цинским правительством. Немаловажным дипломату представляется оценка данной политики монгольскими князьями. Важное место в донесениях отводится описанию судьбы города-порта Инкоу. Стратегическое и экономическое значение города

дипломат иллюстрирует преимуществом и выгодой, которые приобрела Россия, управляя городом. В донесениях особо выделены организационные и эпидемиологические меры, которые смогли преобразить город в короткий срок; анализируются обстоятельства сдачи города. О японских чиновниках и военных, тщательно изучавших обстановку в России, дипломат писал с нескрываемой обеспокоенностью.

Анализ документов, написанных Г.А. Плансоном в самом начале XX века, помогает раскрыть круг актуальных для того времени проблем, существовавших в Маньчжурии. Ценными по глубине изложенного материала представляются сведения о политической, экономической и бытовой ситуации в Маньчжурии, переданные им в донесениях, поскольку материалы, собранные очевидцем событий, его личные впечатления и оценки безусловно способствуют пониманию эпохи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лукоянов И.В. *"Не отстать от держав..." Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв.* СПб.: Нестор-История, 2008.
2. Перечень документов РГВИА по истории русско-японской войны 1904–1905 гг. URL: <http://xn--80adcv1b.xn--p1ai/nsa/tematicheskie-perechni/perechen-rgvia-russko-yaponskaya-voina-1904-1905.shtml> (дата обращения: 01.08.2022).

⁶ Имеется в виду Евгений Иванович Алексеев (1843–1917), наместник на Дальнем Востоке, во время Русско-японской войны — главнокомандующий сухопутными и морскими силами.

3. Коллекция Президентской библиотеки: русско-японская война 1904-1905 гг. URL: <https://www.prlib.ru/collections/467022> (дата обращения: 01.08.2022)
  4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф.818, оп.1, д.3
  5. Харитонов А.М. «О пребывании в Маньчжурии и Порт-Артуре»: русско-японская война глазами дипломата Г.А. Плансона // *Восточная Азия: прошлое, настоящее, будущее* / РАН ИДВ; отв. ред.-сост. Ю.В. Кулинцев. М.: ИДВ, 2020. С. 344-350
  6. Харитонов А.М. «Корейские» дневники российского дипломата Г.А. Плансона // *Восточная Азия: прошлое, настоящее, будущее 2021* / РАН ИДВ; отв. ред.-сост. Ю.В. Кулинцев. М.: ИДВ, 2022. С. 335-342
  7. Харитонов А.М. Сиам глазами русского дипломата (по дневниковым записям Г. А. Плансона) // *Ученые записки Петрозаводского государственного университета*. 2020. Т. 42. № 4. С. 27-33
  8. ГАРФ, ф.818, оп.1, д.249.
  9. Сизова А.А. *Консульская служба России в Монголии (1861-1917)*. М.: Наука — Вост. лит., 2015.
  10. Колоколов С.А. // Сайт Генерального консульства Российской Федерации в Гуанчжоу. URL: <https://guangzhou.mid.ru/kolokolov-s.a> (дата обращения: 01.09.2022)
  11. Сизова А.А. «Смешанные» дела с участием подданных России и Китая в Монголии во второй половине XIX–XX в.: проблемы следствия и судопроизводства // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2019. №58. С. 94–105
  12. Российский государственный архив Военно-Морского Флота (РГА ВМФ), ф.32, оп.1, д.194.
  13. ГАРФ, ф.818, оп.1, д.62.
  14. ГАРФ, ф.559, оп.1, д.9.
  15. Дроботушенко Е.В., Ланцова Ю.Н. Материалы к истории колонизации Китая монгольских земель в начале XX в. // *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2019. Т.21. №4. С. 924–931.
  16. Янчевецкий Д.Г. *Устен недвижного Китая*. СПб. – Порт-Артур: Тип. Товарищества художественной печати, 1903.
  17. Супотницкий М.В., Супотницкая Н.С. *Очерки истории чумы: в 2-х кн. Кн. 2: Чума бактериологического периода*. М.: Вузовская книга, 2006.
  18. Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), ф.1, оп.1т.30, ед.хр.56976.
  19. РГВИА, ф.1, оп.1т.38, ед.хр.68622.
  20. Лилье М.И. *Дневник осады Порт-Артура*. М.: Центрполиграф, 2002.
- REFERENCES**
1. Lukojanov I.V. "Keep up with the powers..." Russia in the Far East in the late 19th - early 20th centuries. SPb.: Nestor-Istorija, 2008. (In Russ.)

2. List of RGVA documents on the history of the Russo-Japanese War of 1904–1905. URL: <http://xn--80adcv1b.xn--p1ai/nsa/tematicheskie-perechni/perechen-rgvia-russko-yaponskaya-voina-1904-1905.shtml> (accessed: 01.08.2022) (In Russ.)
3. Collection of the Presidential Library: Russo-Japanese War 1904-1905. URL: <https://www.prilib.ru/collections/467022> (accessed: 01.08.2022) (In Russ.)
4. State Archive of the Russian Federation (GARF), f.818, op.1, d.3 (In Russ.)
5. Kharitonova A.M. "On the stay in Manchuria and Port Arthur": the Russo-Japanese war through the eyes of the diplomat G.A. Planson // East Asia: past, present, future / RAS IFES; resp. ed.-st. Yu.V. Kulintsev. M.: IDV, 2020, pp. 344-350 (In Russ.)
6. Kharitonova A.M. "Korean" diaries of the Russian diplomat G.A. Planson // East Asia: past, present, future 2021 / RAS IFES; resp. ed.-st. Yu.V. Kulintsev. M.: IDV, 2022, pp. 335-342 (In Russ.)
7. Kharitonova A.M. Siam through the eyes of a Russian diplomat (according to G. A. Planson's diaries) // Scientific Notes of Petrozavodsk State University. 2020. V. 42. No. 4, pp. 27–33 (In Russ.)
8. GARF, f.818, op.1, d.249 (In Russ.)
9. Sizova A.A. Consular service of Russia in Mongolia (1861–1917). Moscow: Nauka - Vost. lit., 2015. (In Russ.)
10. Kolokolov S.A. // Website of the Consulate General of the Russian Federation in Guangzhou. URL: <https://guangzhou.mid.ru/kolokolov-s.a> (accessed: 01.08.2022) (In Russ.)
11. Sizova A.A. "Mixed" cases involving citizens of Russia and China in Mongolia in the second half of the 19th–20th centuries: problems of investigation and legal proceedings // Tomsk State University Bulletin. History. 2019. No. 58, pp. 94–105
12. Russian State Archive of the Navy (RGA VMF), f.32, op.1, d.194.
13. GARF, f.818, op.1, d.62.
14. GARF, f.559, op.1, d.9.
15. Drobotushenko E.V., Lantsova Yu.N. Materials on the history of China's colonization of Mongolian lands at the beginning of the 20th century. // Bulletin of the Kemerovo State University. 2019. V.21. No. 4. pp. 924–931.
16. Yanchevetsky D.G. At the walls of immovable China. SPb. – Port Arthur: Tip. Tovarishhestva hudozhestvennoj pechati, 1903.
17. Supotnitsky M.V., Supotnitskaya N.S. Essays on the history of the plague: in 2 books. Book. 2: Plague of the bacteriological period. M.: Vuzovskaja kniga, 2006.
18. Russian State Military Historical Archive (RGVIA), f.1, op.1v.30, d.56976.
19. RGVIA, f.1, op.1v.38, it. 68622.
20. Lil'e M.I. Diary of the Siege of Port Arthur. Moscow: Tsentrpoligraf, 2002.

Сведения об авторах

Харитонова Анна Михайловна

ассистент кафедры теории общественно-
го развития стран Азии и Африки,

Санкт-Петербургский государственный
университет,

199034, Санкт-Петербург, Университет-
ская наб., 11

Россия

a.kharitonova@spbu.ru

Information about the authors

Anna M. Kharitonova

Assistant Professor

Department of Theory of Social Development
of Asian and African Countries

St. Petersburg State University

199034, St. Petersburg, Universitetskaya
emb., 11

Russia

a.kharitonova@spbu.ru

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25.09.2022

*Одобрена после рецензирования:
10.10.2022*

Принята к публикации: 20.10.2022

Information about the article

The article was submitted: 25.09.2022

Approved after reviewing: 10.10.2022

Accepted for publication: 20.10.2022

The principle of filial piety in Buddhism on the example of the "Sutra of the Original Vow of the Ksitigarbha Bodhisattva"

Принцип сыновней почтительности в буддизме на примере «Сутры изначального обета бодхисаттвы Кшитигарбхи»

*Смирнова Анастасия Алексеевна,
Сторожук Александр Георгиевич*

*Санкт-Петербургский государственный
университет,*

a.storozhuk@spbu.ru

yaanastasia.sm@gmail.com

*Anastasia A. Smirnova,
Alexander G. Storozhuk*

St. Petersburg State University

yaanastasia.sm@gmail.com

a.storozhuk@spbu.ru

УДК 299.51+294.3+241+ 82(091) | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-4-2022-48-57](https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2022-48-57)

АННОТАЦИЯ

В период распространения буддизма в Китае, конфуцианство выступало идеологическим противником нового учения, ввиду несоответствия буддизма конфуцианским идеям. Споры о праве существования буддизма в Поднебесной в частности касались вопроса о наличии в его идеях принципа сыновней почтительности. Ввиду внешнего давления, во взаимодействии с традиционными учениями, буддизм сформировал собственную интерпретацию сыновней почтительности. Данная статья — это попытка показать, как принцип сыновней почтительности трактуется в китайском буддизме на примере «Сутры изначального обета бодхисаттвы Кшитигарбхи».

Ключевые слова: Китай, история, литература, буддизм, конфуцианство, даосизм, сыновняя почтительность.

ABSTRACT

During the period of the spread of Buddhism in China, Confucianism acted as an ideological opponent of the new teaching, due to the inconsistency of Buddhism with Confucian ideas. Disputes about the right of existence of Buddhism in the Middle Kingdom in particular concerned the question of the existence of the principle of filial piety in its ideas. Due to external pressure, in interaction with traditional teachings, Buddhism has formed its own interpretation of filial piety. This article is an attempt to show how the principle of filial piety is interpreted in Chinese Buddhism by the example of the "Sutra of Bodhisattva Ksitigarbha's Fundamental Vows".

Keywords: China, history, literature, Buddhism, Confucianism, Taoism, filial piety.

For citation: Smirnova A.A., Storozhuk A.G. The principle of filial piety in Buddhism on the

Для цитирования: Смирнова А.А., Сторожук А.Г. Принцип сыновней почтительности в буддизме на примере «Сутры изначального обета бодхисаттвы Кшитигарбхи». *Современные востоковедческие исследования*. 2022; 4 (4). С. <https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2022-48-57>

Падение династии Хань (206 г. до н. э. – 220 г. н. э.) ознаменовало собой новый виток в развитии культурной стороны китайского общества. Несмотря на существующую политико-экономическую нестабильность и крушение устоявшихся ценностей, образовалось свободное пространство в духовной сфере, которое позволило новым идеям проникнуть в Китай и укрепить свои позиции на арене китайского религиозно-философского блока. Бань Гу в «Истории династии Хань» (хань шу; 漢書) даёт следующую трактовку сосуществования религиозно-философских школ и их взаимной трансформации: «Всех философов насчитывается сто восемьдесят девять, их сочинения насчитывают тысячу четыреста тридцать четыре главы. ... Хотя каждая из школ учила по-своему, и они, похоже, уничтожали одна другую, как вода и огонь, но в то же время они и порождали одна другую; человеколюбие и долг, почтительность и гармония противоречили друг другу, но в то же время поддерживали друг друга» [2].

Конфуцианство — это господствующее религиозно-философское учение Древнего Китая. В его основе содержатся такие принципы, как человечность (жэнь; 仁), справедливость (и; 义), ритуал (ли; 礼), знания (чжи; 智)

example of the "Sutra of the Original Vow of the Ksitigarbha Bodhisattva". *Modern Oriental Studies*. 2022; 4 (4). P. (In Russ.)

<https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2022-48-57>

и верность (синь; 信), в сочетании составляющие образ «благородного мужа», и транслирующего исполнение принципа сыновней почтительности сяо (孝). Однако все эти принципы обладали двойственным характером и могли по-разному восприниматься в зависимости от того, с какой стороны их трактовать. Так, например, говоря о сыновней почтительности, как об одном из постулатов конфуцианской философии следует отметить, что характер этого принципа был несколько условным. Обратимся к трактату Мэн-цзы. «Ци Сюань ван спросил: "Тан ван изгнал Цзе вана, У Ван разгромил Чжоу Синя, было ли такое?" Мэн-цзы ответил: "Верно, [об этом] есть записи". Тогда Ци Сюань ван спросил: "Может ли подданный убить правителя?" Мэн-цзы ответил: "[Человек] нарушающий принцип гуманности, называется злодеем, нарушающий долг — губитель, нарушающий эти [принципы] человек называется тираном. Я слышал только, что У Ван казнил тирана Чжоу, не слышал, чтобы он убил правителя"» [11]. Приведённый отрывок на примере принципа сыновней почтительности по отношению к правителю подтверждает противоречивость конфуцианских идей относительно собственной философии. В данном контексте принцип сяо может считаться исполненным

исключительно при условии незыблемого следования добродетели двух сторон: правителя и подданного. Такая же ситуация наблюдалась и в исполнении сыновней почтительности между родителями и детьми, в рамках которой родители также должны были быть идеалами добродетели по отношению к сыну или дочери. В ситуации же, когда родитель не отвечал критериям, соответствующим образу благородного мужа, исполнение сыновней почтительности по отношению к нему, наоборот, считалось возвращением порочности.

Дополнительным фактором, послужившим причиной постепенного отдаления китайцев от конфуцианства и последующего поиска альтернативного учения, являлось отсутствие в конфуцианской философской мысли идей, удовлетворяющих потребности общества, касательно вопросов происхождения добра и зла, теодицеи и жизни после смерти. В учениях данные аспекты либо отрицались, либо не упоминались вовсе. Ведь как сказал Конфуций: «Не зная, что такое жизнь, как можно знать, что такое смерть?» [9]. В древнем Китае не было представления об аде и рае. Мудрецы придавали большое значение поклонению предков. Они оставляли надежды на будущую жизнь, ничего не говоря про прошлую [7].

В глазах общества конфуцианство всё дальше отдалялось от идеала философско-религиозной школы, и в поисках духовной истины китайцы начали задаваться поиском альтернативного учения. Элитарный слой реализовывал свои потребности в толковании смыслов путём присоединения к даосским школам, та-

ким как секта «Пять мер риса», формально соответствующая канону. Иные обратились к буддизму, новому иноземному учению, отвечающему потребностям общества, желающего обрести душевное спокойствие и умиротворение, отстранившись от политических потрясений.

Знакомство китайцев с буддийским учением, распространяющимся посредством монашеского сообщества, произошло уже в I в. н.э. С этого периода перед иноземными монахами стояла сложная задача распространения верования, на пути которого стояли серьёзные идеологические разногласия. Преодолевая их, путём взаимодействия с локальными учениями и внутренними трансформаций самого буддизма, он постепенно наращивал свою идеологическую мощь и укрепился в культуре Китая, как одно из трёх фундаментальных религиозно-философских течений.

Философско-религиозные учения сформировали содержательную особенность и специфику функционирования духовной сферы бытия китайского государства. Сами учения находились в непрерывном процессе трансформации, формируя более сложные системы. «Общее представление о законах мироздания прекрасно соединяют конфуцианство и даосизм в единую философскую общность, лишённую внутренних противоречий и объясняющих разные аспекты соотношения человека и Космоса, социальный и личностный соответственно. Включение в данную синтагму буддизма как учения о воздаянии, о перерождении души и вообще о возможности бессмертия сознания, никак не связанного с ритуалами почитания

предков, представляется логичным и также непротиворечивым» [4, с. 410]. Именно эти принципы, оказавшиеся идеологически привлекательными в переломный момент китайской истории, в определённой степени способствовали интеграции охваченного политическими, социальными, культурными противоречиями китайского общества.

Во взаимодействии с конфуцианством и даосизмом индийский буддизм претерпел процесс «китаизации», и после длительного периода интеграции три учения сформировали философско-религиозный блок *сань цзяо* (三教), который достиг своего апогея к XII веку и стал неотъемлемой частью китайской традиционной культуры. «Весь период утверждения буддизма в Китае сопровождался бурными полемиками буддистов с конфуцианцами и даосами. Но если с даосами буддистам удавалось найти определённые точки соприкосновения, то с конфуцианцами у них постоянно происходили ожесточённые дискуссии, как в идеологическом плане, так и в практическом» [6, с. 63].

Одним из таких положений являлся принцип сыновней почтительности. Сыновняя почтительность на протяжении тысячелетий существования китайского общества являлась ядром конфуцианской этики и морального кодекса, реализуя преемственности поколений, воспитывая уважения к традициям своей семьи, а через неё и к культурным традициям всего китайского этноса. В Лунь Юе сказано, что «сыновняя почтительность и любовь к старшим братьям — основа человеколюбия» [9]. В то же время *жэнь* является осново-

полагающей характеристикой благородного мужа, а значит, следование принципам *сяо* и *жэнь* является гарантом духовного развития и, как следствие, карьерного роста в рамках конфуцианского учения [3].

С проникновением в Китай буддизма, пропагандируемого индивидуальное спасение и противоречащее ортодоксальным взглядам конфуцианцев, оно было подвержено резкой критике. Буддийские монахи отказывались от семьи, что шло вразрез с конфуцианской добродетелью и ролевой этикой. Ранние нападки конфуцианства на буддизм, касающиеся вопроса сыновней почтительности, отражены в трактате Моу Цзы (牟子) «Лихолунь» (理惑论). «Конфуцианский оппонент спрашивает: «В “Книге сыновней почтительности” говорится, что тело, волосы, кожу получаешь от отца и матери, поэтому не смей их повреждать... Ныне монахи бреют головы, а ведь это противоречит словам мудрых людей и не соответствует сыновней почтительности?». Чтобы ответить на этот вопрос, Моу Цзы рассказывает следующую притчу: «В старину отец с сыном переправлялись на лодке через реку. Отец упал в воду, тогда сын (вытащил отца из воды) схватил отца за макушку головы и перевернул его, чтобы вода вышла изо рта. Тем самым сын привёл отца в чувство» [6, с.64]. Подобное поведение является нарушением принципа *сяо*, однако таким образом сын спас жизнь отца. Следовательно, «принцип сыновней почтительности необходимо понимать гораздо шире» [Там же]. За несоблюдением внешних признаков почтения стоит стремление к спасению себя и ближнего. «Именно в таком духе впоследствии

буддисты приспособляли этот важнейший конфуцианский принцип к своему учению. В конечном итоге этот принцип был истолкован как завет вывести родителей на путь «спасения», т. е. путь, указанный Буддой» [Там же].

Отсылки к конфуцианскому принципу сыновней почтительности и поиск точек соприкосновения касательно заданной проблематики не приводил к качественным результатам, поэтому в рамках постоянно возникающего недовольства конфуцианцев, буддизм начал собственную «трансформацию», пытаясь приспособиться к местным этическим представлениям, ввиду чего в буддизме была сформулирована собственная концепция сыновней почтительности, проиллюстрированная на примерах различных сутр. Одной из них является «Сутра первоначальных обетов бодхисаттвы Кшитигарбхи».

Имея цель популяризировать идею великого духа сыновней почтительности бодхисаттвы Кшитигарбхи (*Ди Цзан*; 地藏), сутра была использована в качестве классического буддийского произведения, пропагандирующего мысль о сыновней почтительности, а отражённые в ней истории о существовании в буддизме принципа *сяо*, стали примером «китаизации» буддийского учения, а также частью народных верований, отражённых в культуре Поднебесной. В результате была сформирована «сыновняя почтительность с китайской спецификой».

Первый пример мы находим во II главе сутры изначального обета бодхисаттвы Кшитигарбхи. Во времена проявившегося будды по имени «Самосуший Царь Самадхи Цветка Про-

буждения» [Там же] жила девушка-брахманка, которая за свои прошлые жизни совершила столько заслуг, что в настоящем она переродилась в почитаемом статусе, была всеми уважаема, и даже дэвы наблюдали за её жизнью. Однако душа девушки не была спокойна, поскольку она знала, что её мать стоит на ложном пути, она «исповедовала ложные взгляды, осмеивала и бранила Три Драгоценности. Она то верила, то отпадала от веры» [Там же]. Три драгоценности буддизма — это Будда, его учение — дхарма и монашеская община — сангха. По своей сути, это место объединения всех бодхисаттв, дающее возможность людям в их мире искупить свои прегрешения и обрести спасение. В то время как бодхисаттвы жалеют покаявшихся верующих и спасают их страждущие души, принимая различные личности и формы. Люди, не следующие этим путём, обрекают себя на страдания без возможности спасти свою душу и переродиться в лучшем мире без посторонней помощи. Однако матери девушки-брахманки повезло, у неё была дочь, которая, проявляя сыновнюю почтительность, помогла матери выбраться из ада.

После смерти матери она ещё усерднее продолжала делать подношения будде и через некоторое время увидела его образ, после чего внезапно оказалась на берегу ужасного моря, название которого «Первое западное море великой горы Чакравад» [Там же]. «Множество ужасных птиц, тела которых были железными, летали туда-сюда над морем. Она узрела сотни, тысячи, десятки тысяч мужчин и женщин, которые то поднимались над водами моря, то снова тонули в них. Ужасные птицы вырывали из их

тел куски мяса и пожирали их. Также она узрела якшей, которые имели различные тела. У них было много рук, у них было много глаз, у них было много ног, а у иных было много голов. Из их пастей торчали зубы, острые, словно мечи. Они гнали злодеев, заставляя их приблизиться к ужасным птицам, а некоторые из них сами терзали их. Их головы, ноги и тела имели самые разные формы. [Они были так ужасны], что невозможно было на них смотреть» [Там же].

В этом месте в разговоре с царём демонов девушка-брахманка узнала много про чудовищные моря и ады, которые возникают каждый раз, когда люди не создают «причины блага». После чего узнала, что её мать «Родилась на небесах. Как говорят, это произошло благодаря тому, что её дочь, проявляя дочернюю почтительность, совершила подношение в храме татхагаты Самосущего Царя Самадхи Цветка Пробуждения и таким образом стяжала [множество] заслуг» [Там же].

Несмотря на то, что мать девушки-брахманки не следовала трём драгоценностям буддизма, она родила дочь, которая благодаря накопленным заслугам предыдущих перерождений смогла спасти её душу из ада и удостоить её радости рождения на небесах. Практики девушки в человеческом мире, подношения и упование на праведность будды превзошли по своей силе и добродетели греховную карму её матери. История девушки-брахманки, которая потратила свое семейное богатство, чтобы спасти свою покойную мать из ада, ясно выражает великую сыновнюю почтительность к родителям Бодхисаттвы Кшитигарбхи.

Вторая история повествует нам о добродетели Кшитигарбхи времён пришествия будды по имени «Татхагата Око Чистого Лотоса» [Там же]. В ней мы узнаём историю девушки по имени Ясноокая. После смерти матери она каждый день и каждую ночь страдала в неведении от того, что не знала, где находится её мать. В разговоре с архатом она рассказала, что её мать «Чрезвычайно любила есть [мясо] рыб, черепах и прочей [живности] такого же рода. Поедая [мясо] рыб и черепах, она ела много их икры, которую она варила или жарила. Так как она была привязана к еде, то загубила тысячи, десятки тысяч жизней и даже во много раз больше». Архат, почувствовав искренность намерений девушки и её истинную веру, сказал: «Если ты будешь искренно памятовать о татхагате Око Чистого Лотоса, а также изобразишь его живописные и скульптурные изображения, то и живые, и умершие обретут пользу» [Там же]. После этого Ясноокая пожертвовала всем, что имела, чтобы узнать судьбу её матери, после чего увидела во сне будду, который пообещал ей, что они скоро встретятся.

Через некоторое время Ясноокая действительно смогла увидеть мать, которая благодаря деяниям дочери на 13 лет освободилась от мук великий адов и переродилась в теле сына служанки. «За убийство [живых существ] и за клевету [на буддийское учение]» её мать по прошествии этих лет должна была снова вернуться в ужасные ады. Однако Ясноокая не могла более позволить страдать матери и дала обет спасти страждущих из ада, пока он не будет пуст. Она сказала: «Начиная с этого дня в течение сотен, тысяч, десятков тысяч коти

кальп я буду спасать всех погрязших во зле и страданиях существ трёх дурных форм существования, дабы они навеки покинули ады, [миры] животных, голодных духов и прочие тому подобные [миры]. Когда же эти люди, которые ныне обретают воздаяние за совершённые ими злодеяния, все до одного станут буддами, я обрету истинное пробуждение» [Там же].

Татхагата Око Чистого Лотоса услышал её слова и в ответ уверил Ясноокою, что за великие сострадания её мать переродится в теле брахмана, а когда проживёт сто лет, «переродится в мире, где нет печалей. Её жизнь там будет продолжаться бессчётные кальпы, а затем она станет буддой и будет спасать людей и божеств, число которых будет подобно числу песчинок в Ганге» [Там же].

Исходя из описанных рассказов «Сутры первоначального обета бодхисаттвы Кшитигарбхи» можно сделать вывод, что Кшитигарбха является олицетворением сыновней почтительности, а сама сутра — классическим произведением, пропагандирующим принцип сыновней почтительности *сяо*, в котором добродетельность, сострадание и любовь дочери к своей матери подтверждает существование в буддизме наличие принципа сыновней почтительности. Не придерживаясь этого принципа девушка-брахманка не пожертвовала бы всё своё состояние в пользу подношений, а Ясноокая никогда не приняла бы на себя тяжёлый обет о спасении грешных душ.

Помимо «Сутры изначального обета бодхисаттвы Кшитигарбхи» обратимся к «Улламба сутре», в которой история про Маудгальяяну

(*Му Лянь*; 目连) являлась способом популяризации буддийского учения, но в Китае была интерпретирована через призму принципа сыновней почтительности, а в дальнейшем получила развитие в народных сказаниях *бянь-вэнь*. Красочные истории о Кшитигарбхе и Маудгальяяне позволяют провести аналогию между героями и даже сделать предположение, что Кшитигарбха и Маудгальяяна являются одной сущностью в различных перерождениях.

Обращаясь к тексту, мы видим, что после смерти родителей Маудгальяяна отправился на их поиски. Его отец переродился на небесах, но мать при жизни не следовала трём истинам и ела мясо, ввиду чего попала в ад, став голодным духом. Маудгальяяна нашёл голодающую мать в аду, у неё был большой живот и очень узкое горло, что она не могла есть. Маудгальяян попытался накормить её рисом, используя свои магические способности. Однако как только она открывала рот, из неё вырывался поток пламени, и рис превращался в угли. Тогда не имея сил помочь ей, Маудгальяяна обратился за помощью к Будде. Татхагата посоветовал ему и всем монахам совершать подношения и посвящать заслуги, чтобы мать первого ученика могла обрести благое перерождение. Благодаря усилиям Маудгальяяны мать покинула ад и переродилась в Раджагахе в виде собаки. Последующее чтение сыном сутр помогло ей обрести человеческий облик [8].

Данные истории не только повествуют нам о наличии сыновней почтительности в буддизме, но и иллюстрирует специфику этого принципа в буддийском учении. Мы замечаем,

что буддийское учение по сравнению с конфуцианским обладает большей широтой действия и распространяется не только на ныне живущих членов семьи, окружающих людей или же правителей, но и на умерших и даже переродившихся в другом теле родственников. Кроме того, особенность буддийской сыновней почтительности скрывается в сущности самого учения, самоцелью которого является избавление от страданий. Подобное истолкование сыновней почтительности объясняло причину, по которой монахи отказывались от отцов и матерей, ведь жертвуя собой, они получали возможность следовать дхарме для накопления блага, используя добродетель для самосовершенствования и искупления не только себя, но и своих родных.

Таким образом, сыновняя почтительность в учении рассматривается с позиции «сделать всё возможное, чтобы мать и отец следовали трём драгоценностям, соблюдали пять священных добродетелей, жили в мире и переродились на небесах» [6, с. 67]. Однако несмотря на формирование частной трактовки принципа сыновней почтительности, буддизм не стал противоречить конфуцианским принципам, поскольку не исключал почтенного отношения к родителям. Голландский ученый Сюй Лихэ в книге «Завоевание Китая буддизмом» объяснил это следующим образом: «Конфуций заложил основу для введения буддизма. Два мудреца Конфуций и Будда далеки от того, чтобы противостоять друг другу, но связаны». [Там же, с. 65] В «Сутта-питака разных сокровищ» сказано: «Спасение родительской души это величайшая заслуга, благодаря спасению своей матери я не встречал преград на пути

становления буддой. Поэтому, уважаемые монахи, каждый должен старательно следовать принципу сыновней почтительности и заботиться о родителях» [12].

Говоря о сыновней почтительности в буддизме, мы также не должны забывать про истинное назначение бодхисаттвы Кшитигарбхи в китайской культуре. Кшитигарбха — последний из четырёх великих бодхисаттв. В отличие от Авалокитешвары, которая спасает живых существ, Кшитигарбха занимается спасением всех «заблудших душ» в аду. К сожалению, согласно буддийской традиции, реинкарнация — это извечный процесс перерождения в различных мирах, поэтому ад никогда не опустеет, а Кшитигарбха будет вечно исполнять данный им обет [10].

Истории о спасении матери, описанные в «Сутре изначального обета бодхисаттвы Кшитигарбхи», ставят самоцелью проиллюстрировать сыновнюю почтительность Кшитигарбхи лишь для легитимизации буддийского учения в китайской духовной среде. Образ Ди Цзан является прототипом древней истории о Муляне [5], и в его истории сыновняя почтительность была лишь частью общего концепта по распространению буддийского учения. В китайской культуре Ди Цзан рассматривается более глобально, бодхисаттве отведена роль по спасению всех заблудших душ из ужасных адов, не замыкаясь исключительно на отце и матери. Концентрация внимания на образе Кшитигарбхи, как идеале следования сыновней почтительности неправомерна, поскольку деятельность бодхисаттвы в сутре была сужена

под влиянием внешних факторов и необходимости подтвердить своё право на существование в китайском религиозно-философском блоке, наряду с конфуцианством и даосизмом.

Список источников

1. J. J. M. De Groot. *Buddhist Masses for the Dead at Amoy*. E.J. Brill, 1884. – 120 p.
2. *The Buddha Speaks the Ullambana Sutra*. <http://www.cttbusa.org/ullambana/ullambana.asp>, (Дата обращения: 15.09.2022).
3. Бодхисаттва ада. Сутра основных обетов бодхисаттвы Кшитигарбхи. <http://abhidharma.ru/A/Bodhissatva/Content/Kshitigarbha%20sytra.htm#o2>, свободный. (Дата обращения: 15.09.2022).
4. История династии Хань. https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/I/Ban_Gu/Kit_filosof/text2.phtml, свободный. (Дата обращения: 15.09.2022).
5. Конфуцианское «Четверокнижие» ("Сы шу") / Пер. с кит. и коммент. А.И. Кобзева и др.; вступ. ст. Л.С. Переломова. – М.: «Восточная литература» РАН, 2004. – 431 с.
6. Кун-цзы. Лунь юй. (Конфуций. Беседы и суждения). 孔子. 论语. <https://lunyu.5000yan.com> (Дата обращения: 15.09.2022).
7. Ма Шугянь. Чжун го фо цзяо чжу шэнь. (Буддийские божества в Китае). 马书田. 中国佛教诸神. – Пекин: Туаньцзе чубаньшэ, 1995. – 451 с.
8. Мэн Цзы. Мэн Цзы. (Мэн-цзы. Мэн-цзы). 孟子. 孟子. <https://ctext.org/mengzi/zhs> (Дата обращения: 15.09.2022).
9. Сторожук А.Г. Три учения и культура Китая: конфуцианство, буддизм и даосизм в художественном творчестве эпохи Тан. – СПб.: «Береста», 2010. – 552 с.
10. Стулова Э.С. Образ героя в китайской проstonародной литературе (на примере «Баоцзюань о Муляне»). Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XIX годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (доклады и сообщения). Часть 1. М.: Наука, ГРВЛ, 1986. С. 55-59.
11. Цза бао цзан цзин. (Сутта-питака разных сокровищ). 雜寶藏經. <https://www.blisswisdom.org/publications/sutras/a/004/258-001/1103-005> (Дата обращения: 15.09.2022).
12. Янгутов Л.Е., Цыренов Ч.Ц. О взаимоотношении буддизма с конфуцианством в период его становления в Китае в эпохи Вэй (220–265 гг. н. э.), двух Цзинь (265–410 гг. н. э.), Южных и Северных царств (420–589 гг. н. э.). (По материалам сочинений средневековых мыслителей). Учёные записки ЗабГУ, 2015. С. 61-70.

References

1. J. J. M. De Groot. *Buddhist Masses for the Dead at Amoy*. E.J. Brill, 1884. – 120 p.
2. *The Buddha Speaks the Ullambana Sutra*. <http://www.cttbusa.org/ullambana/ullambana.asp>, (Data obrashcheniya: 15.09.2022).
3. *Bodhisattva ada. Sutra osnovnyh obetov bodhisattvy Kshitigarbhi*. <http://abhidharma.ru/A/Bodhissatva/Content/Kshitigarbha%20sytra.htm#o2>, svobodnyj. (Data obrashcheniya: 15.09.2022).
4. *Istoriya dinastii Han'*. <https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/>

- I/Ban_Gu/Kit_filosof/text2.phtml, svobodnyj. (Data obrashcheniya: 15.09.2022).
5. Konfucianskoe «CHetveroknizhie» ("Sy shu") / Per. s kit. i komment. A.I. Kobzeva i dr.; vstup. st. L.S. Perelomova. – M.: «Vostochnaya literatura» RAN, 2004. – 431 s.
  6. Kun-czy. Lun' yuj. (Konfucij. Besedy i suzhdeniya). 孔子. 论语. <https://lunyu.5000yan.com> (Data obrashcheniya: 15.09.2022).
  7. Ma SHutyan'. CHzhun go fo czyao chzhu shen'. (Buddijskie bozhestva v Kitae). 马书田. 中国佛教诸神. – Pekin: Tuan'cze chuban'she, 1995. – 451 s.
  8. Men Czy. Men Czy. (Men-czy. Men-czy). 孟子. 孟子. <https://ctext.org/mengzi/zhs> (Data obrashcheniya: 15.09.2022).
  9. Storozhuk A.G. Tri ucheniya i kul'tura Kitaya: konfucianstvo, buddizm i daosizm v hudozhestvennom tvorchestve epohi Tan. – SPb.: «Beresta», 2010. – 552 s.
  10. Stulova E.S. Obraz geroya v kitajskoj prostonarodnoj literature (na primere «Baoczyuan' o Mulyane»). Pis'mennye pamyatniki i problemy istorii kul'tury narodov Vostoka. XIX godichnaya nauchnaya sessiya LO IV AN SSSR (doklady i soobshcheniya). CHast' 1. M.: Nauka, GRVL, 1986. S. 55-59.
  11. Cza bao czan czin. (Sutta-pitaka raznyh sokrovishch). 雜寶藏經. <https://www.blisswisdom.org/publications/sutras/a/004/258-001/1103-005> (Data obrashcheniya: 15.09.2022).
  12. YAngutov L.E., Cyrenov CH.C. O vzaimootnoshenii buddizma s konfucianstvom v period ego stanovleniya v Kitae v epohi Vej (220–265 gg. n. e.), dvuh Czin' (265–410 gg. n. e.), YUzhnyh i Severnyh carstv (420–589 gg. n.

e.). (Po materialam sochinenij srednevekovyh myslitelej). Uchyonye zapiski ZabGU, 2015. S. 61-70.

Информация об авторе

Смирнова Анастасия Алексеевна,

магистрант

Восточного факультета СПбГУ

yaanastasia.sm@gmail.com

Сторожук Александр Георгиевич,

док. филол. наук,

Санкт-Петербургский государственный университет,

Кафедра китайской филологии

a.storozhuk@spbu.ru

Information about the author

Anastasia A. Smirnova, master student

Faculty of Asian and African Studies

St. Petersburg State University

yaanastasia.sm@gmail.com

Alexander G. Storozhuk,

Doctor of Philology,

St. Petersburg State University,

Department of Chinese Philology

a.storozhuk@spbu.ru

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25.09.2022

*Одобрена после рецензирования:
10.10.2022*

Принята к публикации: 20.10.2022

Information about the article

The article was submitted: 25.09.2022

Approved after reviewing: 10.10.2022

Accepted for publication: 20.10.2022

**On the issue of the establishment of the state award system
of the People's Republic of China**

**К вопросу об учреждении государственной наградной системы
Китайской Народной Республики**

**Лычагин Александр Иванович,
Семенов Илья Александрович**

*Нижегородский государственный университет
им. Лобачевского Н.И.*

*Автор, ответственный за переписку:
Лычагин А.И.: kaf.vostok@mail.ru*

**Alexander I. Lychagin,
Ilya A. Semenov**

*Nizhny Novgorod State University named after
Lobachevsky N.I.*

*The author responsible for the correspondence:
Lychagin A.I.: kaf.vostok@mail.ru*

УДК 340.1, 94(510) | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-4-2022-58-67](https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2022-58-67)

АННОТАЦИЯ

История государственных наград КНР берет свое начало в 30-е гг 20 века. В период Войны сопротивления Японии и Гражданской войны с гоминьданом главными формами поощрения были ордена и медали за боевые заслуги. Вслед за изменениями в новейшей истории КНР трансформировалась и наградная система, и ее юридическая основа. Современная система государственных наград КНР сложилась уже в наши дни после прихода к власти Председателя КНР Си Цзинпина. На современном этапе социально-экономического развития Китая совершенствование государственного управления, повышение качества работы партийного и государственного аппарата, построение современной армии потребовало создание научно-обоснованного, социально-ориентированного, правомерного механизма наградной системы.

ABSTRACT

The history of state awards of the PRC dates back to the 30s of the 20th century. During the Japanese Resistance War and the Civil War with the Kuomintang, the main forms of promotion were orders and medals for military merit. Following the changes in the modern history of the PRC, both the award system and its legal basis have been transformed. The modern system of state awards of the People's Republic of China has developed already in our days after the coming to power of the President of the People's Republic of China Xi Jinping. At the present stage of China's socio-economic development, improving public administration, improving the quality of the work of the CCP and state apparatus, building a modern army required the creation of a science-based, socially-oriented, legitimate mechanism for the award system.

Ключевые слова: награды КНР, Ордена и медали КНР, почетные звания КНР, наградная система КНР.

Для цитирования: Лычагин А.И., Семенов И.А. К вопросу об учреждении государственной наградной системы Китайской Народной Республики. *Современные востоковедческие исследования*. 2022; 4(4). С. <https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2022-58-67>

Государственная наградная система так же, как и герб, флаг и гимн является символом государственного суверенитета и неотъемлемой частью любого государственного образования. Государственная награда является высшей формой поощрения граждан в деле защиты Отечества, укрепления его обороноспособности, за заслуги в области социально-экономического строительства, науки и техники, образования и медицины, спорта, литературы и искусства. Награждение государственными наградами и присвоение государственных почетных званий опирается на законодательную базу: отражается в Конституции страны, законах и подзаконных актах.

Формирование наградной системы государства как комплексного механизма, состоящего из соответственно государственных наград разных уровней, юридической базы и наградного производства является историческим процессом и зависит от степени зрелости государственных институтов. Государственные награды также способствуют консолидации и мобилизации нации для достижения приоритетных для государства и общества целей.

Keywords: awards of the PRC, orders and medals of the PRC, honorary titles of the PRC, award system of the PRC.

For citation: Lychagin A.I., Semenov I.A. On the issue of the establishment of the state award system of the People's Republic of China. *Modern oriental studies*. 2022; 4(4). P. <https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2022-58-67>

Отмеченные наградами лица обычно являются наиболее активными гражданами и своими подвигами в ратной и трудовой жизни заслуживают высокий авторитет среди членов общества.

История государственных наград КНР берет свое начало в 30-е гг 20 века, в период революционной борьбы Коммунистической партии Китая и гоминьдана, когда были образованы несколько протогосударственных образований - Советские районы Китайской Советской республики, наиболее крупные из которых были Центральный район (юго-восточный Цзянси — западный Фуцзянь), районы на стыке провинции Хэнань — Хубэй — Аньхой, провинции Хунань — Хубэй (к западу от Уханя). В ноябре 1931 в г. Жуйцзинь (провинции Цзянси) состоялся 1-й Всекитайский съезд Советов, на котором был принят проект Конституции Китайской Советской республики, избран Центральный исполком Китайской Советской республики, сформировавший Временное центральное советское правительство.

Именно Временное правительство Центрального района Китайской Советской

Республики учредило первую награду за военные заслуги — Орден Красного знамени, который был заимствован из наградной системы СССР. В то время 8 командиров Китайской Красной Армии, в том числе и Мао Цзэдун были удостоены этой высокой награды. Для поощрения морального боевого духа китайских бойцов были учреждены медали «За решительность и стойкость», «Памятная медаль за освобождение Северного Китая», «Памятная медаль за освобождение Северо-Восточного Китая» и «Памятная медаль за победу и освобождение Юго-Западного Китая» [2].

В советских районах и других территориях, находившихся под контролем КПК, для поощрения трудового энтузиазма, были учреждены почетные звания за трудовые заслуги: «Передовик весенней пашни», «Отличник советской работы», «Мастер текстильного производства». КПК также разрабатывала и вручала чисто партийные отличительные знаки образцовым коммунистам, как «Отличник расширения влияния КПК» [2].

Несмотря на разнообразие учрежденных наград в разных областях и разного уровня, в период Войны сопротивления Японии и Гражданской войны с гоминьданом главными формами поощрения были ордена и медали за боевые заслуги.

Образование Китайской Народной Республики в 1949 году позволило уже на территории всей страны поставить вопрос об учреждении государственной системы поощрений.

Уже в 1951 году было принято «Временные секретные меры о поощрениях и наказаниях в целях сохранения партии и государства», а в 1957 году Госсовет КНР одобрил «Временное положение о поощрениях и наказаниях работников государственных административных органов». Это были первые нормативные акты, стимулирующие добросовестный труд на благо Китая и вводящие санкции против нерадивых работников [5, с. 54].

В 1954 году была принята Первая Конституция КНР, в которой на законодательном уровне был учрежден порядок награждения государственными наградами и присвоения государственных почетных званий.

В 50-е годы высшими военными наградами были Орден «Первого августа», Орден «За независимость и свободу» и Орден «За освобождение». Все ордена имели три степени.

Орден «Первого августа» Народно-освободительной армии Китая (НОАК) трех степеней был учрежден за боевые заслуги в революционных войнах. Орден первой степени вручался командирам НОАК от дивизии и выше, второй степени — командирам полков и батальонов, а третьей степени — командирам рот.

Орден «Первого августа» (Ба и) представлял собой «красную звезду» с иероглифами «Ба и» (1 августа), и отражал факт в истории китайской Красной армии, когда она организовала революционное восстание 1 августа 1927 года [5, с.65].

Орден «За независимость и свободу» и Орден «За освобождение» вручали военнотру-

жащим и кадровым работникам, участвовавшим в Войне сопротивления Японии и гражданской войне с гоминьданом и не допустившим просчетов и ошибок.

Как и в ситуации с Орденом «1 августа», Орденом «За независимость и свободу» и Орденом «За освобождение» первой степени награждались командующие воинскими соединениями выше дивизии и кадровые работники такого же ранга. Орденом второй степени — командующие дивизий и полков и соответствующие их рангу кадровые работники. Орденом третьей степени — командиры батальонов и рот и соответствующие их рангу кадровые работники.

Орден «За независимость и свободу» был выполнен в виде «Красной звезды», в лучах которой была гора Баоташань в г. Яньань как символ колыбели революции и революционный лагерь КПК в Войне сопротивления Японии.

Орден «За освобождение» представлял собой «красную звезду», на которой были изображены «Ворота небесного спокойствия» (Тяньаньмэнь) и символизировал полную победу китайского народа, возглавляемого КПК [5, с.66-67].

Всего Орденом «1 августа», Орденом «За независимость и свободу» и Орденом «За освобождение» первой степени были соответственно награждены 178 человек, 313 человек и 421 человек. Второй степени — 1467 человек, 4152 человека и 4932 человека. Третьей степени — 5339 человека, 31098 человек и 54879 человек [5, с.66-67]. В конце 50-х гг. награждение этими орденами прекратили.

Знаменательным событием было учреждение в 1951 году медали «Китайско-советская дружба», которая вручалась советским специалистам за трудовые подвиги в сфере строительства Китая и военным советникам, проявившим личное мужество во время войны в Корее.

Медаль была изготовлена из бронзы, на флаги КНР и СССР была нанесена красная эмаль. Лента переплетала колосья и звезды внизу медали. К медали прилагалось удостоверение, подписанное Мао Цзэдуном [3].

Последнее награждение данной медалью состоялось в 1959 году.

В 50-е гг., в период восстановления и создания экономической основы народного хозяйства за добросовестный труд и выдающиеся успехи в деле строительства социализма в Китае присваивались почетные звания, самыми высшими из которых были «Всекитайский ударник труда» (цюаньго лаодун мофань), «Всекитайский отличник труда» (цюаньго сяньцзинь гунцзочжэ) и «Всекитайский передовой коллектив» (цюаньго сяньцзинь цзити). Обычно эти звания присваивались на Всекитайских профессиональных съездах с участием руководителей партии и правительства. С 1950 г. по 2009 г. прошло 13 съездов награждений передовиков производства и отличников труда. Почетные звания были присвоены более 10 тыс. коллективам, и 25 тыс. работникам производства [5, с.55-57].

В период Культурной революции (1966-1976) были приостановлены процедуры вручения государственных наград и присвоения

почетных званий. По новой Конституция 1975 года, принятой в этот период, была отменена вся система государственная наградная система.

После Культурной революции в Конституции 1978 года система наград и почетных званий была восстановлена. 16 мая 1981 года ПК ВСНП принял «Решение о присвоении товарищу Сун Цинлин (1893-1981) звания почетного Председателя Китайской Народной Республики».

С началом новой политики реформ и открытости в 1982 году была принята новая Конституция, которая действует и поныне. В ней была подтверждена законодательная база государственных наград и почетных званий. По Конституции 1982 года ст. 67 п. 17 Постоянный комитет Всекитайского собрания народных представителей учреждает государственные ордена и награждает ими, устанавливает государственные почетные звания и присваивает их; а в соответствии со статьей 80 Председатель КНР на основании решений ВСНП и ПК ВСНП награждает государственными орденами и присваивает государственные почетные звания [1].

В связи с отсутствием системы высших государственных наград, которая бы отражала коренные перемены в стране, в 1986 году Комитет по правовым вопросам ПК ВСНП и бывшее Бюро по законодательным вопросам Государственного совета совместно с соответствующими ведомствами приступили к изучению и разработке законопроекта о государственных наградах и почетных званиях. В октябре 1993 года ПК ВСНП провел предварительное рассмотрение проекта, но из-за разногласий относительно сферы применения государственных

наград и почетных званий высшего уровня, а также разных подходов в отношении награждения умерших руководителей государства, проект был отложен, и дальнейшее его рассмотрение было остановлено [6].

В начале XXI в., после вступления в ВТО в 2001 году Китай стал участником глобального рынка. В стране возникла потребность в новых кадрах для работы в глобальной экономике. Поэтому ЦК КПК и Госсовет выдвинули стратегию «Кадры укрепляют государство» и опубликовали «Всекитайский план действий по созданию команд высококвалифицированных кадров» и «Постановление ЦК КПК и Госсовета об укреплении последовательной работы с кадрами». В постановлении, в частности, говорилось, что необходимо «совершенствовать систему поощрения, создавать государственную систему поощрения заслуг, оказывать высокий почет и щедро вознаграждать кадры, которые внесли выдающийся вклад в дело развития общества и государства» [5, с.55].

В 2007 году на XVII съезде КПК в своем отчетном докладе генеральный секретарь ЦК КПК Ху Цзиньтао указал, что нужно создавать государственную систему почета. Правительство также взяло курса на «создание государственной системы поощрения за заслуги» [5, с.1].

С приходом к власти Си Цзиньпина в 2012 году работа по созданию государственной наградной системы Китая ускорилась. Председатель КНР подчеркивал, что нужно в полной мере демонстрировать важнейшую роль государственных наград и почетных званий в обществе, пропагандировать героизм

и новаторский дух лиц, которые достойны высоких наград, оказывать им почет и уважение.

Для создания целостной, научной системы государственных наград и почетных званий в ЦК КПК приняли решение об использовании формулы «1+1+3», то есть ЦК КПК готовит руководящий документ, ПК ВСНП разрабатывает закон, а соответствующие ведомства подготавливают три Положения о награждении за партийные, государственные и военные заслуги [2].

На основе вышеупомянутого проекта 25 декабря 2015 года в ЦК КПК был издан документ «Мнение об учреждении и совершенствовании системы наград и почетных званий за партийные и государственные заслуги», который стал общей программой работы в этой области.

27 декабря 2015 года ПК ВСНП принял «Закон КНР о государственных наградах и почетных званиях», тем самым была учреждена наиболее важная система видов государственных наград и почетных званий, разработан принцип выдвижения кандидатов, описана процедура награждения.

В апреле 2016 года был создан Рабочий комитет по награждению за партийные и государственные заслуги, на который была возложена ответственность за общую координацию работы в этом направлении.

В соответствии с поставленной задачей были предложены «Орден Республики» как высшая государственная награда, «Орден 1 июля» как высшая партийная награда, «Орден 1 августа» как высшая военная награда и «Орден Дружбы» как высшая награда для

иностранных деятелей — друзей Китая

В августе 2017 г. были опубликованы и вступили в силу нормативные акты «Положение о награждении за заслуги перед Коммунистической партией Китая», «Положение о награждении за государственные заслуги», «Положение о награждении за военные заслуги», «Порядок представления к награждению «Орденом республики», «Порядок представления к награждению Орденом 1 июля», «Порядок представления к награждению Орденом 1 августа», «Порядок представления к награждению Орденом Дружбы» и «Порядок представления к присвоению государственных почетных званий».

Орден Республики — высшая награда КНР. Объекты награждения — гражданские и военные лица за огромный вклад и выдающиеся достижения в деле строительства социализма с китайской спецификой и защите Родины. Награждаются только граждане КНР.

Орден Республики выполнен в красных и желтых тонах. На нагрудном знаке изображен герб КНР и Красная звезда. Символы Ордена представляют реки Хуанхэ и Янцзы, горные вершины и любимый цветок Китая — пион. Орден носят с цепью, звеньями которой являются орнамент в виде китайского узла, жуи (алмазного жезла) и орхидей [6].

Первое награждение Орденом Республики состоялось 17 сентября 2019 года, в год 70-летия КНР. Количество награжденных составило всего 9 человек.

Вторым по старшинству после Ордена Республики является Орден Дружбы. Это высшая государственная КНР для иностранных граждан. Орден вручается за выдающиеся заслуги иностранцев в деле социалистической модернизации страны, содействие сотрудничеству Китая со всем миром. Президент России В. В. Путин стал первым иностранным деятелем, который был награжден Орденом Дружбы. Церемония награждения состоялась во время визита В. В. Путина в Китай 8 июня 2018 года [3].

Орден Дружбы представляет собой раскрытый цветок лотоса золотого цвета. В центре золотой медальон, на котором в небе из синей эмали над земным шаром летит голубь с оливковой ветвью. Ободок медальона оформлен двумя лавровыми ветвями по бокам, а в нижней части изображено крепкое рукопожатие.

К Ордену прилагается золотая ажурная цепь, звенья которой представляют традиционные китайские узлы, яшмовые кольца и традиционные китайские цветы.

На обратной стороне Ордена выгравировано имя награжденного.

Орден «1 августа» — это высшая военная награда КНР, которая присуждается Центральным военным советом КНР и вручается Председателем Центрального военного совета. Объекты награждения — военнослужащие и гражданский персонал НОАК, Народной вооруженной полиции и общественной безопасности. Орден вручается за выдающиеся заслуги в области защиты государственного суверенитета, безопасности и развития страны, за исключи-

тельный вклад в дело обороны государства и модернизации вооруженных сил. Вручается один раз в 5 лет.

Согласно официальному описанию в Ордене «1 августа» использована военная эмблема НОАК: пятиконечная красная звезда, иероглифы «Ба и» (1 августа), острый меч, флаг, факел, Великую стену и оливковую ветвь. Красная звезда с иероглифами «Ба и» символизирует историческую преемственность НОАК с Красной армией Китая. Сочетание пяти острых мечей означает несокрушимую мощь, сплоченность и боеспособность армии. Флаг и факел показывают, что награжденные добились больших успехов под знаменем партии и их дела и боевой дух являются примером для всех военнослужащих. Великая стена символизирует верность армии народу и готовность защищать государственный суверенитет. Оливковая ветвь означает движение Китая по пути мирного развития и вклад НОАК в защиту мира во всем мире [4]. Первое награждение Орденом «1 августа» состоялось 12 июня 2017 года, последнее — 27 июля 2022 года. Награждены всего 13 человек.

Орден «1 июля» — это высшая награда Коммунистической партии Китая, которая присуждается ЦК КПК и вручается Генеральным секретарем ЦК КПК. Орденом награждаются члены партии, которые внесли выдающийся вклад в дело строительства социализма с китайской спецификой.

Орден изготовлен в красной, золотой и белой цветовой гамме. В корпусе Ордена используются партийная эмблема, пятиконечная

звезда, флаги, лучи света, подсолнухи, горы и реки. Элементы Ордена означают, что под солнечным светом и знаменем партии коммунисты искренне служат людям, не забывают о своих первоначальных намерениях и помнят о своей благородной миссии [2]. Первое награждение состоялось 29 июня 2021 года, в год 100-летия КПК. Количество награжденных составило 29 человек.

Кроме высших государственных наград, Законом были утверждены высшие почетные звания, как-то: «Народный ученый», «Народный просветитель», «Народный деятель искусств», «Народный герой», «Выдающийся представитель народа», «Выдающийся деятель Национального единства», «Выдающийся деятель по осуществлению концепции Одна страна, две системы», «Выдающийся деятель по дипломатической работе» и «Выдающийся деятель по защите культурных ценностей»

Для учета лиц, удостоенных государственных наград и почетных званий, были созданы партийные, государственные и воинские книги заслуг. Таким образом, было завершено строительство единой, унифицированной, стандартизированной и авторитетной системы государственных наград и почетных званий «5+1» — «5 наград и званий + 1 книга заслуг».

На современном этапе социально-экономического развития Китая совершенствование государственного управления, повышение качества работы партийного и государственного аппарата, построение современной армии не может осуществляться без научно-обоснованного, социально-ориентирован-

ного, правомерного механизма наградной системы. Совершенствование системы наград в основных сферах государства — административной, военной и партийной, а также расширение областей присвоения почетных званий будут способствовать улучшению качества работы госслужбы и армии, стимулированию работы кадров и ориентированию людей на лучшие примеры китайского народа, заслужившие почет и уважение общества и государства.

Список литературы

1. Конституция КНР (в редакции 2018 г.) [Электронный ресурс] // URL: https://chinalaw.center/constitutional_law/china_constitution_revised_2018_russian/ (Дата обращения: 11.09.2022)
2. Лян Сяохуэй. Бай нянь Чжунгун вэйхэ шоуцы баньшоу «Ци и сюньчжан» (Почему КПК первый раз за сто лет награждает Орденом «1 июля»)// URL: http://www.stdaily.com/cehua/0629QYXZ/2021-06/29/content_1164680.shtml (Дата обращения: 12.09.2022)
3. Хуан Юйфэй. Вого гоцзя сюнчжан хэ гоцзя жуньюй чэнхаочжиду дэ чуанчжисин шицзянь (Инновационная практика системы государственных наград и почетных званий в Китае)// URL: <http://www.npc.gov.cn/npc/c30834/201909/9a4ea8d2b75744198bc8f5a4c7585a8e.shtml> (Дата обращения: 12.09.2022)
4. Цзюньжэнь чжигао жуньюй цзай цянцзюнь чжэнчэн шаньяо — Ба и сюньчжан. Цзяньцзе (Высшая заслуга солдат — это

- укрепление армии. Орден «1 августа». Краткое описание). Синьхуа ван. 28.07.2017 // URL: http://news.xinhuanet.com/mil/2017-07/28/c_129666655.htm (Дата обращения: 11.09.2022)
5. Чжан Шухуа, Пань Чэньгуан. Чжунвай гунсюнь жунъюй чжиду (Система заслуг и почестей в Китае и за рубежом). Пекин, Издательство «Чжунго кэсюэ шэжуэй чубаньшэ», 2011. С.55.
  6. Чэнь Гоган. Гоця сюньчжан хэ гоця жунъюй чэнхао фа даньшэн цзи (Рождение Закона о государственных орденах и государственных почетных званиях). Фачжи жибао, 20.01.2019. URL: <http://www.npc.gov.cn/npc/c5855/201901/0de6f2824fa8497f9af8798ce127a622.shtml> (Дата обращения: 12.09.2022)
- References**
1. Konstituciya KNR (v redakcii 2018 g.) [Elektronnyj resurs] // URL: https://chinalaw.center/constitutional_law/china_constitution_revised_2018_russian/ (Data obrashcheniya: 11.09.2022)
  2. Lyan Syaohuej. Baj nyan' CHzhungun vejhe shoucy ban'shou «Ci i syun'chzhan» (Pochemu KPK pervyj raz za sto let nagrazhdaet Ordenom «1 iyulya») // URL: http://www.stdaily.com/cehua/0629QYXZ/2021-06/29/content_1164680.shtml (Data obrashcheniya: 12.09.2022)
  3. Huan YUjfej. Vogo goczya syunchzhan he goczya zhun'yuj chenhaozhidu de chuanchzhisin shiczyan' (Innovacionnaya praktika sistemy gosudarstvennyh nagrad i pochetnyh zvanij v Kitae) // URL: <http://www.npc.gov.cn/npc/c30834/201909/9a4ea8d2b75744198bc8f5a4c7585a8e.shtml> (Data obrashcheniya: 12.09.2022)
  4. Czyun'zhen' chzhigao zhun'yuj czaj cyancyun' chzhenchen shan'yao – Ba i syun'chzhan. Czyan'cze (Vysshaya zasluga soldat – eto ukreplenie armii. Orden «1 avgusta». Kratkoe opisanie). Sin'hua van. 28.07.2017 // URL: http://news.xinhuanet.com/mil/2017-07/28/c_129666655.htm (Data obrashcheniya: 11.09.2022)
  5. CHzhan SHuhua, Pan' CHen'guan. CHzhunvaj gunsyun' zhun'yuj chzhidu (Sistema zaslug i pochestej v Kitae i za rubezhom) . Pekin, Izdatel'stvo «CHzhungo kesyue shekhuej chuban'she», 2011. S.55.
  6. CHen' Gogan. Goczya syun'chzhan he goczya zhun'yuj chenhao fa dan'shen czi (Rozhdenie Zakona o gosudarstvennyh ordenah i gosudarstvennyh pochetnyh zvanijah). Fachzhi zhibao, 20.01.2019. URL: <http://www.npc.gov.cn/npc/c5855/201901/0de6f2824fa8497f9af8798ce127a622.shtml> (Data obrashcheniya: 12.09.2022)

Сведения об авторе

Лычагин Александр Иванович

доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой восточных языков
и лингвокультурологии

Нижегородского государственного уни-
верситета им. Лобачевского Н.И.

e-mail: kaf.vostok@mail.ru

Семенов Илья Александрович

Соискатель кафедры восточных языков
и лингвокультурологии института меж-
дународных отношений и мировой исто-
рии Нижегородского государственного
университета им. Н.И. Лобачевского,

Нижний Новгород, Российская Федерация

e-mail: kaf.vostok@mail.ru

Information about the author

Alexander I. Lychagin

Doctor of Historical Sciences, Professor,
Chief of Department of Orient cultural-
language studies, Institute of International
Relations and World History, Lobachevsky
State University of Nizhny Novgorod

e-mail: kaf.vostok@mail.ru

Ilya A. Semenov

Postgraduate student of the Institute of In-
ternational Relations and World History of
Lobachevsky Nizhny Novgorod State Univer-
sity, Nizhny Novgorod, Russian Federation

e-mail: ilya@tento.com.tw

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25.09.2022

*Одобрена после рецензирования:
10.10.2022*

Принята к публикации: 20.10.2022

Information about the article

The article was submitted: 25.09.2022

Approved after reviewing: 10.10.2022

Accepted for publication: 20.10.2022

**The theory of “coordinated promotion”
of financial reform in China as logical, but notional construct**

**Теория «скоординированного продвижения»
финансовой реформы в КНР как логичная,
но умозрительная конструкция**

Карпов Михаил Владимирович

*Школа Востоковедения факультета Мировой
экономики и мировой политики НИУ ВШЭ
mikhail-karpov6@rambler.ru; mkarpov@hse.ru*

Mikhail V. Karpov

*School of Oriental Studies of the Faculty of World
Economy and World Politics
of the Higher School of Economics
mikhail-karpov6@rambler.ru ; mkarpov@hse.ru*

УДК 338.2 | АНАЛИТИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-4-2022-68-73](https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2022-68-73)

АННОТАЦИЯ

В феврале и апреле 2012 года аналитики Отдела обследований и статистики Народного Банка КНР (ЦБ КНР) Шэн Сунчэн и Лю Си предложили концепцию «скоординированного продвижения» финансовой реформы в Китае. Эта концепция явилась одним из текстуально оформленных проявлений экспертного консенсуса относительно необходимости осуществления либерализации финансовой системы КНР. Этот консенсус явственно сформировался к концу 2011 года и был связан с осознанием экспертным сообществом страны фундаментального системного исчерпания потенциала инвестиционно-затратной модели экономического роста, осуществлявшейся в Китае на протяжении четверти века. В основе предложен-

ABSTRACT

In February and April 2012, analysts of the Survey and Statistics Department of the People's Bank of China (CBR) Sheng Songcheng and Liu Xi proposed the concept of “coordinated promotion” of financial reform in China. This concept was one of the textually formulated manifestations of the expert consensus on the need to liberalize the financial system of the People's Republic of China. This consensus was clearly formed by the end of 2011 and was associated with the awareness of the country's expert community of the fundamental systemic exhaustion of the potential of the investment-cost model of economic growth implemented in China for a quarter of a century. The proposed concept was based on the idea of gradual, but simultaneous deregulation of the credit rate,

ной концепции лежала идея поэтапного, но одновременного дерегулирования кредитной ставки, обменного курса на внутреннем рынке и обменного курса по счету движения капитала. Данная концепция, весьма логичная и убедительная теоретически, на практике оказалась умозрительным построением, так как не предложила реальных инструментов преодоления мягкого бюджетного ограничения в экономике современного Китая.

Ключевые слова: экономика КНР, структурные экономические реформы, финансовая либерализация, мягкое бюджетное ограничение, жесткое бюджетное ограничение.

Для цитирования: Карпов М.В. Теория «скоординированного продвижения» финансовой реформы в КНР как логичная, но умозрительная конструкция. *Современные востоковедческие исследования*. 2022; 4 (4). С. <https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2022-68-73>

Анализ многочисленных документов в виде аналитических докладов и записок, вышедших из недр Государственного комитета по реформам и развитию КНР, Народного Банка КНР, а также экономических монографий и китайской экономической печати убедительно свидетельствует, что к концу 2011 года в экспертном сообществе КНР сложился определенный консенсус относительно выработки экономической стратегии на предстоящее пятилетие — 2012-2017 годы. [1, с. 243-261; 2, с. 120; 3, с. 36] Суть предполагаемой стратегии сводилась к необходимости осуществления в народном хозяйстве страны постепенной, поэтапной, но решительной и целенаправленной финансовой либерализации. Речь шла, прежде всего,

the exchange rate on the domestic market and the exchange rate on the capital account. This concept, which is very logical and convincing theoretically, turned out to be a speculative construction in practice, since it did not offer real tools to overcome the soft budget constraint in the economy of modern China.

Keywords: China's economy, structural economic reforms, financial liberalization, soft budget constraint, hard budget constraint.

For citation: Karpov M.V. The theory of “coordinated promotion” of financial reform in China as logical, but notional construct. *Modern Oriental Studies*. 2022; 4 (4). P. ([In Russ.](https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2022-68-73)) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2022-68-73>

о дерегулировании процентной ставки по кредиту и депозиту, либерализации обменного курса на внутреннем рынке (либерализации валютного курса по счету текущих операций), а также либерализации обменного курса по счету движения капиталов, то есть снятию ограничений на трансграничное перемещение денежных активов. Одновременно предполагалось продолжать прилагать целенаправленные усилия к дальнейшей и — в итоге — полной либерализации оптового и розничного ценообразования в народном хозяйстве. [2, с. 108] Путем целостной реформы финансового сектора КНР — включая банковскую систему, инвестиционные механизмы, фондовый рынок — имелось в виду достичь ключевой стратегической цели —

дальнейшей интеграции экономики КНР в мировую финансово-экономическую структуру и переходу (внутри Китая) от прежней инвестиционно-затратной модели роста ВВП к модели, основанной на увеличении внутреннего потребления и инноваций. Предполагалось снижение доли накопления в ВВП и повышение доли потребления. При этом допускалось определенное — умеренное — снижение темпов экономического роста при ощутимом повышении их качественных характеристик. [1, с. 304]

Указанная стратегия диктовалась далеко не только — и даже, пожалуй, не в первую очередь — задачами дальнейшей интеграции экономики КНР в мировую экономику, но и целью достижения нового внутреннего социально-экономического баланса. На рубеже нулевых и десятых годов XXI века центральные регуляторы КНР в лице Госсовета, Министерства финансов, Государственного комитета по реформам и развитию, Комитета по надзору за фондовым рынком и Народного Банка (ЦБ) КНР были весьма серьезно обеспокоены накоплением значительного объема макроэкономических диспропорций, особенно, с их точки зрения, обострившихся после исторически беспрецедентного монетарного стимула 2009-2010 годов. В тот период в народное хозяйство Китая по каналам ЦБ, коммерческого банковского кредитования, бюджетных трансфертов и принудительной скупки валюты у экспортеров по установленному курсу было влито от 4 до 6 триллионов юаней. К лету 2011 года стало окончательно понятно, что финансово-экономическая система страны — в силу своих структурно-динамических особенностей — не справилась с эффективным освоением таких объемов предоставленной государством ликвидности.

Насколько можно судить по документам регуляторов и экспертным выступлениям в экономической печати, наибольшее беспокойство у центральных регуляторов вызывали следующие пять аспектов.

Во-первых, рост внутреннего долга — прежде всего, на региональном уровне. Последний совокупно приближался к отметке 300% к ВВП.

Во-вторых, рост денежного навеса. Моне-тизация экономики КНР (денежная масса M2) превысила показатель 200% к ВВП.

В-третьих, слабо контролируемое (или просто неконтролируемое) распространение практик теневого банкинга, аккумулировавшего денежные активы объемом более трети ВВП страны (по данным на первый квартал 2012 года). При этом регуляторы в полной мере осознавали, что теневой банкинг в КНР работает преимущественно с государственными денежными активами, передаваемыми ему по серым и черным схемам государственными коммерческими банками. Таким образом, за пределами официальной отчетности этих банков — в сером и откровенно черном пространстве — формировались сложные и непрозрачные кредитные и долговые цепочки, кредитором последней инстанции для которых де-факто выступал Народный Банк (ЦБ) КНР и — опосредованно — в значительной мере государственный бюджет.

В-четвертых, снижение нормы прибыли на капитал, прежде всего, в обрабатывающих секторах промышленности.

В-пятых, активное перетекание денежных активов из отраслей реального сектора в откровенно спекулятивные сферы рынка земли и недвижимости, а также на фондовый рынок. Последний, будучи жестко государственно контролируемым и сегментированным по типам и обороту акций и облигаций, является в КНР

не столько инструментом капитализации предприятий, сколько “полем чудес” для инвестиций физических лиц. [2, с. 57-109]

Предполагаемая либерализация финансовой системы была призвана постепенно преодолеть указанные диспропорции, изменить мотивацию ключевых финансово-экономических игроков, ориентированных на извлечение инвестиционной ренты, достигнуть в народном хозяйстве страны нового макроэкономического баланса и — на его основе — успешно перейти к инновационно-потребительской модели экономического роста.

Следует подчеркнуть, что китайское экспертное сообщество, равно как и государственные экономические регуляторы, в принципе осознавали трудность преодоления условий мягкого бюджетного ограничения. Именно они — институционально запрограммированные условия мягкого бюджетного ограничения для ключевых финансово-экономических игроков — определяли фундаментальную мотивацию последних к извлечению ренты из инвестиционных проектов. Эта рента в конечном итоге как раз и формировала причины и масштабы макроэкономических дисбалансов — невозвратных кредитов, внутренней задолженности, избыточной ликвидности, завышенной стоимости активов. При всем этом, насколько можно судить, подавляющее большинство настроенных на реформы экспертов-экономистов в Китае в тот момент искренне считали, что видоизменение институциональной среды, воспроизводящей условия мягкого бюджетного ограничения, вполне реально путем дозированной, но поступательной финансовой либерализации.

Стратегический консенсус относительно финансового дерегулирования не исключал серьезные разногласия по вопросам темпов и по-

следовательности осуществления этого курса.

Насколько позволяют судить доступные источники, доминирующей точкой зрения о предпочтительной последовательности предстоящих реформ была та, что исходила из необходимости (единственной возможности) осуществить первоначально либерализацию ставок по кредиту и депозиту, реформу банков, инвестиционных механизмов, фондового рынка, оптового ценообразования и обменного курса по счету текущих операций. То есть, предлагала в первую голову сконцентрироваться на системном финансовом дерегулировании внутри страны. И лишь затем переходить к либерализации инструментов трансграничного движения денежных активов, то есть к “освобождению” курса юаня по счету движения капиталов. [4, с. 2–4]

Однако, в феврале и апреле 2012 года аналитики Отдела обследований и статистики Народного Банка КНР (ЦБ КНР) Шэн Сунчэн и Лю Си в нескольких впоследствии опубликованных аналитических докладах предложили концепцию “скоординированного продвижения” финансовой реформы в Китае. Эксперты указывали, что финансовая либерализация должна “передвигаться на дух ногах”. При этом, самое главное, чтобы эти “ноги” действительно шли, а последовательность их движения должна определяться не заданной изначально сухой теорией, а эмпирикой преобразований. [4, с. 7] Шэн Сунчэн и Лю Си, вооружившись ссылками на многочисленных зарубежных экспертов, а также математическими формулами и моделями, доказывали невозможность последовательного разделения шагов по финансовой либерализации на “внутренние” и “внешние”. Они стремились показать, что последовательное и эмпирически взаимосвязанное продвижение финансовых реформ намного быстрее позволит

восстановить макроэкономический баланс в народном хозяйстве КНР, предотвратит “ненормативную” динамику показателей и, более того, позволит ощутимо снизить сопротивление преобразованиям.

В частности, например, Шэн Сунчэн и Лю Си указывали, что либерализация кредитной ставки госбанков, скорее всего, приведет к тому, что эта ставка повысится. Это, в свою очередь, может привести к недоступности кредитов для предприятий реального сектора. Чтобы этого не произошло, необходимо одновременно с либерализацией кредитной ставки начинать осуществлять либерализацию трансграничных перемещений капитала с тем (в том числе более широкому допущению деятельности иностранных банков на внутреннем рынке КНР), чтобы поставить пределы росту ставок на внутреннем рынке.

С другой стороны, шаги в направлении либерализации обменного курса по счету текущих операций наверняка приведут к росту курса юаня на внутреннем рынке (речь идет о ситуации 2010–2011 годов!). Для того, чтобы ограничить эту тенденцию, необходимо тут же приступить к реализации курса на либерализацию кредитной ставки и трансграничных перемещений капитала.

Наконец, в случае чрезмерного оттока капитала следует прибегнуть к одновременным мерам по либерализации кредитной ставки и дерегулированию обменного курса юаня как по счету текущих операций (т. е. внутри страны), так и по счету движения капитала (т. е. трансграничное перемещение денежных активов). Последнее позволит снизить отток капитала, нормализовать кредитную ставку и сбалансировать обменный курс.

По мысли авторов, такое скоординиро-

ванное продвижение системного финансового дерегулирования позволит в рамках единого динамичного процесса охватить одновременно все институциональные и практические звенья народного хозяйства КНР, снизить бюрократические ограничения выхода игроков на рынок, изменит их мотивацию, ужесточит бюджетное ограничение, снизит зависимость предприятий от банковских кредитов и повысит долю фондового рынка в их капитализации, оздоровит инвестиционный механизм, защитит интересы как производителей, так и потребителей, сблизит финансовую систему КНР с мировой и — в перспективе — будет способствовать переходу народного хозяйства страны на новые, более интенсивные и менее затратные рельсы экономического роста. [4, с.3-15]

Вместе с тем практика финансового дерегулирования в КНР в 2013–2015 годах показала, что данная технически логичная и в целом убедительная концепция носила, все же, преимущественно умозрительный характер. Даже только первые подходы к либерализации инвестиционного механизма весной 2013 года продемонстрировали, что традиционная рентная мотивация ключевых финансово-экономических игроков сильнее, чем воздействие на них мер постепенного дерегулирования.

С нашей точки зрения, фундаментальная теоретическая и практическая ошибка аналитиков Центробанка КНР в 2011–2012 годах состояла в недооценке институциональной силы мягкого бюджетного ограничения. Очевидно, видный венгерский экономист Янош Корнаи, основоположник теории дефицита и мягкого бюджетного ограничения, был все же прав — для системного преодоления последнего необходимы более глубокие структурные реформы, которые в данном контексте не могут ограничиваться лишь технической финансовой либерализацией.

Список литературы

1. Вэй Юань. (Дэн Хайцин, Линь Ху. Лилю шичанхуа. Тувэй чжунго чжайу куньцзю. (Дэн Хайцин, Линь Ху. Превращение кредитной ставки в рыночную. Преодолеть долговую дилемму в Китае). – Social Sciences Academic Press (China). – 2013. – С. 235-328.
2. Лю Шицзинь, Ю У, Чэнь Чаншэн. Цун фань вэйцзи дао синь чантай. (От борьбы с кризисом к новой нормальности). China CITIC Press. – 2016. – С. 57 -109.
3. Чжоу Цижэнь. Хуоби дэ цзяосюнь. (Чжоу Цижэнь. Валютные уроки). – Perking University Press. – 2012. – С. 3-51.
4. Шэн Сунчэн, Лю Си. Цзиньжун гайгэ сетяо туйцзинь лунь. (Шэн Сунчэн, Лю Си. Теория скоординированного продвижения финансовой реформы). China CITIC Press. – 2012.

References

1. Den Hajcin, Lin' Hu. Lilyu shichanhua. Tujej chzhungo chzhaju kun'czyu. (Den Hajcin, Lin' Hu. Prevrashchenie kreditnoj stavki v rynochnuyu. Preodolet' dolgovuyu dilemmu v Kitae). – Social Sciences Academic Press (China). - 2013. - S. 235-328.
2. Lyu SHiczin', YU U, CHen' CHanshen. Cun fan' vejzi dao sin' chantaj. (Ot bor'by s krizisom k novoj normal'nosti). China CITIC Press. – 2016. – S. 57 -109.
3. CHzhou Cizhen'. Huobi de czyaosyun'. (CHzhou Cizhen'. Valyutnye uroki). – Perking University Press. – 2012. – S. 3-51.

4. SHen Sunchen, Lyu Si. Czin'zhun gajge setyao tujcin' lun'. (SHen Sunchen, Lyu Si. Teoriya skoordinirovannogo prodvizheniya finansovoj reformy). – China CITIC Press. – 2012.

Информация об авторе

Карпов Михаил Владимирович,

кандидат исторических наук, доцент
Школа Востоковедения факультета Мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ

mikhail-karpov6@rambler.ru;

mkarпов@hse.ru

Information about the Author

Mikhail V. Karpov, Candidate of History,
Associate Professor

School of Oriental Studies of the Faculty of
World Economy and World Politics of the
Higher School of Economics

mikhail-karpov6@rambler.ru;

mkarпов@hse.ru

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25.09.2022

Одобрена после рецензирования: 10.10.2022

Принята к публикации: 20.10.2022

Information about the article

The article was submitted: 25.09.2022

Approved after reviewing: 10.10.2022

Accepted for publication: 20.10.2022

Russia and China as phenomena of higher complexity. The problem of definition

Россия — Китай как социально-политические феномены повышенной сложности. К проблеме определения

Кузнецов Анатолий Михайлович

Дальневосточный федеральный университет

kuznetsov.2012@mail.ru

Anatoly M. Kuznetsov

Far Eastern Federal University

kuznetsov.2012@mail.ru

УДК 303+321 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-4-2022-74-87](https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2022-74-87)

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются общие вопросы социально-политической организации России и Китая. Для анализа была применена теория исследования сложных систем. В результате сделан вывод, что Российская Федерация и Китайская Народная Республика представляют особый тип государственности.

Ключевые слова и фразы: Россия, Китайская Народная Республика, феномен, сложность, полития, этнос.

Для цитирования: Кузнецов А.М. Россия — Китай как социально-политические феномены повышенной сложности. К проблеме определения. Современные востоковедческие исследования. 2022; 4(4). С. <https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2022-74-87>

ABSTRACT

The article analyzes the main issues of social and political organization of Russia and China. Theory of complex systems was used for this study. It was concluded that Russian Federation and People's Republic of China may be regarded as a specific type of staleness.

Keywords: Russia, People's Republic of China, phenomenon, complexity, polity, ethnos

For citation: Kuznetsov A.M. Russia and China as phenomena of higher complexity. The problem of definition. Modern oriental studies. 2022; 4(4). P. <https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2022-74-87>

Постановка проблемы. Сегодня Россия и Китай часто становятся объектами жесткой критики со стороны Запада, в том числе и в отношении своего государственного устройства и общественной организации. Империя, автократия и другие определения с негативными коннотациями используются как предлог для призывов к соблюдению неких правил, насаждения демократии, защите прав человека и т. д. в нашей стране и для нашего ближайшего стратегического партнера. При этом нетрудно заметить, что предлагаемые в качестве эталонов альтернативные модели в виде того же государства-нации, варианты демократической организации, нормы правовых систем являются *западными*, преимущественно *англосаксонскими* по своему происхождению. Тем не менее, в политическом, общественном и научном дискурсах наших стран ориентация на западные образцы все же получила достаточное распространение. Такое положение представляется особенно парадоксальным, учитывая, что Россия и Китай не были собственно колониями Запада. Осмысление же последствий своего колониального прошлого интеллектуалами ряда арабских стран и Индии вызвало негативную оценку его влияния в виде концепции *постколониализма* (Hiddleston 2009). В наших же рассматриваемых случаях, как показали европейские авторы, более адекватной для понимания сложившейся ситуации будет идея *методологического национализма*. Смысл ее заключается в неоправданном применении определений и концептов, сформировавшихся в одной социально-политической реальности, для анализа реалий других стран (Beyond the Methodological

Nationalism: Nationalism... 2012; Wimmer, Glick Schiller 2002).

На первый взгляд может также показаться, что общественно-политическая организация России и Китая имеет мало общего. Мы расстались со своим социалистическим прошлым, но Китайская народная республика продолжает строительство социализма, правда, с китайской спецификой. Кроме того, Россия позиционируется как федерация, а Китайская Народная Республика определяется как унитарная по своему характеру. Поэтому возникает естественный вопрос: а уместно ли эти государства по-прежнему рассматривать на некоторых общих основаниях? Для того, чтобы дать ответ на него и при этом избежать ловушки методологического национализма, как и других — концептуальных по своей сути, необходимо более внимательно рассмотреть сложившийся понятийный аппарат анализа проблем общественно-политического устройства различных стран.

Насколько непростым остается положение дел в этой области говорит уже явная неопределенность с ее базовыми определениями и концептами. Долгое время самым операциональным для описания и анализа социальной и политической организации отдельных стран считалось понятие *государство*. В обнаружившемся вскоре плюрализме его трактовок некоторый консенсус получила Конвенция о правах и обязанностях государства, принятая в 1933 г. в Монтевидео. Согласно ей, государство, как субъект международного права, должно обладать следующими характеристиками:

- 1) постоянным населением;
- 2) определенной территорией;

- 3) правительством;
- 4) способностью к вступлению в отношения с другими государствами (United States of America, Argentine Republic, Brazil, Chile, Colombia, etc... 1933).

Не менее показателен также ранее сложившийся в рамках институционального подхода взгляд на государство как *политический институт*. Однако проявившийся, по мнению некоторых авторов (К. Беме) в работе с такими подходами «теоретический вакуум» привел к внедрению еще одного определения — *политическая система*, более известного с 1950-х гг. по работам Д. Истона. При этом еще следует понимать отличие сложившихся трактовок *политической системы* от собственно системного понимания политической организации общества (Воскресенский 2007; Системный подход в современной науке 2007). Но затем еще произошло знаменательное возвращение в научный обиход *нового институционализма*. (Гудошников 2007) Однако, вопрос о соотношении этих различных определений толком не был проработан.

Опыт западной науки закрепил статус европейского государства-нации (вестфальского типа), такого как в Голландии, Швеции, Франции, и сложившегося в нем понятия *суверенитет*, а также институтов как эталона государственного устройства (Terborn 2021). Почти четырехкратное увеличение числа государств после Второй мировой войны с 46 до только признанных 193 — выявило скепсис в отноше-

нии универсальности государственного устройства такого рода. В то время как в Восточной, Юго-Восточной Азии отмечалась положительная тенденция к *вестфализации* (Alagappa 2003; 2012), на Ближнем Востоке фиксировался *кризис* государств-наций (Наумкин 2017). По мере развития новых государств проявились и такие явления, как, например, выборная автократия или *несостоявшееся* государство. Массовая транснациональная миграция, переросшая в эмиграционный кризис 2010-х гг. в Европе, заставила наиболее проницательных исследователей прийти к печальному для концепции нации-государства выводу. «Мы, европейцы, делаем вид, будто все еще существуют Германия, Франция, Италия, Нидерланды, Португалия и т.д. Но их давно уже нет, так как закрытые национально-государственные держатели власти и отделенные друг от друга границами государства стали ирреальными самое позднее с введением евро». Произошедшие перемены побудили социального теоретика У. Бека — одного из наиболее известных критиков методологического национализма также утверждать, что переживаемый Западом второй модерн может перейти в модерн *космополитический* (Бек 2007, 7). Отсюда и развернувшиеся обсуждения разнообразия вариантов государственного устройства и возможности сегодня создать универсальную типологию государств (Ильин 2008; Коломер 2008; Colomer 2007)¹. Наши российские искания западников и славянофилов, почвенников и либералов не менее показательны в этом отношении.

¹ Достаточно реальную палитру плюрализма современных государств можно представить на основе данного издания «Политический атлас современности». 2007.

Неудивительно, что дискуссии о природе своей государственности начались и между китайскими специалистами. В 1978-1983 г. дебаты шли по поводу уточнения: является ли КНР пролетарским государством, участвующим в мировой борьбе против капитализма, или таким же национальным образованием. В 1990-х гг. обсуждался вопрос: должен ли Китай оставаться членом международного пролетарского лагеря или национальным государством в мировой международной системе? Затем стали уточнять, какие национальные интересы Китая — самые важные и как их реализовать? Смещение затем фокуса на обоснование тезиса о мирном развитии Китая потребовало уточнить: является ли КНР ревизионистским или статускво государством (Грачиков 2021, 45- 52; Гордон 2017, 19).

Некоторые дополнения к трактовке рассматриваемой темы были озвучены Председателем КПК Си Цзиньпином. Он призвал к построению модернизированного социалистического государства, форсировать создание государства инновационного типа. При этом Китай все же определялся как социалистическое государство демократической диктатуры народа, руководимое рабочим классом и основанное на союзе рабочих и крестьян (Доклад Си Цзиньпина на XIX съезде КПК).

Цивилизация, государство, нация. Когда стало ясно, что Китай при всем желании нельзя обсуждать также как: Португалию, Сингапур, Швецию, Швейцарию и т.д., — это осознание спровоцировало даже критику традиционного китаеведения в целом (Kuijper 2014).

Свой вариант выхода из возникшей неловкой ситуации предложил в 1992 Л. Пай. Он определил Китай как «*цивилизацию-государство*, выдающее себя за нацию-государство» (Pye 1992). Идея была быстро воспринята другими специалистами, и Китай теперь считается эталоном государства такого типа, к которому также относят Россию и Индию (Coke 2019; Guang Xia 2014; Zhang Weiwei 2012). Как показал Г. Игеди, цивилизация-государство строит свою легитимацию не на обращении к нации, но на своем цивилизационном наследии. На Западе легитимация еще предполагает демократическое функционирование, а в Китае культура более значима, чем политика, также как и мораль (Eagedy 2021, 242). В то же время Ж. Коломер продолжал описывать Россию и Китай как *мегагосударства-империи* (Colomer 2007; 2016)

Однако представленные проблемы с определением характера государств / политических систем при попытке рассматривать их через идею цивилизации еще более усугубляются. Дело в том, что с определением цивилизации есть свои сложности. Более-менее понятно, что такой подход предполагает явный крен в обсуждение роли культуры, религии, искусства и т.д., значительно трансформируя понимание собственно политического. Показательно, что известное определение цивилизации рассматривает ее как группу государств, объединенных общими культурными характеристиками (например, православная, исламская, конфуцианская и еще примерно 20 цивилизаций). Но с пониманием того, что является культурой, остаются свои очень серьезные проблемы. Предложенное совмещение понятий

цивилизация и государство в отношении не только Китая, но и других государств во многом было обусловлено *полиэтническим* составом населения этих государств (Pabst). В этом случае определение цивилизация-государство справедливо вступает в противоречие с попытками сохранить понятие *империи*. Ведь в качестве одного из значимых признаков такой политической организации тоже считается *неоднородный* в этническом плане состав населения государства. Для *нации-государства*, напротив, признается показательным уже *этнически однородное* население (этно-нация). Наряду с уже указанной массовой транснациональной миграцией четкость такой дихотомии сегодня размывает то обстоятельство, что всего лишь около 20 государств, включая обе Кореи, Польшу и Японию, а также не самые крупные, такие как Барбадос, Бахрейн, Коста-Рика, отвечают такому требованию. Не случайно, что в отношении США с их различным не только в этническом, но и в расовом отношении населением также применяется определение империя. В любом случае, новое неимперское понимание характера государственности России и Китая требует еще и обращения к проблеме *нации*.

Сделать это надо хотя бы потому, что наша специфика отражена в преамбуле к Конституции, где записано: «Мы, *многонациональный* народ Российской Федерации...». В свою очередь, в официальной доктрине китайской нации, разработанной Фэй Сяотуном, она также трактуется как нация, состоящая из *разных наций* (Москалев 2001; 2005). О необходимости возрождения великой китайской нации часто говорить в своих выступлениях и Председатель

КНР Си Цзиньпин. Как известно, в политическом лексиконе еще бытуют термины *национальное меньшинство* и *этническая общность*. Поэтому к определению *нация, включающая другие нации*, следует отнестись более внимательно хотя бы потому, что один из основополагающих принципов ООН провозглашает *право наций на самоопределение*. Следовательно, для России и Китая проблема нации, является не предметом схоластических дискуссий, а актуальным вызовом сугубо *экзистенциального характера*. Ведь те же призывы к «деколонизации» России, надо полагать, затем и Китая пытаются опереться на указанную международную норму. Однако, и при попытке определения нации мы оказываемся в такой же непростой ситуации, как и в случае, когда нужно было понять, какой вариант государственного устройства у нас представлен.

Ясно, что сам термин нация и его смысл являются западноевропейским по своему происхождению. За время существования его значение претерпело непростую эволюцию от обозначения студенческих землячеств, религиозных общин до современных трактовок, обусловленных переходом к государству и обществу модерна, связанных с возникновением капитализма. Достаточно распространенную версию современной трактовки этого понятия сформулировал Р. Коллинз: «Нация представляет собой ту форму, которую принимает *этническая общность*, когда в ходе постепенного расширения этнических границ они начинают совпадать с границами *государства...*» (Коллинз 2005, 85). Поскольку американские реалии всегда отличались от европейских, то

в США появилось особое понятие *гражданская нация* как объединение всех граждан государства без учета их расовой, этнической и т.д. принадлежности. Специализировавшийся на изучении государств Юго-Восточной Азии и Латинской Америки Б. Андерсон, как известно, вообще провозгласил: нация — это *воображаемое сообщество*. Тогда становится понятно, почему появляются и такие трактовки нации: «Нация — это население, обладающее коллективной идентичностью и коллективным стремлением к некоему варианту самоуправления, необязательно в виде собственного суверенного государства. Основу этой коллективной идентичности образует общая культура значений» (Terborn 2021). Неудивительно, что Э. Геллнер пришел к выводу: нация — вообще дань моде. «Только потому, что в наш националистический век национальные объединения являются привилегированными, излюбленными объектами отождествления и добровольного присоединения, это определение кажется заманчивым; просто все другие виды групп сейчас отступают на задний план» (Геллнер 1991, 124). Другие же специалисты призывали забыть о нации или же утверждали, что невозможно дать научное определение нации. Не случайно, в последнее время многие авторы предпочитают обсуждать тему *нациестроительства* (Building a Nation-State 1990). В представленной ситуации общей неопределенности используемых понятий и определений становится очевидно, что нападки на общественно-политическую организацию России и Китая не имеют не только научных, но и вообще каких-либо оснований.

Сложность, тренды. Для продвижения в понимании рассматриваемых проблем необходимо обратиться к современному теоретико-методологическому арсеналу исследований. Прежде всего, следует отметить, что Российская Федерация и Китайская Народная Республика отличаются не просто большими размерами и масштабами, но и многоуровневой организацией, а также включением достаточно различных составляющих их образований. Поэтому для их анализа необходимо использовать методологию анализа *сложных явлений* (систем), включая метод *итерации*, когда мы последовательно выделяем разные уровни изучаемого явления, а затем исследуем их адекватными методами и приемами (*Диалектика познания...* 1988; Кузнецов 2020). Кроме того, следует учитывать, что история государственности в России насчитывает более 1 тыс., а Китая — более 4 тыс. лет. Эти показатели особенно важны, так как в свете представлений о зависимости современного состояния явлений от предшествующей траектории развития (*тренда*) необходимо учитывать общую историческую динамику при решении различных вопросов. Рассмотрим с учетом предложенных подходов некоторые наиболее общие характеристики, значимые для понимания общественно-политической организации России и Китая.

На уровне анализа целостных государственных образований (*политий*) становится очевидным, как уже отмечалось, что многие идеи и понятия социально-гуманитарных наук сформировались в условиях Западной Европы. Они стали возможны на основе, сложившейся в результате крушения Западной римской

империи, с последующим Возрождением, Просвещением, первыми буржуазными революциями, развитием капитализма, колониальными захватами. Пройденный путь положил начало в ХУП-ХУШ вв. эпохе модерна, завершившейся в 60-х гг. XX в. постмодерном.

Разрыв с XIII в. тесных связей Руси с Западной Европой, падение в середине XV в. Византийской империи, освоение Сибири обусловили во многом самобытное развитие русских княжеств, а затем Московского царства. «Прорубание окна в Европу» в начале ХУШ в. позволило Российской империи освоить достижения Запада в сфере военного дела и технологий, что позволило сохранить свою государственность. Однако во многом это удалось сделать за счет «второго издания крепостничества» (С.Д. Сказкин), обусловившего, в том числе по логике И. Валлерстайна, полупериферийное положение России. Развитие собственно капитализма в России, начавшееся с Великих реформ 60-х гг. XIX в. было прервано Великой русской революцией 1917-1922 гг. Перестройка и реформы 1990-х снова изменили вектор развития государства и общества нашей страны, тем не менее изменить базовые их основания даже потрясения XX в. не смогли, слишком велика оказалась сила предшествующей традиции. (Цымбурский 1996) Как пророчески показал еще в «угар» 1990-х В.Л. Цымбурский: «Все, что русские почерпнули на Западе, уже никуда от них не уйдет, и к этим почерпаниям могут быть присоединены еще многие иные, но частью европейского мира, как в прошлом и на тех же правах, Россия, скорее всего, уже не будет» (Цымбурский 1997, 67).

Понятно, что еще более самобытной на фоне рассмотренных примеров выглядит история Китая. До начала контактов с Европой эта страна, как и другие восточноазиатские государства, прошла самобытный исторический путь, в ходе которого у нее сложились особые формы общественно-политического устройства. Следует особо отметить, что стадия возникновения аналога централизованного государства здесь была пройдена гораздо раньше (Asia in the 21st 1997; Callahan 2011; Kim 2000). Прямая угроза со стороны колониальных держав Старого Света побудила ряд общественно-политических деятелей Китая, а также Кореи и Японии второй половины XIX в. взять курс на «отход от Азии» и двинуться навстречу европейской цивилизации (Gi-Wood Shin 2007, 14). Однако уже к концу девятнадцатого столетия доминирующей становится обратная тенденция возвращения к *паназиатским приоритетам*. Подобный поворот вполне объясним: пресловутая «модернизация/вестернизация» в первую очередь затрагивала экономику и политику азиатских стран, но не культуру, которая во многом сохраняла свои традиционные начала, продолжая при этом оказывать влияние на экономические и политические сферы общественной жизни (История Китая с древнейших времен ... 2016: Compton 2000, 2, 5).

Если теперь перейти на новый уровень анализа поставленной проблемы — особенностям общественной организации, то нетрудно отметить следующие важные обстоятельства. Секуляризация и разрушение традиционных связей и отношений между людьми обусловили развитие *индивидуализма* на Западе, при

котором социум рассматривается как механическое объединение индивидов. Российское общество при всех потрясениях еще сохраняет признаки того качества, которое принято определять как *общинность*, *соборность* и т.д. Не менее показателен также значимый для нас *этатизм*, т.е. особые, тесные отношения индивида с государством. В Китае, несмотря на активные усилия западных специалистов найти здесь привычный для них индивидуализм, клановые, родственные и другие связи сохраняют свое значение. Как показал В.В. Малявин: «Китайская традиция предъявляла своим восприимчивым жёсткое требование превозмогать всё субъективно-частное в себе, причём такое усилие носило характер «оставления себя» равнозначного самотипизации и, следовательно, восполнению своего бытия» (Малявин 2013, 92). Эти различия по линии *индивидуализм-коллективизм* лежат в основе гипертрофизации в западной академической и общественной традициях понятия *идентичность*. В российском научном сообществе разрабатывалась теория *этнуса* как особой общности людей («народа»), объединённых общими свойствами, но не имеющей еще своей политической организации. Во многом наша специфика социумов обусловлена тем обстоятельством, что еще до 1950-х гг. (Россия) и начала 2000-х гг. (Китай) оставались обществами с преимущественно крестьянским населением.

Представленная специфика социально-экономического развития определила и особенности *модернизации* в наших странах, осуществляемой революционным путем социальных революций на основе марксистской

теории. Понятно, что слабость буржуазии и немногочисленность рабочего класса, в отличие от западных развитых государств, обусловили остроту проблемы *субъекта модернизации* как в России, так и для Китая. Решение проблемы указало ленинское учение о *партии нового типа*. Однако масштабы решаемых задач обусловили закономерное преобразование КПСС и КПК из партий рабочего класса в общенародные партии с последующим ростом численности их членов (КПСС — около 17 млн. чел. накануне распада СССР, КПК — 73, 76 млн. чел. к ХУП съезду 2007 г.).

Важно также понимать изменения государственности и социумов наших стран, фиксируемые при переходе от установок того же панславизма и тянься, затем идеологии пролетарского интернационализма к осознанию собственных интересов для определения своего места в мире, заданным полицентричным его видением. При этом все же очевидно, что, несмотря на множество внешних различий, в организации наших политий есть много общего.

В контексте приведенных данных возникает несколько принципиальных вопросов, например: какие этапы исторического развития России и Китая можно соотнести с западной эпохой *модерна*? Насколько правомерно говорить о постмодерне применительно к реалиям наших стран? Эти вопросы приобретают особую актуальность с образованием Евросоюза, поставившего европейские государства нации в совершенно новые обстоятельства. Теперь они должны были отдавать часть своего суверенитета евробюрократии. Сам Союз

должен приспособиться к своему *полиэтнично-*му состоянию. При этом здесь еще происходит размывание среднего класса, а рабочие уже не рассматриваются как класс, так как не играют прежней роли в общественно-политической жизни своих стран. Подобные «инновации» можно рассматривать как выход на мегатренд развития, по которому уже давно развиваются Россия и Китай. Поскольку ЕС оказывается только в начале этого пути, то еще неизвестно сможет ли он отвечать требованиям, которые ставят перед ним такой уровень интеграции и воздействие со стороны США. В любом случае, получается, что государство-нация уже не может быть универсальным эталоном. Скорее исторический опыт России, Китая, Индии, дополненный необходимым технологическим обеспечением, становится более актуальным в современных условиях.

Таким образом, Российская Федерация и Китайская Народная Республика, с точки зрения своей общественно-политической организации, не являются некими аномалиями или «неправильными» формами. Они должны рассматриваться как полноправный тип государственности, который должен быть осмыслен должным образом без использования устаревших ярлыков, таких, как империя. На данном этапе исследования можно предложить для обозначения России, Китая, Индии термин *гиперполития*.

Список литературы

1. Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия / Пер. с нем. А.Б. Григорьева, В.Д. Седельника. Москва: Прогресс-Традиция; Издательский дом "Территория будущего", 2007.
2. Воскресенский А.Д. Сравнительный анализ политических систем, политических культур и политических процессов на Востоке: общие закономерности и специфика их региональной трансформации // Политические системы и модели демократии на Востоке. Москва: АСПЕКТ ПРЕСС, 2007. С. 6-38.
3. Геллнер Э. Нация и национализм. Москва: Прогресс, 1991.
4. Гордон А.В. Китай в мировой истории и международной политике: модернизм-традиционализм-глобализм. Москва: ИНИОН РАН, 2017.
5. Грачиков Е.Н. Китайская школа международных отношений. На пути к большим теориям. Москва: АСПЕКТ-ПРЕСС, 2021.
6. Гудошников Л.М. Эволюция политических институтов Китая во второй половине XX и начале XXI вв. // Политические системы и модели демократии на Востоке. Москва: АСПЕКТ ПРЕСС 2007. С. 577-611.
7. Диалектика познания сложных систем. М.: Мысль, 1988.
8. Доклад Си Цзиньпина на XIX съезде КПК http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm (дата обращения 12.09.2022)
9. Ильин М.В. Возможна ли универсальная

- типология государств? // Политическая наука. 2008. № 4. С. 8-41
10. История Китая с древнейших времен до начала XXI Века. Том 1X. Реформы и модернизация (1976-2009). Москва: Наука, 2016.
11. Коллинз Р. «Балканизация» или «американизация»: геополитическая теория этнических изменений // Логос. 2005; № 1. С. 19-64.
12. Колломер Ж. Великие империи, малые нации: Неясное будущее суверенного государства // Политическая наука. 2008; № 4. С. 42-61.
13. Кузнецов А.М. Восточная Азия как сложный феномен // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2020;. № 2. С. 8-18.
14. Малявин В.В. Модернизация и капитализм в Китае. По поводу гипотезы М. Вебера / Синьхайская революция и Республиканский Китай: век революций, эволюции и модернизации. Сборник статей. Москва: Институт востоковедения РАН, 2013. С. 90-108.
15. Москалёв А. А. Теоретическая база национальной политики КНР (1949—1999) / Отв. ред. В. С. Мясников. Москва: Памятники исторической мысли, 2001.
- a. Москалев А.А. Нация и национализм в Китае: эволюция китайской мысли в подходах к нации и национализму. Москва: 2005.
- b. Наумкин В.В. Кризис государств-наций на Ближнем Востоке // Международные процессы. 2017; Том 15, № 2 (49). С. 27-43.
16. Политический атлас современности: Опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств. Москва: МГИМО, 2007.
17. Системный подход в современной науке. К 100-летию Людвиг фон Бергаланфи. Отв. редакторы И. К. Лисеев, В. Н. Садовский. Москва: Прогресс-Традиция, 2004.
18. Цымбурский В Л Сверхдлинные военные циклы и мировая политик // Полис. Политические исследования. 1996. № 3.
19. Цымбурский В.Л. «Европа-Россия»: «третья осень системы цивилизаций» // Полис. Политические исследования. 1997; № 2. С. 56-63.
20. Alagappa M. Constructing Security Order in Asia: Conceptions and Issues // Asian Security Order: Instrumental and Normative Features / Ed.: M. Alagappa. Stanford: Stanford University Press, 2003. P. 75–105.
21. Alagappa M. Nation Making in Asia: From Ethnic to Civic Nations? Kuala Lumpur: Institute of Strategic and International Studies, 2012.
22. Asia in the 21st Century: Economics, Sociopolitical, Diplomatic Issues / Ed.: P.C. Chow, G.C. Chow. Singapore: World Scientific, 1997..
- a. Beyond the Methodological Nationalism: Nationalism Research Methodologies for Cross Border Studies / Ed.: A. Amelina, D. Nergiz, T. Faist, N. Glick Schiller. N.Y.; L.: Routledge, 2012.

23. Building a Nation-State. China after Forty Years / Ed. by J.K. Kallgren. Berkeley, 1990..
24. Callahan W. A. Tianxia, Empire and the World // China Orders the World / Ed. by Callahan, Varabantseva. Baltimore: John Hopkins University Press, 2011.
25. Coke C. The Rise of the Civilizational State. Cambridge: Polity Press, 2019.
26. Colomer J. M. Great empires, small nations. The uncertain future of the sovereign state. London, New York, 2007.
27. Colomer J. M. Empires Versus States // Oxford Research Encyclopedia, Politics. Oxford University Press USA, 2016.
28. Compton R.W. East Asian Democratization: Impact of Globalization, Culture and Economy. Westport: Greenwood Publishing Group, 2000.
29. Egady G. Nation vs Civilization? The Rise of 'Civilizational States // Civic Review. Special Issue, 2021. P. 241-250 . '
30. Guang Xia. China as a "Civilization-State": A Historical and Comparative Interpretation // Procedia - Social and Behavioral Sciences. August 2014; Volume 140, 22. P. 43-47.
31. Hiddleston J. Understanding Postcolonialism. Stocksfoeld: Acmen, 2009.
- a. Kuijper H. What's wrong with the study of China/countries // Asian Studies, 2014; II (XVIII); № 1. P. 151-185.
32. Martin J. Civilizational State versus Nation-state. <http://www.martinjacques.com/> articles (дата обращения 17.08.2022)
33. Pabst A. China, Russia and the return of the civilizational state. New Statesman 8 may 2019 <https://www.newstatesman.com/world/2019> (дата обращения 16.08.2022)
34. Pye L.W. The Spirit of Chinese Politics. Cambridge, MS: Harvard University Press. 1992.
35. Shi Zhiyu. Civilization, Nation and Modernity in East Asia. New York: Routledge, 2012
36. Ternborn G. States, Nations, and Civilizations // Fudan Journal of the Humanities and Social Sciences, 2021; 14 (2). P 225-242.
37. United States of America, Argentine Republic, Brazil, Chile, Colombia, etc. Convention on Rights and Duties of States adopted by the Seventh International Conference of American States. Signed at Montevideo, December 26th, 1933.: <https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/LON/Volume%20165/v165.pdf> (дата обращения 22.09.2022).
38. Wimmer A., Glick Schiller N. Methodological Nationalism and Beyond: Nation State-building, Migration and the Social Sciences // Global Networks. 2002; Vol. 2; Iss. 4. P. 301-334.
39. Zhang Weiwei. The China Wave: The Rise of a Civilizational State. World Scientific (WCPC), 2012.

References

1. Bek U. Vlast' i ee opponenty v epohu globalizma. Novaya vseмирno-politicheskaya ekonomiya / Per. s nem. A.B. Grigor'eva, V.D.

- Sedel'nika. Moskva: Progress-Tradiciya; Izdatel'skij dom "Territoriya budushchego", 2007.
2. Voskresenskij A.D. Sravnitel'nyj analiz politicheskikh sistem, politicheskikh kul'tur i politicheskikh processov na Vostoke: obshchie zakonomernosti i specifika ih regional'noj transformacii // Politicheskie sistemy i modeli demokratii na Vostoke. Moskva: ASPEKT PRESS, 2007. S. 6-38.
  3. Gellner E. Naciya i nacionalizm. Moskva: Progress, 1991.
  4. Gordon A.V. Kitaj v mirovoj istorii i mezhdunarodnoj politike: modernizm-tradicionalizm-globalizm. Moskva: INION RAN, 2017.
  5. Grachikov E.N. Kitajskaya shkola mezhdunarodnyh otnoshenij. Na puti k bol'shim teoriyam. Moskva: ASPEKT-PRESS, 2021.
  6. Gudoshnikov L.M. Evolyuciya politicheskikh institutov Kitaya vo vtoroj polovine HKH i nachale HKH1 vv. // Politicheskie sistemy i modeli demokratii na Vostoke. Moskva: ASPEKT PRESS 2007. S. 577-611.
  7. Dialektika poznaniya slozhnyh sistem. M.: Mysl', 1988.
  8. Doklad Si Czin'pinya na H1H s"ezde KPK http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm (data obrashcheniya 12.09.2022)
  9. Il'in M.V. Vozmozhna li universal'naya tipologiya gosudarstv? // Politicheskaya nauka. 2008. № 4. S. 8-41
  10. Istoriya Kitaya s drevnejshih vremen do nachala HKH! Veka. Tom 1H. Reformy i modernizaciya (1976-2009). Moskva: Nauka, 2016.
  11. Kollinz R. «Balkanizaciya» ili «amerikanizaciya»: geopoliticheskaya teoriya etnicheskikh izmenenij // Logos . 2005; № 1. S. 19-64.
  12. Kollomer ZH. Velikie imperii, malye nacji: Neyasnoe budushchee suverennogo gosudarstva // Politicheskaya nauka. 2008; № 4. S. 42-61.
  13. Kuznecov A.M. Vostochnaya Aziya kak slozhnyj fenomen // Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya. 2020; № 2. S. 8-18.
  14. Malyavin V.V. Modernizaciya i kapitalizm v Kitae. Po povodu gipotezy M. Vebera / Sin'hajskaya revolyuciya i Respublikanskij Kitaj: vek revolyucij, evolyucii i modernizacii. Sbornik statej. Moskva: Institut vostokovedeniya RAN, 2013. S. 90-108.
  15. Moskal'yov A. A. Teoreticheskaya baza nacional'noj politiki KNR (1949—1999) / Otv. red. V. S. Myasnikov. Moskva: Pamyatniki istoricheskoy mysli, 2001.
  - a. Moskal'ev A.A. Naciya i nacionalizm v Kitae: evolyuciya kitajskoj mysli v podhodah k nacji i nacionalizmu. Moskva: 2005.
  - b. Naumkin V.V. Krizis gosudarstv-nacij na Blizhnem Vostoke // Mezhdunarodnye processy. 2017; Tom 15, № 2 (49). S. 27-43.

16. Politicheskij atlas sovremennosti: Opyt mnogomernogo statisticheskogo analiza politicheskikh sistem sovremennyh gosudarstv. Moskva: MGIMO, 2007.
17. Sistemnyj podhod v sovremennoj nauke. K 100-letiyu Lyudviga fon Bertalanfi. Otv. redaktery I. K. Liseev, V. N. Sadovskij. Moskva: Progress-Tradiciya, 2004.
18. Cymburskij V L Sverhhdlinnye voennye cikly i mirovaya politik // Polis. Politicheskie issledovaniya. 1996. № 3.
19. Cymburskij V.L. «Evropa-Rossiya»: «tret'ya osen' sistemy civilizacij» // Polis. Politicheskie issledovaniya. 1997; № 2. S. 56-63.
20. Alagappa M. Constructing Security Order in Asia: Conceptions and Issues // Asian Security Order: Instrumental and Normative Features / Ed.: M. Alagappa. Stanford: Stanford University Press, 2003. R. 75–105.
21. Alagappa M. Nation Making in Asia: From Ethnic to Civic Nations? Kuala Lumpur: Institute of Strategic and International Studies, 2012.
22. Asia in the 21st Century: Economics, Socio-political, Diplomatic Issues / Ed.: P.C. Chow, G.C. Chow. Singapore: World Scientific, 1997..
  - a. Beyond the Methodological Nationalism: Nationalism Research Methodologies for Cross Border Studies / Ed.: A. Amelina, D. Nergiz, T. Faist, N. Glick Schiller. N.Y.; L.: Routledge, 2012.
23. Building a Nation-State. China after Forty Years / Ed. by J.K. Kallgren. Berkeley, 1990..
24. Callahan W. A. Tianxia, Empire and the World // China Orders the World / Ed. by Callahan, Barabantseva. Baltimore: John Hopkins University Press, 2011.
25. Coke C. The Rise of the Civilizational State. Cambridge: Polity Press, 2019.
26. Colomer J. M. Great empires, small nations. The uncertain future of the sovereign state. London, New York, 2007.
27. Colomer J. M. Empires Versus States // Oxford Research Encyclopedia, Politics. Oxford University Press USA, 2016.
28. Compton R.W. East Asian Democratization: Impact of Globalization, Culture and Economy. Westport: Greenwood Publishing Group, 2000.
29. Egady G. Nation vs Civilization? The Rise of 'Civilizational States // Civic Review. Special Issue, 2021. P. 241-250 .'
30. Guang Xia. China as a "Civilization-State": A Historical and Comparative Interpretation // Procedia - Social and Behavioral Sciences. August 2014; Volume 140, 22. P. 43-47.
31. Hiddleston J. Understanding Postcolonialism. Stocksfoeld: Acmen, 2009.
  - a. Kuijper H. What's wrong with the study of China/countries // Asian Studies, 2014; II (XVIII); № 1. P. 151–185.
32. Martin J. Civilizational State versus Nation-state. <http://www.martinjacques.com/> arti-

cles (lata obrashcheniya 17.08.2022)

33. Pabst A. China, Russia and the return of the civilizational state. *New Statesman* 8 may 2019 <https://www.newstatesman.com/world/2019> (data obrashcheniya 16.08.2022)
34. Pye L.W. *The Spirit of Chinese Politics*. Cambridge, MS: Harvard University Press. 1992.
35. Shi Zhiyu. *Civilization, Nation and Modernity in East Asia*. New York: Routledge, 2012
36. Ternborn G. States, Nations, and Civilizations // *Fudan Journal of the Humanities and Social Sciences*, 2021; 14 (2). R 225-242.
37. United States of America, Argentine Republic, Brazil, Chile, Colombia, etc. Convention on Rights and Duties of States adopted by the Seventh International Conference of American States. Signed at Montevideo, December 26th, 1933.: <https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/LON/Volume%20165/v165.pdf> (data obrashcheniya 22.09.2022).
38. Wimmer A., Glick Schiller N. Methodological Nationalism and Beyond: Nation State-building, Migration and the Social Sciences // *Global Networks*. 2002; Vol. 2; Iss. 4. R. 301-334.
39. Zhang Weiwei. *The China Wave: The Rise of a Civilizational State*. World Scientific (WCPC), 2012.

Информация об авторе

Кузнецов Анатолий Михайлович,

док. ист. наук, профессор

Кафедра международных отношений

Дальневосточный федеральный университет

kuznetsov.2012@mail.ru

Information about the Author

Anatoly M. Kuznetsov ,

Doctor of History, Professor

Department of International Relations

Far Eastern Federal University

kuznetsov.2012@mail.ru

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25.09.2022

*Одобрена после рецензирования:
10.10.2022*

Принята к публикации: 20.10.2022

Information about the article

The article was submitted: 25.09.2022

Approved after reviewing: 10.10.2022

Accepted for publication: 20.10.2022

The importance of the formation of the Soviet-Chinese Friendship Society for the Soviet-Chinese relations

Значение образования Общества советско-китайской дружбы для советско-китайских отношений

Верченко Алла Леонидовна

*Центр новейшей истории Китая и его
отношений с Россией,*

*Институт Китая и современной Азии
Российской академии наук, Москва, Россия*

veailan@yahoo.com

https://orcid.org/_0000-0002-8718-8338

Alla L. Verchenko

*Center of Contemporary History of China and its
Relations with Russia,*

*Institute of China and Contemporary Asia of the
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

veailan@yahoo.com

https://orcid.org/_ORCID:0000-0002-8718-8338

УДК 314.7 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-4-2022-88-101](https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2022-88-101)

АННОТАЦИЯ

В связи с 65-летием Общества российско/советско-китайской дружбы автор считает актуальным обратиться к истории Общества и проанализировать факторы, которые способствовали его созданию. Исследование проведено на основе доступных советских и китайских архивных документов и другой научной литературы. Создание ОСКД пришлось на время, когда начали проявляться признаки разногласий в советско-китайских отношениях, пока еще не ставшие открытыми. Образование Общества можно воспринимать как позитивный шаг навстречу китайской стороне, как попытку смягчить напряженность с помощью методов публичной дипломатии. Кроме того, был установлен баланс в структуре организаций дружбы двух стран и уровне их руководителей,

ABSTRACT

In the year of the 65th anniversary of the Russian/Soviet-Chinese Friendship Society the author considers it relevant to turn to the history of the Society and to analyze the factors that contributed to its formation. The study was conducted on the basis of the available documents of Soviet and Chinese origin and other scientific literature. The formation of the Society came at a time when signs of disagreements in the Soviet-Chinese relations, not yet visible, began to appear. It can be seen as a positive step towards the Chinese side and as an attempt to alleviate tension in official relations through the methods of public diplomacy. Some balance was found in the structure of the friendship organizations of the two countries and the level of their leaders, which had not been respected for a long time. Throughout the years, the

долгое время отсутствовавший. На протяжении всего времени Общество не прекращало работу ни на один день. Жизнь показала, что сложившиеся традиции добрососедства и дружбы между народами наших двух стран и сегодня подпитывают установившиеся российско-китайские отношения всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, обращенные в новую эпоху.

Ключевые слова: советско-китайские отношения, Общество советско-китайской дружбы, ОСКД, Общество китайско-советской дружбы, ОКСД

Для цитирования: Верченко А.Л. Значение образования общества советско-китайской дружбы в 1957 году для межгосударственных отношений. *Современные востоковедческие исследования*. 2022; 4 (4). С. <https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2022-88-101>

ВВЕДЕНИЕ

Общества дружбы, будучи одним из инструментов поддержания диалога с общественностью зарубежных стран и проведения публичной дипломатии (public diplomacy), во все времена играли важную роль в межгосударственных отношениях. Они не определяли направления внешней политики, не давали мгновенно желаемого результата, но своей долгосрочной систематической деятельностью по взаимному ознакомлению и формированию позитивного имиджа стран-партнеров способ-

Society has never stopped working. Life has shown that the traditions of good-neighbourliness and friendship established between the peoples of our two countries continue to feed the existing Russian-Chinese relations of comprehensive partnership and strategic interaction facing the new era.

Keywords: Soviet-Russian relations, Soviet-Chinese friendship society, SCFS, Chinese-Soviet Friendship Society, CSFS

For citation: Verchenko A.L. The importance of the formation of the Soviet-Chinese Friendship Society for the Interstate Relations. *Modern oriental studies*. 2022; 4 (4). P. (in Russ.). <https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2022-88-101>

ствовали созданию благоприятного климата для внешней политики государства.

Впервые контакты между обществами дружбы СССР и Китая (тогда Китайской Республики) были установлены в 1935 г., когда в Нанкине по инициативе представителей прогрессивной общественности образовалось Общество культурных связей с СССР (ГА РФ. ф. 9576, оп. 5, д. 25, л. 194). Его председателем стал сын выдающегося китайского политического деятеля Сунь Ятсена Сунь Кэ¹ (Верченко

¹ Сунь Кэ, известен в нашей стране больше, как Сунь Фо (孙科, 1891-1973) – китайский политический деятель, единственный сын Сунь Ятсена.

2015, 52). Партнером в СССР выступало Всесоюзное общество культурной связи с зарубежными странами (ВОКС)². Деятельность обществ носила во многом формальный характер и сдерживалась китайскими властями по политическим причинам. После освобождения Северо-Востока Китая от японской оккупации в 1945 г. ВОКС установило деловые контакты с возникшими на подконтрольных КПК территориях обществами китайско-советской дружбы с целью продвижения образа СССР как верного друга и надежного партнера, помогающего в становлении народной власти. ВОКС направляло наглядные материалы (книги, учебники, газеты, журналы, плакаты, выставки, кинофильмы и др.) для ознакомления китайского населения с Советским Союзом (Верченко 2020, 309).

После провозглашения КНР 1 октября 1949 г. и создания 5 октября 1949 г. Всекитайского общества китайско-советской дружбы (ОКСД) ВОКС активизировало культурные обмены, расширило географию взаимодействия до территории всего Китая. Его деятельность проводилась через уполномоченных ВОКС и состояла главным образом в распространении в Китае сведений о Советском Союзе и его достижениях в социалистическом строительстве, что должно было подкрепить уверенность китайского народа в правильности избранного компартией пути. В Китае тогда равнялись на СССР и часто говорили, что сегодняшнее Совет-

ского Союза — это завтра Китая. Через Издательство литературы на иностранных языках ВОКС поставляло в Китай на безвозмездной основе в значительных объемах специальную литературу по разным отраслям народного хозяйства; организовало подписку отделений ОКСД на советские газеты и журналы; направляло в Китай наглядные материалы о жизни в СССР, художественные выставки, кинопередвижки и кинофильмы, поддерживало изучение русского языка. Благодаря сотрудничеству с СССР Китай познакомился со многими передовыми достижениями науки, техники и культуры не только нашей страны, но и мира.

ПРЕДПОСЫЛКИ И МОТИВЫ СОЗДАНИЯ ОБЩЕСТВА СОВЕТСКО-КИТАЙСКОЙ ДРУЖБЫ

В 1950-е годы контакты с Китаем в разных сферах получили небывалый размах: не было ни одной отрасли народного хозяйства, где бы ни работали советские люди. В Китае побывали десятки тысяч советских специалистов и советников. Бурно развивались гуманитарные связи, где была велика роль ВОКС и Общества китайско-советской дружбы. При их содействии осуществлялись взаимные визиты делегаций (писателей, композиторов и музыкантов, деятелей кино, театра, спортсменов), организовывались различные выставки и выступления творческих коллективов. В 1949

² Всесоюзное общество культурной связи с зарубежными странами (ВОКС) – советская общественная организация, основанная в 1925 г. для ознакомления общественности СССР с достижениями культуры зарубежных стран и популяризации культуры народов Советского Союза за границей, содействия развитию и укреплению дружбы и взаимопонимания между народами СССР и других стран. В 1958 г. ВОКС преобразовано в Союз советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами (ССОД).

–55 гг. СССР по приглашению ВОКС посетили 5 делегаций ОКСД, в Китае по приглашению ОКСД побывали 8 делегаций ВОКС, которые познакомились с организационной структурой Общества, содержанием работы, ее формами и методами. Однако в организационном отношении между ВОКС и ОКСД существовал явный дисбаланс. В Китае работало Общество китайско-советской дружбы, огромная организация с разветвленной сетью отделений по всей стране, специально занимавшаяся развитием дружественных отношений с СССР. В 1957 г. более чем в 100 городах КНР существовали отделения ОКСД, в деятельности которых принимали участие все политические партии и общественные организации страны. (ГА РФ, ф. Р-5283, оп. 1, д. 445, л. 215). В 25 крупных городах, в том числе в Пекине, Шанхае, Шэньяне, Наньчане, Тяньцзине, Гуанчжоу, Харбине, Сиане, Ухане, Чунцине, Баотоу функционировали дворцы или дома китайско-советской дружбы, которые вели активную агитационно-массовую работу.

В Советском Союзе работу на китайском направлении вел Отдел восточных народных республик ВОКС, а не отдельная организация, ориентированная на одну конкретную страну, как это было в Китае. Разумеется, возможности Отдела, несмотря на наличие филиалов в ряде городов и республик, были ограничены. Главными недостатками своей политико-массовой работы его руководство считало слабую опору на широкую советскую общественность и попытки небольшими силами своего аппарата выполнить поставленные задачи (ГА РФ. Ф. Р-

9576, оп. 5, д. 25, л. 65–66). Основное внимание Отдела было сосредоточено на деятельности в Китае, на пропаганде всего советского, что соответствовало требованиям момента, тогда как систематической работе по ознакомлению советского народа с положением в Китае и его достижениями уделялось меньше внимания. Создание мощной массовой общественной организации, способной рационально распределить работу внутри страны и в Китае, могло помочь ликвидировать упущения и повысить ее идеологические качества в свете решений XX съезда КПСС (ГА РФ. Ф. Р-5283, оп. 1, д. 445, л. 197).

Возникло осознание необходимости укрепления организационных основ работы на китайском направлении. Председатель Правления ВОКС А. И. Денисов, посетивший Китай в 1954 г. во главе делегации работников культуры, ознакомился с опытом работы ОКСД. Он неоднократно говорил о том, что работа в сфере китайско-советского культурного обмена должна перейти на новый этап и предлагал странам активизировать сотрудничество в области культуры и науки, между представителями литературы и искусства, «чтобы культурные обмены между Китаем и Советским Союзом могли не отставать от отношений дружбы и сотрудничества в области политики, экономики и т. д.». Он предложил Обществу китайско-советской дружбы установить регулярные и тесные контакты, обмениваться делегациями, укреплять деловые контакты, совместно обсуждать планы проведения ежегодных культурных обменов (СССР-КНР). В 1956 г. в Москве

³ Го Можо (郭沫若, 1892-1978) — китайский писатель, поэт, историк, археолог, государственный деятель. Заместитель председателя ОКСД.

находилась делегация ОКСД в составе Го Можо³ (глава), Цянь Цзюньжуй⁴ и Сяо Саня⁵ (История Китая 2017, 624). Они от имени ОКСД высказывались за расширение и активизацию гуманитарных контактов с Советским Союзом, что не могло быть достигнуто без перестройки работы тогдашней структуры ВОКС.

Одновременно китайская сторона лоббировала создание Общества советско-китайской дружбы в Пекине. В Центральном архиве КНР есть отчет о работе ОКСД, датированный 1958 г., который свидетельствует о том, что вопрос о создании Общества советско-китайской дружбы поднимался, например, в период пребывания в Китае в 1956 г. председателя Центральной ревизионной комиссии ЦК КПСС П.Г. Москатова⁶. В документе зафиксировано, что во время мероприятий по случаю 90-й годовщины со дня рождения Сунь Ятсена он встретился с заместителем генерального секретаря ОКСД Гэ Баоцюанем⁷, который ознакомил гостя со структурой ОКСД, его работой, бюджетом и др. Вполне вероятно, что идея перестройки формата работы была предложена руководством

ОКСД для создания баланса в отношениях между организациями народной дипломатии⁸. Этот же вопрос обговаривался с посетившим Китай в конце 1956 г. заместителем руководителя Отдела восточных народных республик ВОКС П.С. Алдабаевым, а в сентябре 1957 г. — с первым секретарем Посольства СССР в КНР О.Б. Рахманиным⁹ (СССР-КНР). Все это свидетельствует о том, что руководство ОКСД стремилось к взаимности в уровне отношений и подталкивало советскую сторону к созданию организации, которая специально занималась бы двусторонними советско-китайскими дружескими связями.

Кроме того дисбаланс, который не мог не беспокоить китайскую сторону, состоял в разном уровне руководителей организаций-партнеров. Отдел восточных народных республик, в который входил Китай, возглавлял функционер Н. Ерофеев, тогда как председателем ОКСД в 1949 г. был избран Лю Шаоци, после образования КНР занимавший пост заместителя председателя Центрального народного правительства. В 1954 г. председателем Центрального правления Общества стала Сун Цинлин¹⁰.

⁴ Цянь Цзюньжуй (钱俊瑞, 1908-1985) — экономист, общественный деятель. Генеральный секретарь ОКСД.

⁵ Сяо Сань (萧三, 1896-1983) — поэт, переводчик, русист. Заместитель генерального секретаря ОКСД.

⁶ Пётр Георгиевич Москатов (1894-1969) — советский профсоюзный и государственный деятель.

⁷ Гэ Баоцюань (戈宝权, 1913-2000) — китайский литературовед, критик, журналист и переводчик с русского языка. В 1954-60 гг. — заместитель генерального секретаря ОКСД.

⁸ В 1950-е гг. употреблялся термин народная дипломатия (民间外交), подразумевающий отношения между народами.

⁹ Олег Борисович Рахманин (1924-2010) — советский дипломат и партийный деятель, российский учёный. В 1951-58 гг. находился в Китае: сначала учился, потом работал в Посольстве СССР в КНР. До 1955 г. исполнял обязанности уполномоченного ВОКС, в 1955 г. должность была упразднена.

¹⁰ Сун Цинлин (宋庆龄, 1893-1981) — вдова Сунь Ятсена, известный общественный деятель. Член Бюро Всемирного Совета Мира, лауреат международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами» (1951), зам. председателя Центрального народного правительства (1949), зам. председателя Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей (1954).

Она вместе с Лю Шаоци сыграла важную организационную роль в образовании ОКСД, войдя в инициативную группу по подготовке к созданию ОКСД и своим авторитетом привлекла к работе многих видных общественных и государственных деятелей Китая.

Создание Общества советско-китайской дружбы было своевременным шагом, который должен был подтвердить неизменную традиционную дружбу между народами двух стран на фоне начавших проявляться, но еще не ставших достоянием широких кругов общественности, трений в межгосударственных и межпартийных отношениях после XX съезда КПСС. Контакты по общественной линии между СССР и КНР продолжались и расширялись, помогали поддержанию по-прежнему братских отношений между народами двух стран.

Образование Общества советско-китайской дружбы произошло накануне празднования 40-летия Октябрьской революции, знакового события для Китая, рассматривавшего китайскую революцию как продолжение Октября. Для участия в торжествах по поводу юбилея Октября и в Совещании представителей коммунистических и рабочих партий 2 ноября в Москву прибывал во главе китайской делегации Мао Цзэдун. В состав делегации входила и председатель ОКСД Сун Цинлин (Панцов 2007, 601). Она была заместителем главы делегации (Второй визит). В составе делегации были и другие руководители ОКСД, например, зам. председателя Общества Го Можо, генеральный секретарь Цянь Цзяньжуй и др. Китайская сторона получила полную информацию об

образовании ОКСД и, конечно, о том, как торжественно все происходило, и о том, что сообщение, учитывая его особую важность, центральная партийная газета «Правда» поместила соответствующую информацию на первой полосе под заголовком «В СССР создано Общество советско-китайской дружбы». Там же, в верхнем правом углу, располагался относившийся к Китаю призыв ЦК КПСС к 40-летию Октябрьской революции: «Братский привет великому китайскому народу — строителю социализма. Да здравствует нерушимая дружба и сотрудничество советского и китайского народов — могучий оплот мира во всем мире!» (Правда, 30.10.1957). Знаменательным фактом было также то, что ОКСД было первым в Советском Союзе самостоятельным обществом дружбы. Оно показало пример и дало толчок к образованию других обществ дружбы, которые позже вошли в новую структуру — ССОД.

К середине 1950-х гг. в СССР была создана широкая общественная база для организации Общества дружбы с Китаем. В Китай на работу выезжали десятки тысяч советских людей — специалистов и советников из разных уголков советской страны. Вернувшись домой, они могли работать в ОКСД на местах, нести в массы информацию о Китае «из первых рук», отвечая на растущий интерес советского народа к жизни Китая и советско-китайскому сотрудничеству.

Таким образом, внутренние и внешние обстоятельства поставили на повестку дня вопрос об организации Общества Советско-китайской дружбы как самостоятельной общественной организации.

СОЗДАНИЕ ОБЩЕСТВА СОВЕТСКО-КИТАЙСКОЙ ДРУЖБЫ И ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЕГО ЗАДАЧ

Так же, как в свое время в Китае, в Советском Союзе была сформирована инициативная группа, выступившая с предложением о создании общества. В ее состав вошли видные общественные и государственные деятели, представители общественности нашей страны, в т. ч. член Президиума Верховного Совета СССР А. А. Андреев, посол СССР в КНР П. Ф. Юдин, председатель Президиума ВОКС Н.В. Попова, председатель Советского Комитета защиты мира, секретарь Союза писателей СССР Н. С. Тихонов, главный редактор газеты «Правда» П. А. Сатюков, директор Института китаеведения АН СССР А. С. Перевертайло, заместитель министра иностранных дел СССР Н.Т. Федоренко, секретарь Приморского крайкома КПСС Т. Ф. Штыков, токарь московского завода «Красный пролетарий» В.Ф. Шумилин, помощница мастера текстильной фабрики в г. Иваново М. В. Куликова и др. (ГА РФ, ф. 9576, оп. 5, д. 6, л.1).

Учредительное собрание Общества советско-китайской дружбы состоялось 29 октября 1957 г. в Большом зале Московской консерватории. В нем приняли участие в общей сложности 1750 делегатов, представлявших основные об-

щественные организации СССР и широкие слои советской общественности: рабочих, служащих, ученых, деятелей культуры, литературы, искусства, учащихся, военнослужащих советской армии и флота из разных уголков Советского Союза¹¹. Президиум также был очень представительным как по численности (58 человек), так и по должностям его членов. Это были известные и авторитетные в стране люди.

С вступительным словом на собрании выступила председатель Правления ВОКС Н.В. Попова¹². Она подчеркнула большое значение советско-китайской дружбы, указала на назревшую необходимость создания Общества советско-китайской дружбы, деятельность которого должна быть направлена на дальнейшее сплочение многонационального народа СССР с китайским народом. Попова отметила значимую роль отношений дружбы, сплоченности, взаимной помощи и сотрудничества между советским и китайским народами, дальнейшему укреплению которых будет содействовать Общества, не только для межгосударственных отношений, но для ситуации в мире: они «оказывают благоприятное влияние на процветание Китая и СССР, играют важную роль в деле защиты мира и справедливости во всем мире». (ГА РФ, ф. 9576, оп. 5, д. 6, л. 31).

С докладом об учреждении ОСКД высту-

¹¹ Число участников учредительного собрания в Москве превзошло число делегатов учредительной конференции в КНР. 5 октября 1949 г. – в зале было 1200 делегатов.

¹² Нина Васильевна Попова (1908-1994) — советский партийный и общественный деятель. В 1957—1958 годах председатель правления Всесоюзного общества культурных связей с заграницей, в 1958—1975 гг. — председатель президиума Союза советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами.

¹³ Андрей Андреевич Андреев (1895-1971) — российский революционер, советский партийный и государственный деятель. На момент избрания был членом Президиума Верховного совета СССР. В 1957-1962 гг. председатель ОСКД.

пил А.А. Андреев¹³. Лейтмотивом его выступления была идея о нерушимой традиционной дружбе советского и китайского народов в единой семье народов социалистического лагеря. Он напомнил, что тридцать тысяч китайских бойцов с оружием в руках приняли участие в Октябрьской революции и защите молодой Советской республики. Особо было отмечено, что народы обеих стран плечом к плечу сражались в годы Второй мировой войны, внесли вклад в победу и установление мира на Дальнем Востоке и во всем мире. Подчеркивалось, что после образования КНР сотрудничество продолжается в деле социалистического строительства в Китае. Докладчик указал на уникальность отношений между народами СССР и КНР, представлявших собой новый тип отношений, «которого не знала история человечества»: «Дружба и сотрудничество связывают СССР со многими странами, в первую очередь со странами народной демократии, с которыми нас объединяет общность цели, единство идеологии и совместная борьба за мир» (ГА РФ, ф. 9576, оп. 5, д. 6, л. 36).

На учредительном собрании присутствовали китайские студенты, рабочие, служащие и специалисты, находившиеся в Москве, а также сотрудники Посольства КНР в СССР во главе с послом Лю Сяо, который был членом Центрального правления ОКСД. Он очень красочно и образно обрисовал дружбу между народами двух стран, заметив, что: она «выше неба, глубже моря, она, как сосна в стужу на морозе — всегда свежа, никогда не увядает!» (ГА РФ, ф. 9576, оп. 5, д. 6, л. 65).

В поддержку создания Общества в прениях выступили представители советской общественности, подтвердившие давние симпатии советского народа к китайскому и готовность всемерно поддерживать работу Общества и участвовать в ней. Собрание избрало правление в составе 50 человек.

На собрании была зачитана поздравительная телеграмма от ОКСД, подписанная председателем ЦП ОКСД Сун Цинлин и ответственным секретарем Цянь Цзюньжуем. В ней подчеркивалось, что китайский народ приветствует создание ОКСД: «Основанная на пролетарском интернационализме монолитная дружеская сплоченность народов Китая и Советского Союза является залогом процветания и могущества наших стран, а также надежным оплотом мира во всем мире. Создание Общества советско-китайской дружбы является убедительным доказательством того, что отношения дружественного сотрудничества между Китаем и Советским Союзом крепнут и развиваются с каждым днем и будут способствовать дальнейшему укреплению сплоченности и дружбы между народами двух стран» (Куликова 2012, 43).

На состоявшемся в тот же день заседании Правления были избраны председатель — им стал А.А. Андреев и десять заместителей председателя.

Общество советско-китайской дружбы ставило своей целью содействие дальнейшему упрочению и развитию дружбы народов двух

стран, расширению культурного сотрудничества между СССР и КНР, широкому взаимному ознакомлению советской и китайской аудиторий с успехами в области экономики и культуры, обмену опытом культурного строительства с КНР, а также сотрудничество с Обществом китайско-советской дружбы в его работе по ознакомлению китайского народа с советской действительностью. Общество было настроено работать на установление дружеских взаимоотношений, взаимопонимания, конструктивного сотрудничества, лучшего взаимопонимания культуры, традиций, образа жизни советского и китайского народов, вносило вклад в создание благоприятного климата для отношений с другими странами.

Второе заседание Правления, состоявшееся 10 января 1958 г., определило организационные основы и направления работы Общества. Было решено образовать семь секций, в работе которых планировалось участие общественных деятелей и представителей заинтересованных организаций и учреждений на высоком уровне (ГА РФ, ф. Р-9576, оп. 5, д. 10).

1. Секция внешних связей и работы с делегациями (руководитель — бывший посол СССР в Китае А.С. Панюшкин, зав. отделом ЦК КПСС);
2. Секция лекционной работы (руководитель — Н.П. Силантьев);
3. Секция обмена научным опытом (руководитель — В.П. Елютин, министр высшего и среднего специального образования СССР);
4. Секция по организации наглядной пропа-

ганды (руководитель — А.В. Софронов, член правления Союза писателей СССР);

5. Секция по организации связей молодежных, спортивных и туристических организаций (руководитель — В.Е. Семичастный, секретарь ЦК ВЛКСМ);
6. Секция литературы и печати (руководитель — Н.С. Тихонов, секретарь правления Союза писателей СССР, председатель Советского Комитета защиты мира, заместитель — гл. ред. газеты «Правда» П.А. Сатюков);
7. Секция искусств (руководитель — народный артист СССР кинорежиссер С.А. Герасимов). При этой секции были созданы следующие подсекции: изобразительного искусства (живопись, графика, скульптура, плакат) во главе с художником Л.А. Кравченко; музыки во главе с народным артистом СССР композитором В.И. Мурадели; театра во главе с народной артисткой РСФСР Н.Ф. Кемарской; подсекцию кино возглавил Л.В. Варламов.

В общество пришли заинтересованные инициативные люди, которые своей непосредственной работой уже внесли вклад в укрепление советско-китайской дружбы и готовы были продолжать свою деятельность на общественном поприще. Тихвинский и Панюшкин находились в Китае на дипломатической службе, Семичастный участвовал в молодежной работе с 1950 г., Герасимов провел несколько месяцев в Китае в 1949-50 гг., снимая вместе с китайскими коллегами фильм «Освобожденный Китай»,

Дубровина включилась в работу с Китаем после посещения КНР в составе первой советской делегации в сентябре-октябре 1949 г., Мурадели — автор музыки к песне «Москва-Пекин», написанной в 1949 г., руководитель подсекции кино Л.В. Варламов в процессе работы над фильмом «Победа китайского народа» стал большим другом китайского народа, а член подсекции В. Шнейдеров еще в 1920-е годы снимал в Китае.

Общество работало на постоянной основе в соответствии с Уставом, руководствовалось ежегодными планами, составляемыми в тесном контакте с заинтересованными министерствами и ведомствами. Благодаря государственной поддержке оно уже в первый год после образования смогло провести целый ряд крупных мероприятий, например, торжественное заседание в Колонном зале Дома Союзов, посвященное 700-летию начала литературной деятельности выдающегося китайского драматурга Гуань Ханьцина, выставку репродукций мастерской Жунбаочжай в Ленинской библиотеке. Вместе с Обществами (Всесоюзным, РСФСР и Московским) по распространению политических и научных знаний ОСКД развернуло лекторскую работу по распространению сведений о Китае. Были разработаны темы для выступлений, в том числе: о развитии промышленности, сельского хозяйства, строительства социализма, сотрудничестве со странами социалистического лагеря, истории КПК, решении национального вопроса, культуре и др. В лекторской работе принимали участие ученые-китаисты: А.С. Перевертайло, С.Л. Тихвинский, И.М. Ошанин, Е.Ф. Ковалев, В.Я. Сидихменов, Г.В. Вяткин, С.И. Наумов, Л.З. Эйдлин. ОСКД обеспе-

чивало инструктаж выезжавших в Китай по линии различных министерств и ведомств специалистов и членов делегаций. Обмен профессиональными делегациями (артистов, художников, спортсменов, работников кино) нередко также проходил по линии Общества дружбы. Большое внимание уделялось наглядной агитации, в чем помогал Госиздат, обеспечивая выпуск продукции и финансирование. При ОСКД работал Производственный комбинат, готовивший по планам ОСКД наглядные материалы. Работу Общества освещали пресса, радио и телевидение, его мероприятия, проходившие в престижных залах Москвы: в Доме союзов, МГУ, а также в домах культуры и клубах крупных предприятий, собирали тысячные аудитории. Подготовленные Обществом выставки о жизни Китая экспонировались в Доме союзов, МГУ, МЭИ, МИДе. Государство всячески поддерживало деятельность ОСКД.

Общество, осуществляя контакты по линии народной дипломатии, всемерно помогало государству в развитии культурных обменов с Китаем, расширяло горизонты знаний советских людей о разных сторонах жизни Китая, способствовало укреплению советско-китайских отношений. Н.С. Хрущев в статье для первого номера журнала «Советско-китайская дружба», органа ОСКД, в январе 1958 г. писал: «В 1958 году великие народы Китая и Советского Союза еще крепче сплотятся, что радует сторонников социалистического строительства и защитников мира и наводит ужас на наших врагов» (Вэнь Цзидун 2009, 145). Статья была полностью перепечатана в «Жэньминь жибао» и советских газетах, что подтверждало беспор-

ную значимость Общества для двусторонних отношений.

ОСКД создавалось как добровольная общественная организация. В кратчайшие сроки оно стало самой массовой организацией подобного рода с прочной поддержкой во всех социальных слоях советского общества. В 1958 г. оно имело уже 13 отделений: Азербайджанское, Белорусское, Грузинское, Казахское, Киргизское, Таджикское, Узбекское, Украинское республиканские отделения, Приморское и Хабаровское краевые отделения, Иркутское, Ленинградское и Читинское областные отделения ОСКД. Эти структуры развивали местные обмены с КНР.

В члены Общества по ходатайству инициативных групп принимались целые предприятия и организации. Первыми в 1958 г. вступили Шелкопрядильный красильно-отделочный комбинат им. П.П. Щербакова, Московский энергетический институт, Первый медицинский институт, Молочный совхоз Граховский Удмуртской АССР, завод им. И.А. Лихачева, Трехгорная мануфактура, завод «Красный пролетарий», музыкальный театр им. К.С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко, Донское городское отделение при клубе Шахтостроитель (Тульская обл.), Институт китаеведения и редакция журнала «Советское китаеведение» и редакция журнала «Советско-китайская дружба»¹⁴, Дальневосточный кабинет Ленинградского отделения Института востоковедения,

школа № 62 Ярославля, Ярославский педагогический институт им. К.Д. Ушинского, Московский государственный институт международных отношений, Московский авиационный институт, Высшее техническое училище им. Н.Э. Баумана, Первомайская школа № 1 Щекинского района Тульской области, Большой театр, Музей музыкальной культуры им. М.И. Глинки, технические училища № 6 и 13. По приведенному списку можно судить о весьма разнообразном социальном составе членов нового общества, объединявшихся в целях укрепления дружбы и сотрудничества с народом соседней страны.

1957 г. оказался наполненным событиями в публичной дипломатии на китайском направлении. Летом посланцы молодого Китая под руководством будущего генерального секретаря ЦК КПК Ху Яобана¹⁵ участвовали в VI Всемирном фестивале молодёжи и студентов, познакомились с советской молодежью, устанавливали контакты.

В ноябре 1957 г. только что образованное ОСКД принимало прибывшую на празднование 40-летие Октябрьской революции делегацию Общества китайско-советской дружбы во главе с заместителем председателя Всекитайской федерации профсоюзов, заместителем председателя ОКСД Лю Нинъи¹⁶ (ГА РФ, ф. Р-5283, оп. 18, д. 207, л. 204). Делегация ОСКД, возглавляемая А.А. Андреевым, посетила в ноябре Китай для празднования в Китае 40-летия Октябрьской

¹⁴ «Советско-китайская дружба» — еженедельный журнал ОСКД, выходил с января 1958 г., печатался в Москве и распространялся в Китае тиражом 60 тыс. экз., тогда как аналогичные журналы имели тиражи не более 10 тыс. экз. Название журнала Мао Цзэдун начертал во время ноябрьского визита в Москву в 1957 г.

¹⁵ Ху Яобан (胡耀邦, 1915-1989) — первый секретарь Коммунистического союза молодежи Китая (1957), генеральный секретарь ЦК КПК (1980-87).

революции, широко отмечавшееся по всей стране. В этом могли убедиться члены делегации за 20 дней пребывания в Китае в ходе посещения Пекина, Шанхая, Ханчжоу, Гуанчжоу и Уханя. Делегация была принята Мао Цзэдуном и другими высшими руководителями Китая, что должно было продемонстрировать подчеркнутое внимание к Обществу в КНР. На многочисленных встречах в разных аудиториях и во время массовых митингов неизменно провозглашались здравицы в честь дружбы между народами СССР и КНР.

Андреев привез с собой более 800 писем, в основном адресованных советским пионерам и школьникам. Они были переданы в ЦК ВЛКСМ и центральные комитеты союзных республик для организации переписки советской и китайской молодежи с целью установления дружеских отношений между поколениями, которым предстояло строить общественные и межгосударственные отношения в будущем.

ВЫВОДЫ

Создание Общества советско-китайской дружбы отвечало требованиям момента, демонстрировало укрепление и развитие дружеских отношений между народами СССР и КНР в 1950-е гг. Его деятельность дополняла официальные межгосударственные отношения, в рамках народной дипломатии подпитывала и смягчала начавшую проявляться на официальном уровне напряженность.

На протяжении всех 65 лет Общество неизменно проводило работу, руководствуясь

поставленными при его образовании задачами, ни на один день не прекращало работу, несмотря на политические неурядицы и идеологическую полемику, несмотря на роспуск головной организации ССОД и прекращение финансирования после распада СССР. Отправленное историей в свободное плавание, Общество укрепило свои позиции, сегодня имеет в России 12 официально зарегистрированных отделений и пользуется прочной и широкой поддержкой в обществе. Продолжая традиции основателей, Общество — теперь российско-китайской дружбы — по-прежнему укрепляет связи и сотрудничество с китайским народом, в качестве своеобразного моста передает дружбу между нашими народами из поколения в поколение на современном этапе, когда наши отношения вышли на самый высокий уровень в своей истории. Жизнь показала, что закрепившиеся традиции добрососедства и дружбы между народами наших двух стран и сегодня подпитывают российско-китайские межгосударственные отношения.

Список литературы

1. ГА РФ. ф. Р-9576, оп. 5, д. 6, 10, 25.
2. Верченко А.Л. Роль Сунь Кэ в советско-китайских отношениях накануне Второй мировой войны // Россия-Китай: история и культура. Казань, 2015. С. 50-56.
3. Верченко А.Л. Народная дипломатия как один из инструментов формирования советско-китайских отношений после Вто-

¹⁶ Лю Нинъи (刘宁一, 1907-1994) — революционер, политик, дипломат, один из руководителей китайского профсоюзного движения. В 1957-1966 гг. – зам. руководителя Отдела международных связей ЦК КПК.

рой мировой войны (деятельность первых обществ китайско-советской дружбы) (民间外交是二战后构筑中中苏两国关系的一种重要段 (首批中苏友好协会成员的在华活动) // Восток-Россия-Запад: история и современность (东方-俄罗斯-西方: 历史与显示). Пекин: Вайвэнь чубаньшэ, 2020. 468 с. С. 307-318.

4. ГА РФ. ф. Р-5283. оп. 1. д. 445.
5. История Китая с древнейших времен до начала XXI века. В 10 т. Т. 8. Китайская Народная Республика (1949–1976). М.: Наука, 2017. 840 с.
6. Панцов А.В. Мао Цзэдун. М.: Молодая гвардия, 2007. 867 с.
7. Правда. 30.10.1957
8. Второй визит в СССР (第二次访苏) <https://www.marxistphilosophy.org/MZDBio76/18.HTM> (дата обращения: 14.07.2022) (кит. яз)
9. Куликова Г.В. Россия - Китай: народная дипломатия. М.: ИД ФОРУМ, 2012. 512 с.
10. Вэнь Цзидун (文记东). Китайско-советские культурные обмены. 1949-1966. (1949-1966年的中苏文化交流) . Диссертация по соисканию степени PhD. Пекин: Партийная школа ЦК КПК (中共中央党校), 2009. 247 с. (на кит. яз.)
11. ГА РФ, ф. Р-5283, оп. 18, д. 207.

References

1. GA RF. F. P-9576, op. 5, d. 6, 10, 25 (In Russ.)
2. Verchenko A. Sun Ke's role in Soviet-Chinese relations on the eve of World War II. Russia-China: History and Culture. Kazan, 2015. P. 50-56 . (In Russ.)
3. Verchenko A. People's Diplomacy as One of the Tools for the Formation of the Soviet-Chinese Relations after the Second World War (Activities of the First Chinese-Soviet Friendship Societies (民间外交是二战后构筑中中苏两国关系的一种重要段 (首批中苏友好协会成员的在华活动) East-Russia-West: History and Modernity(东方-俄罗斯-西方: 历史与显示). Beijing: Waiwen chubanshe, 2020. 468 p. P. 307-318 (in Chin.)
4. GA RF. F. P-5283, op. 1, d. 445 (In Russ.)
5. History of China from Ancient Times to the Beginning of 21th Century. 10 Vol. Vol.: 8. People's Republic of China (1949-1976). Moscow: Nauka, 2017. 840 p. (In Russ.)
6. Pantsov A.V. Mao Zedong. Moscow: Molodaya gvardiya, 2007. 867 p. (In Russ.)
7. The Second Visit to the Soviet Union (第二次访苏) <https://www.marxistphilosophy.org/MZDBio76/18.HTM> (accessed: 20.06.2022) (In Chin.)
8. Pravda. 30.10.1957 (In Russ.)
9. Kulikova G.V. Russia-China: People's Diplomacy. Moscow: FORUM Publishing House, 2012. 512 p. (In Russ.)

10. Wen Jidong (文记东). Chinese-Soviet Cultural Exchange. 1949-1966 (1949-1966年的中苏文化交流). PhD dissertation. Beijing: Central Party School, 2009. 247 p. (in Chin.)
11. GA RF. F. P-5283, op. 18, d. 207 (In Russ.)

Сведения об авторах

Верченко Алла Леонидовна

Старший научный сотрудник

Центр новейшей истории Китая и его отношений с Россией

Институт Китая и современной Азии

veailan@yahoo.com

Information about the authors

Alla L. Verchenko

Senior Researcher

Center for China's Recent History and Relations with Russia

Institute of China and Modern Asia

veailan@yahoo.com

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25.09.2022

*Одобрена после рецензирования:
10.10.2022*

Принята к публикации: 20.10.2022

Information about the article

The article was submitted: 25.09.2022

Approved after reviewing: 10.10.2022

Accepted for publication: 20.10.2022

The People's Republic of China through the eyes of a Sverdlovsk chemist: on the question of USSR–PRC relations in the 1950s

Китайская Народная Республика глазами свердловского химика: к вопросу о связях СССР–КНР в 1950-е годы

Винокуров Сергей Евгеньевич ^{1,2},
Лозовская Ксения Борисовна ²

¹Екатеринбургский музей изобразительных искусств, Екатеринбург, Россия

²Уральский федеральный университет, Екатеринбург Россия

Автор, ответственный за переписку:
serg.vinokuroff@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-7548-8651>

Sergei E. Vinokurov ^{1,2}

Kseniya B. Lozovskaya ²

¹Ekaterinburg Museum of Fine Arts,
Ekaterinburg, Russia

²Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

Corresponding author: serg.vinokuroff@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0001-7548-8651>

УДК 327 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-4-2022-102-111](https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2022-102-111)

АННОТАЦИЯ

В статье приводится обзор случайно обнаруженного личного архива свердловского химика, директора Свердловского завода пластмасс, доцента Уральского лесотехнического университета Евгения Ильича Исакова (1905–1978). В рассматриваемом впервые архиве, содержащем документы, непосредственно связанные с производственной деятельностью, представлен обширный блок фотоматериалов, связанных с командировкой Е. И. Исакова в 1955–1957 годах в качестве советника Министерства химической промышленности

ABSTRACT

The article provides an overview of the accidentally discovered personal archive of the Sverdlovsk chemist, director of the Sverdlovsk plastics Factory, associate professor of the Ural Forestry University Evgeny Ilyich Isakov (1905–1978). The archive, considered for the first time, containing documents directly related to production activities, presents an extensive block of photographic materials related to E. I. Isakov's production trip in 1955–1957 as an adviser to the Ministry of Chemical Industry of the PRC. The photo album, which includes more than a hundred pictures,

КНР. Фотоальбом, включающий более сотни снимков, дает представление о пребывании советского специалиста в Китае, географии его деятельности в качестве консультанта по организации производства пластических масс на предприятиях химической промышленности в рамках межгосударственной программы сотрудничества и взаимопомощи. Собственноручные и открыточные сувенирные снимки, с одной стороны, свидетельствуют о глубоком интересе Е. И. Исакова к истории и культуре Китая, с другой — о существующей в Китае 1950-х годов практике знакомства с конкретными историческими памятниками прошлых эпох.

Ключевые слова: Е. И. Исаков, СССР — КНР, химическая промышленность, архив, российско-китайские отношения

Благодарности: авторы выражают благодарность нашедшим и сохранившим архив А. С. Фролову и В. А. Лазаренко за возможность работы с материалами до их сдачи в Государственный архив Свердловской области

Для цитирования: Винокуров С.Е., Лозовская К.Б. Китайская Народная Республика глазами свердловского химика: к вопросу о связях СССР—КНР в 1950-е годы. *Современные востоковедческие исследования*. 2022; 4 (4). С. <https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2022-102-111>

gives an idea of the stay of the Soviet specialist in China, the geography of his activities as a consultant on the organization of the production of plastics at chemical industry enterprises within the framework of an interstate program of cooperation and mutual assistance. Own and postcard souvenir photographs, on the one hand, testify to the deep interest of E.I. Isakov in the history and culture of China, on the other hand, to the practice of acquaintance with specific historical monuments of past eras existing in China in the 1950s.

Keywords: E. I. Isakov, USSR – PRC, chemical industry, archive, Russian-Chinese relations

Funding / financial support/ acknowledgements: The authors thank A. S. Frolov and V. A. Lazarenko, who found and preserved the archive, for the opportunity to work with materials before they were handed over to the State Archive of the Sverdlovsk Region.

For citation: Vinokurov S. Ye., The People's Republic of China through the Eyes of a Sverdlovsk Chemist: on the Question of USSR–PRC Relations in the 1950s. *Modern Oriental Studies*. 2022; 4 (4). P. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2022-102-111>

ВВЕДЕНИЕ

Одним из наиболее ярких и плодотворных периодов в истории русско-китайских отношений являются 1950-е годы — время становления Китайской Народной Республики, ознаменованное тесным сотрудничеством с Советским Союзом во всех сферах — от политики и экономики до науки и культуры. И если общие вопросы этих взаимоотношений, включающие политические и социальные аспекты, страницы научного сотрудничества СССР и КНР, неизменно привлекают внимание специалистов, то история культурных связей государств редко обращает на себя внимание исследователей (за редкими исключениями (Калашников 2010)). Однако в этой области связи двух стран выразились в большом количестве проектов, взаимных обменов культурными ценностями, организацией многочисленных выставочных проектов, театральные гастролей и т. д.

Ранее в публикациях одного из авторов статьи были представлены эпизоды, связанные с осуществлением культурной политики между двумя державами и присутствия Китая в Свердловске конца 1940-х–1950-х годов, а также формирования коллекции китайского искусства Свердловской картинной галереи в это время (Винокуров 2019, Винокуров 2021). Обзор советско-китайских связей на примере Урала был приведен в научно-популярной работе «Китай — Урал: из прошлого в будущее» (Кириллов 2016), показавшей особенно активный характер взаимоотношений региона с КНР.

Поводом к подготовке настоящей публикации стал случайно найденный архив одного

из представителей интеллектуальной элиты Свердловска первых послевоенных десятилетий — химика Евгения Ильича Исакова (1905–1978 (?)). В статье будет представлен обзор комплекса материалов, представляющий уникальные сведения о частном эпизоде большой истории взаимоотношений СССР и КНР в 1950-е годы и роли личности в этом процессе.

ХИМИК Е. И. ИСАКОВ

Евгений Ильич Исаков (рис.1) родился в 1905 году в с. Турундаево Вологодской области. В 1926–1930 годах учился в Ленинградском политехническом институте им. М.И. Калинина (сначала рабфак, затем химический факультет). В 1931 году был переведен и окончил химический факультет Ленинградский химико-технологический институт им. Ленсовета, где до 1932 года был заведующий отделением пластмасс. В 1932–1933 годах Е.И. Исаков — заведующий химлабораторией Любчанского завода пластмасс (Московская область), в 1933–1934 годах — начальник смены Охтинского химкомбината (Ленинград), в 1934–1935 годах — химик-исследователь в лаборатории Опытного завода Ленинградского института пластических масс, здесь же с 1935 года научный руководитель темы в специальной лаборатории.

В 1941 году Евгений Ильич вместе с семьей был эвакуирован в Свердловск, где сразу занимает должность начальника цеха, затем начальника производственно-технического отдела Свердловского завода пластмасс, а в 1946 году получает назначение на пост директора

Рис. 1. Евгений Ильич Исаков

Fig. 1. Evgeniy Ilyich Isakov

предприятия, которым будет руководить до 1961 года.

В 1958 году Е. И. Исаков был приглашен преподавать в Уральский лесотехнический университет, где в 1959 году создает и возглавляет до 1972 года кафедру технологии и переработки пластмасс, а после до 1978 года продолжает преподавать на кафедре. В послужном списке Е. И. Исакова многочисленные авторские свидетельства, несколько десятков научных работ и учебных пособий, награды орденами Ленина и Трудового Красного Знамени.

Будучи руководителем передового для

своего времени предприятия по производству пластмасс, обретших чрезвычайную актуальность в мире после Второй мировой войны, Евгений Ильич в 1950-е–1960-е годы представлял СССР на крупнейших мероприятиях — в 1958 году в США (член советской делегации по ознакомлению с промышленностью пластмасс), в 1966 году в Брюсселе (участник Международного конгресса про промышленной химии).

Однако наиболее важной страницей в биографии Е. И. Исакова является его двухгодичное пребывание в КНР в качестве Советника при Министерстве химической промышленности в Пекине. Чудом сохранившийся архив, содержащий обширный фотоальбом этих двух лет, позволяет взглянуть на Поднебесную середины 1950-х годов глазами советского человека.

ФОТОАРХИВ Е. И. ИСАКОВА

Как было указано ранее, случайно найденный неравнодушными горожанами выброшенный при невыясненных обстоятельствах личный архив крупного свердловского специалиста в области технологии пластмасс позволил познакомиться как с научной и производственной судьбой химика, так и представил уникальные сведения о пребывании Е. И. Исакова с января 1955 по октябрь 1957 года в КНР с целями содействия организации здесь производства пластических масс сразу на нескольких химических предприятиях.

Большая часть материалов о годах этой долговременной командировки представляет собой фотоальбом, зафиксировавший места, которые удалось посетить семье Е. И. Исакова

которые удалось посетить семье Е. И. Исакова за два года. Более трехсот кадров в свою очередь можно разделить на сувенирные фотографии, приобретенные в туристических центрах, и собственные снимки, проявленные в мини-формате (часто в размер спичечного коробка). Единственным недостатком фотоальбома является отсутствие пометок о датах съемки или посещения тех или иных локаций. Тем не менее, шаг за шагом можно проследить перемещение Е. И. Исакова по городам Китая, не исключавшего знакомства с культурными достопримечательностями страны.

Фотоальбом начинается с большого блока, посвященного Пекину. Так, на первых нескольких первых фотографиях, приобретенных в качестве сувениров, запечатлен Запретный город. Следом идут несколько страниц с собственными кадрами Е. И. Исакова, на которых запечатлено здание и сам химик на его фоне, с подписью «Пекин. Минхимпром» (рис. 2). Как удалось выяснить, в 1956 году Бюро химической промышленности, учрежденное в 1950 году Министерством тяжелой промышленности, было преобразовано в Министерство химической промышленности КНР (упразднено в 1998 году в соответствии с Институциональной реформой Госсовета КНР) (Институциональная).

Можно предположить, что снимки у здания Минхимпрома созданы весной 1956 года, так сразу за ними в альбоме размещены кадры с первомайских мероприятий рядом с Запретным городом. На этих же страницах размещены снимки Пекинского выставочного зала (ранее известного как Советский выставочный центр),

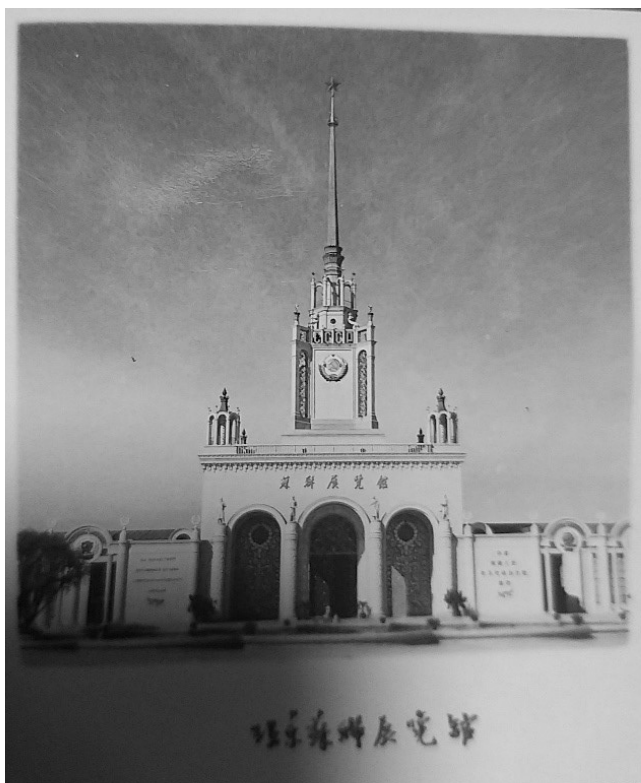

Рис. 2. Е. И. Исаков на фоне здания Министерства химической промышленности. Пекин, 1956 (?)

Fig. 2. E. I. Isakov in front of the building of the Ministry of Chemical Industry. Beijing, 1956 (?)

построенного по проекту советских архитекторов в 1954 году (рис. 3). В 1950-е годы этот выставочный центр был центром притяжения жителей Пекина, здесь в полной мере были представлены достижения СССР в сфере науки, техники, промышленности и культуры (Li 2014).

Нередко в альбоме можно встретить любопытные топонимические обозначения в качестве подписей к фотографиям. Так, Е. И. Исаков выделяет сразу две гостиницы, которые называет «Годзы» и «Тешидзы». Поиск таких

Рис. 3. Пекинский выставочный центр. Главный вход. Из фотоальбома Е. И. Исакова

Fig. 3. Beijing Exhibition Center. Main entrance. From the photo album of E. I. Isakov

гостиниц не принес никакой конкретной информации, вероятнее всего, ввиду давности описываемой альбомом действительности. Однако сами эти названия, зафиксированные составителем фотоальбома с чуть некорректной транскрипцией, приводят в центральные районы Пекина.

Пекинские страницы фотоальбома с сувенирными и собственными фотографиями часто отражают посещение Е. И. Исаковым различных исторических памятников столицы и окрестностей. Среди них подборки кадров, запечатлевших общие виды и фрагменты парков Бэйхай, Ихэюань, Сунь Ятсена, Сяншань, комплекс Храма Неба, Великой Китайской сте-

Рис. 4. Супруга и дочь Е. И. Исакова на территории комплекса Шисаньлин

Fig. 4. Wife and daughter of E. I. Isakov on the territory of the Shisanling complex

ны, комплекса Шисаньлин. На этих снимках нередко позирует сам химик, а также его супруга с дочерью (рис. 4).

Вероятнее всего эти знаковые памятники Е. И. Исаков посещал в рамках официальной культурной программы. Об этом, в частности, свидетельствует сохранившаяся в архиве учёного трехстраничная машинописная инструкция «Достопримечательности Пекина», сообщающая краткие сведения о различных памятниках истории и природы на территории города.

Далее следуют страницы с собственными и купленными фотографиями во время командировок в города-промцентры КНР 1950-х — Тяньцзинь, Шэньян, Циндао, Цзинань, Гуанчжоу, Чунцин и, наконец, Шанхай. В каждом из этих городов, которым уделено в альбоме буквально по паре страниц с 10–15 фотоснимками, Е. И. Исаков попытался запечатлеть наиболее интересные памятники архитектуры или памятные места. Так, в Чунцине в объектив попал буддийский храм, а в Гуанчжоу — памятник

Хуанхуаганскому восстанию 1911 года (рис. 5). Любопытно, что Шанхай в альбоме представлен исключительно открыточными видами города, запечатлевшими реку Хуанпу и мосты с набережными.

Рис. 5. Памятник 72 героям Хуанганского восстания 1911 года, Гуанчжоу

Fig. 5. Graveyard of the 72 Martyrs at Huanghuagang Hillcock

ПОСЛЕ КОМАНДИРОВКИ

Нужно сказать, что окончание командировки Е. И. Исакова осенью 1957 года было отмечено многочисленными благодарственными письмами, бережно собранными свердловским химиков в отдельную папку «Письма Евгению Ильичу из Китая в связи с его отъездом на Родину. 1957 г.». В этой подборке Евгений Ильич собрал письма от коллег-директоров предприятий и институтов КНР — Шанхайского, Цзинаньского, Шэньянского и Даляньского химзаводов, Чунцинского завода пластмасс, Тяньцзиньского завода текстурита и Управления Тяньцзиньской местной тяжелой промышленности, Шэньянского исследовательского института химической промышленности и, конечно,

коллектива Министерства химической промышленности КНР.

Общий пафос этих писем заключался в благодарности за неоценимую помощь в процессе организации производства пластмасс на предприятиях. Позволим себе привести небольшую цитату из письма Управления Тяньцзиньской тяжелой промышленности:

«Руководствуясь принципами коммунизма на основании новейшего научного опыта Вы помогли нам, чтобы промышленность пластмасс нашей страны выросла. В ответ на Вашу помощь мы обязаны двигать промышленность пластмасс вперед, чтобы оправдать Вашу надежду».

Ещё одним существенным маркером большого вклада Е. И. Исакова в промышленность КНР является тот факт, что произошедшие во второй половине 1950-х годов негативные изменения в отношениях СССР и КНР, еще сильнее осложнившиеся в следующее десятилетие, не повлияли на отношение к свердловскому специалисту его непосредственных коллег из сферы промышленности Китая. Так, в начале 1960-х годов Евгений Ильич получал первомайские письма и открытки от министров и представителей Министерства химической промышленности КНР — Пэн Тао (彭涛, 1913–1961, министр в 1956–1961), Сяо Гуйчана (肖桂昌, 1907–1972, заместитель министра в 1956–1966), Лян Инъюна (梁膺庸, 1913–1998, и. о. министра в 1961–1962) и др. Этот факт также свидетельствует о существенном вкладе советского специалиста в развитие промышленности КНР в первое десятилетие её развития.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Отсутствие в обнаруженном архиве дневниковых записей Евгения Ильича Исакова, в частности о годах пребывания в КНР, компенсируется широким корпусом фотоматериалов. Представленный в статье краткий обзор этого фотоархива, с одной стороны, позволяет оценить неподдельный интерес советского химика, прибывшего в КНР с целью участия в строительстве химической промышленности дружественного государства, к культуре и истории Китая. С другой стороны, эти материалы дают возможность проследить специфику организации официальных маршрутов по достопримечательностям старого императорского Китая в период только начавшего собственное строительство нового государства. Представляется, что для историков культуры этот эпизод также может выступать ярким свидетельством существенного отличия первых десятилетий развития КНР от первых советских десятилетий, с большим размахом пытавшихся отрицать достижения предыдущей эпохи.

Список литературы

1. Калашников П.А. Советско-китайские культурные отношения (1949-1964 гг.): 07.00.02 "Отечественная история": дисс. канд. ист. Наук. Москва, 2010.
2. Винокуров С.Е. Экспозиция «Искусство Китая» Свердловской картинной галереи 1959 года: к вопросу о художественных связях "СССР - КНР" в 1950-е годы. Россия – Китай: история и культура: Сборник статей и докладов участников XII Междуна-

родной научно-практической конференции, Казань, 09–12 октября 2019 года. Казань: Фэн, 2019. С. 122–127.

3. Винокуров С.Е. Китай Европе: "кантонские" акварели середины XX века в собрании Екатеринбургского музея изобразительных искусств Россия – Китай: история и культура: сборник статей и докладов участников XIV Международной научно-практической конференции, Казань, 11–13 ноября 2021 года. Казань: Издательство АН РТ, 2021. С. 49–54.
4. Кириллов А.Д., Каёта Г.М. Китай – Урал: из прошлого в будущее. Екатеринбург: Уральский рабочий, 2016.
5. Институциональная реформа Госсовета в 1998 г. (1998年国务院机构改革). http://www.gov.cn/test/2009-01/16/content_1207000.htm (дата обращения: 10.09.2022)
6. Li Y. Building Friendship: Soviet Influence, Socialist Modernity, and Chinese Cityscape in the 1950s. *Quarterly Journal of Chinese Studies*. 2 (3), 2014, pp. 48–67.

References

1. Kalashnikov P.A. Soviet-Chinese Cultural Relations (1949–1964): 07.00.02 "Russian History": diss. cand. ist. sciences. Moscow, 2010.
2. Vinokurov S.E. Exposition "The Art of China" of the Sverdlovsk Art Gallery of 1959: on the Issue of Artistic ties "USSR - PRC" in the 1950s. *Russia – China: History and Culture:*

Collection of articles and reports of participants in the XII International Scientific and Practical Conference, Kazan, October 09–12, 2019. Kazan: Feng Publishing House of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2019. P. 122–127.

3. Vinokurov S.E. China to Europe: "Cantonese" Watercolors of the Middle of the 20th Century in the Collection of the Ekaterinburg Museum of Fine Arts. Russia – China: History and Culture: a collection of articles and reports of the participants of the XIV International Scientific and Practical Conference, Kazan, November 11–13 2021. Kazan: Publishing House of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, 2021. P. 49–54.
4. Kirillov A.D., Kayota G.M. China – Ural: from the Past to the Future. Ekaterinburg: Ural Worker, 2016.
5. Institutional Reform of the State Council in 1998 (1998年国务院机构改革). http://www.gov.cn/test/2009-01/16/content_1207000.htm (дата обращения: 10.09.2022)
6. Li Y. Building Friendship: Soviet Influence, Socialist Modernity, and Chinese Cityscape in the 1950s. *Quarterly Journal of Chinese Studies*. 2 (3), 2014, pp. 48–67.

Сведения об авторах

Винокуров Сергей Евгеньевич,

кандидат искусствоведения,

1. Заведующий отделом декоративно-прикладного искусства

Екатеринбургский музей изобразительных искусств

2. Старший преподаватель кафедры истории искусств и музееведения, Уральский федеральный университет

620014, Екатеринбург, ул. Воеводина, 5
serg.vinokuroff@gmail.com

Лозовская Ксения Борисовна,

директор Института Конфуция, старший преподаватель кафедры востоковедения департамента международных отношений

Уральский федеральный университет
Екатеринбург, ул. Чапаева, д. 16
ksenia.lozovskaya@urfu.ru

Information about the authors

Sergei E. Vinokurov

Ph.D (Art History)

1. Head of Decorative Arts Department
Ekaterinburg Museum of Fine Arts

2. Senior Lecturer at the Department of History of Arts and Museum Studies

Ural Federal University

620014, Ekaterinburg, Voevodina str., 5
serg.vinokuroff@gmail.com

Kseniya B. Lozovskaya

Director of the Confucius Institute, Senior
Lecturer at the Department of Oriental Studies
Ural Federal University
Yekaterinburg, st. Chapaeva, 16
ksenia.lozovskaya@urfu.ru

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25.09.2022

Одобрена после рецензирования: 10.10.2022

Принята к публикации: 20.10.2022

Information about the article

The article was submitted: 25.09.2022

Approved after reviewing: 10.10.2022

Accepted for publication: 20.10.2022

**China-South Caucasus: cooperation in transport
and logistics nodes of the Belt and Road****Китай-Южный Кавказ: сотрудничество
в транспортно-логистических узлах
«Пояса и пути»****Арутюнян Агавни Александровна***Ведущий научный сотрудник**Национальной Академии Наук Армении, Ереван,**Республика Армения**aghavni.harutyunyan1@gmail.com**<https://orcid.org/0000-0003-3237-4157>***Aghavni A. Harutyunyan***National Academy of Sciences of Armenia, Yerevan,**Republic Armenia**aghavni.harutyunyan1@gmail.com**<https://orcid.org/0000-0003-3237-4157>*УДК 327 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-4-2022-112-137](https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2022-112-137)**АННОТАЦИЯ**

Южный Кавказ (ЮК) является зоной перекрестного влияния, где пересекаются интересы глобальных и региональных, старых и новых держав. Россия, Турция и Иран традиционно имели значительное влияние на ЮК, к которому после распада СССР добавились нерегиональные игроки, такие как США, Европейский союз (ЕС) и Китай. Однако вдали от своей традиционной сферы влияния, в регионе, не считающемся внешнеполитическим приоритетом для Китая, интересы Пекина сложно было считать стратегическими по сравнению с другими мировыми акторами — Россией, США и ЕС.

С 2010-х годов, исходя из геополитических реалий региона, Китай усилил свое политическое влияние и экономическое присут-

ABSTRACT

The South Caucasus (SC) is an area of cross-influence, where the interests of global and regional, old and new powers intersect. Russia, Turkey and Iran have traditionally had a significant influence on the SC, to which non-regional players such as the United States (US), the European Union (EU) and China have been added after the collapse of the Soviet Union. However, far from its traditional sphere of influence, in a region not considered a foreign policy priority for China, its interests could hardly be considered strategic in comparison with other world actors — Russia, the US and the EU. Beijing's interests were mainly limited to establishing cooperation with the countries of the SC, and using the region as a base to export Chinese goods to EU markets.

Since the 2010s, based on the geopolitical

ствии в ЮК. Китайская Инициатива пояса и пути (ИПП) стала ключевым инструментом продвижения китайских интересов в регионе, который как важная часть исторического Великого Шелкового пути пересекается со стратегическим вектором Север-Юг-Восток-Запад.

Научная цель данной работы заключается в изучении общих черт, трансформаций и инструментов политики Китая на ЮК, особенно в исследуемые периоды реализации ИПП. Исследование проводилось с использованием методов описательного, исторического и контент-анализа.

Ключевые слова: Китай, Южный Кавказ, Армения, Грузия, Азербайджан, инициатива «Пояс и путь»

Для цитирования: Арутюнян А.А. Китай-Южный Кавказ: сотрудничество в транспортно-логистических узлах «Пояса и пути». *Современные востоковедческие исследования*. 2022; Том (4). С. <https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2022-112-137>

Introduction

During the Soviet Union (SU) era, relations between the countries of the South Caucasian (SC) — Armenia, Azerbaijan and Georgia and the China were weak and mediated by the Kremlin. Political, economic, and cultural relations between China and SC countries began to improve only after 1991 (Hovhanesian, Manasyan 2014, 6). Armenian-Chinese contacts at the state level began on December 1991, after the official recognition of the independence of the Republic of Armenia (RA) by the People's Republic of China (PRC). Diplomatic rela-

realities of the region, China has strengthened its political influence and economic presence in the SC. The Chinese Belt and Road Initiative (BRI) has become a key tool for promoting Beijing's interests in the region, which, as an important part of the historic Great Silk Road, intersects with the North-South-East-West strategic vector.

The scientific goal of this work is to study the common features, transformations and tools of China's policy in the SC, especially during the studied periods of the BRI implementation. The study was carried out using the methods of descriptive, historical and content analysis.

Keywords: China, South Caucasus, Armenia, Georgia, Azerbaijan, Belt and Road Initiative

For citation: Harutyunyan A.A. China-South Caucasus: Cooperation in Transport and Logistics Nodes of the Belt and Road. *Modern Oriental Studies*. 2022; 4 (4). P. ([In Russ.](https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2022-112-137)) <https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2022-112-137>

tions between the two countries were established on April 1992 (Посольство КНР в РА 2010; Мокрецкий 2012, 165). Georgia and PRC signed the Protocol on the establishment of diplomatic relations on June 1992 (MFA of Georgia 2013). Diplomatic relations between China and Azerbaijan were established in April 1992, a year after the PRC recognized the republic's independence (Амелина, Бахревский, Тасиц 2013, 122).

Until the 2000s, China occupied a low profile on the political and economic map of the region. To strengthen its position in the region, Beijing placed

its main stake on its most competitive external resource - economic penetration with the deployment of the potential for progressive expansion in domestic markets. Despite this, the indicators of China's economic cooperation with the SC countries were much more modest than their trade and economic relations with Russia, the US or the EU (Агаджанян 2013).

However, since the early 2000s, trade and economic relations between the SC countries and China have noticeably intensified. According to Chinese customs statistics, between 2001 and 2020 trade with the region increased from US\$ 25 million to US\$ 3.7 billion, or from US\$ 1.1 billion in 2009 to almost US\$ 4 billion in 2020. However, China's place in the ranking of the largest trading partners of the SC countries was not very high. In 2020, China was only the 4th largest trading partner for all three countries of the SC combined, and for Azerbaijan and Georgia separately (after the EU, Russia and Turkey). For Armenia alone, China was the 3rd largest trading partner, after Russia and the EU. At the same time, the share of China in the trade turnover of the SC countries ranges from a minimum of 7.5% in Azerbaijan to a maximum of 13.6% in Armenia, and is slowly but steadily growing (Лексютина 2022, 59). At the same time, all republics have a negative trade balance. Chinese imports are several times higher than exports from the SC. (Воробьева 2020, 662).

China's investment activity in the region is extremely low. According to Chinese official statistics, for the period from 2014 to 2019 China's accumulated foreign direct investment (FDI) in the countries of the SC annually did not exceed US\$ 700 million. Many of the investments promised by

Beijing, including those related to the implementation of the Belt and Road Initiative (BRI), have not arrived in the region, and many announced joint projects remain at the planning stage. However, one must also take into account the fact that there are a small number of innovative high-tech companies or international brands in the SC that could be of interest to Chinese investors (Лексютина 2022, 61-71).

In general, in relations with the countries of the SC, Beijing adopted a "cluster approach" rather than an individual partnership, developing relations with all SC countries at the same level, using the common toolkit, considering mainly economic, not political factors (Skiert-Andrzejuk 2018, 85). In their turn, all countries in the region reaffirm their commitment to the "One China" policy on Taiwan, Tibet and Xinjiang Uygur Autonomous Region (XUAR). The PRC avoids involvement in regional conflicts (Abkhazia, South Ossetia, Nagorno-Karabakh), calling for the resolution of territorial disputes exclusively through political consultations and diplomatic negotiations in accordance with the UN (United Nation) Charter and international law (Мокрецкий 2016, 151). The PRC does not prohibit its partners from establishing private economic ties with Taiwan, emphasizing private entrepreneurship and not being burdened by any political obligations (Воробьева 2020, 653). Therefore, in turn, Beijing implements business projects in the fields of winemaking in Abkhazia, mineral exploitation in Karabakh and tourism in Abkhazia (Lambert 2018).

The rapprochement of relations with the countries of the SC region was facilitated by the absence of historical wrinkles, China's advocacy of

maintaining regional stability, the pursuit of the principle of non-interference in political conflicts and problems, human rights, Eurasian integration issues, the development of trade and investment activities without political preconditions, etc. Beijing, unlike Russia's Eurasian Economic Union (EEU) or Collective Security Treaty Organization (CSTO) has not sought to integrate SC countries into military-political or economic projects, or unlike the European Eastern Partnership, has not tried to involve them in democratic processes (Роллан 2018, 5-6). For the countries of the SC, China acts as a global actor, taking the place of a permanent member of the UN Security Council. And non-participation in the "bloc system" (NATO, CSTO) provides extra space for foreign policy maneuvers with the countries of the SC. It is acting in this situation as a kind of "vacuum" that fills the space where the main actors of the region are powerless due to objective restrictions (Воробьева 2020, 652-653).

The SC, adjacent to the Middle East (ME), is also important for Beijing in terms of confronting and countering threats related to pan-Turkist ideology and Islamic fundamentalism, due to the presence of XUAR separatist ideology supporters among Muslims living in the region (Жильцов, Алексанян и др. 2019, 7-25). The SC could become a "corridor" through which the ideologies of Islamic fundamentalism could spread from the ME to XUAR and impact China's Uyghur population (Skiert-Andrzejuk 2018, 86). This concern is not completely groundless because in the ranks of the "Islamic State of Iraq and the Levant" (ISIS), such prominent people as Tarkhan Batirashvili (Umar al-Shishani) or Muslim Margoshvili came from the Ahmed re-

gion of Georgia (Pankiskoe Valley). At the end of 2017, 900 people from Azerbaijan and 200 citizens of Georgia participated in ISIS in the ME (Воробьева 2020, 660).

Developments in the international arena since the 2010s have highlighted the geostrategic and geopolitical relevance and importance of the SC in terms of controlling East-West, North-South security lines, trade crossroads and transport corridors (Ögütçü 2015, 103). It is known that some countries in the Caucasus and Caspian Sea are rich in natural resources, especially oil and natural gas, for energy imports to support China's economic growth (Ван, Вань 2013). So, the further interaction of China with the SC can increasingly rely on its desire to use energy resources, trade and transport corridors (Muzalevsky 2010, 13).

China's presence in the SC became more tangible when the attention of the traditionally active players there — Russia, the US and the EU - shifted to the Ukraine crisis, the ISIS, the Iran nuclear issue, and when the countries of the region began to look for new economic partners in the background of the relative "decline" of Russian power in the region and the inability of Iran and Turkey to assume a more significant role (Роллан 2018, 23). Against the background of the global confrontation between the West and Russia, China could become a new major player in the SC, significantly rearranging the existing geo-economic configurations with its influence on the regional processes (Егиазарян 2004, 70). However, the SC did not have the same geostrategic and political significance for China as for Russia, so Beijing was not seen as a threat by Moscow (Skiert-Andrzejuk 2018, 87). And indeed, China's objective in practice

was not to compete with Russian influence, but rather to secure its economic interests in the region and increase Chinese investment (Lambert 2018).

The SC Countries Involvement in the BRI

China's New Silk Road (NSR) or BRI announced by Chinese President Xi Jinping in 2013, particularly contributed to the strengthening of Beijing's position in the SC (Сепреев 2013). The concept is based on five principles: political convergence, communication infrastructure, free trade, circulation of capital and the rapprochement of peoples. BRI aims to connect Asia and Europe via the ME, Africa and Central Asia (CA) through a series of vast networks of transcontinental railways, pipelines, ports, airports, and other infrastructure projects with up to US\$ 1 trillion of Chinese investment. The BRI consists of the land corridors of the Economic Belt of the Silk Road (EBSR) and the sea lanes of the 21st Century Maritime Silk Road (MSR). Building on a series of transport initiatives aimed at improving connectivity, the BRI envisages investment in both corridor and complementary infrastructures such as energy and information and communications technology (ICT) (Harutyunyan 2021a, 41-65)[1].

BRI became a powerful impetus for Chinese interests in the region. SC countries actively support the BRI, as it is in line with their foreign policy visions of serving advantageous strategic position of the region as an important corridor connecting Europe to Asia (Тасиц 2019, 80). In 2015, China signed documents (protocol, declaration, memorandum) with Georgia, Armenia and Azerbaijan. On March 9, 2015, the Georgian leadership was one of the first to sign a protocol of intent with China to

jointly build the EBSR. Armenia and China adopted a *Joint Declaration on the Further Development and Deepening of Friendly Cooperation Relations*, as well as a *Memorandum on Strengthening Cooperation in the Creation of the Silk Road Economic Belt* in March 2015. Azerbaijan formally supported the Beijing BRI in December of the same year. During the visit of President Ilham Aliyev to China, the parties signed a *Memorandum of Understanding on the joint construction of the Silk Road Economic Belt*. In April 2015, Georgia and Azerbaijan became founding members of the China-based AIIB. In March 2017, the AIIB approved Armenia's application to join the financial institution (Тасиц 2019, 81). Chinese Foreign Minister Wang Yi's historic visit to three SC countries in May 2019 testifies to Beijing's "cluster approach" to the region, and the agreements reached during the visit on the EBSR indicate that the SC may be part of China's geopolitical mega-project (Маркедонов 2019).

However, Beijing is not among the main creditors of the SC republics. Armenia completely lacks cooperation in the credit sphere with China. Georgia received only a US\$ 141 million loan from the AIIB in July 2017 for the construction of a bypass highway in Batumi. In December 2016, China allocated a US\$ 600 million loan to Azerbaijan through the AIIB for the construction of the Trans-Anatolian Gas Pipeline (TANAP) (Тасиц 2019, 87).

It should be noted that BRI aims to connect Europe and Asia, also with an ultimate goal of establishing a free trade zone (FTZ) (Li L. 2016, 8). A future FTZ between China and the EEU is planned, which was agreed upon in May 2015 at the meeting of the leaders of Russia and China

(PanARMENIAN.Net, 2015; РИА Новости 2015).

As part of the BRI, in May 2017, Beijing and Tbilisi, despite Georgia's declared course to join NATO and the EU, signed a free trade agreement (FTA), which was the first in its format in the entire post-Soviet space and came into force on January 1, 2018 (Маркедонов 2019)[2]. To speed up the process of concluding a FTA with China, Tbilisi relies on the *Deep and Comprehensive Free Trade Area agreement (DCFTA)* with the EU, signed in 2013 and entered into force in 2016. That is beside FTAs with the Commonwealth of Independent States (CIS) including Russia, as well as with Turkey and the *European Free Trade Association (EFTA)* states (Norway, Switzerland, Iceland and Liechtenstein). Market access is matched by a regime of low taxation, low regulation and high transparency, making Georgia one of the easiest places to do business in the world, according to the World Bank (WB) (New Europe 2016).

To establish the EBSR, China needs to properly handle its relations with existing integration organizations and the major powers involved. Within the EBSR there are currently a large number of regional cooperation organizations with varying economic cooperation programs, including Eurasian Economic Community (EEC), Customs Union, EEU,[3] Shanghai Cooperation Organization (SCO) and the Black Sea Economic Cooperation Organization (BSEC) (Li J. 2015, 12). Armenia, Georgia and Azerbaijan are members of the BSEC. Armenia also is a EEU member. On July 10, 2015, at the SCO summit in Ufa, it was decided to admit Azerbaijan and Armenia to the SCO as new dialogue partners (Мокрецкий 2016, 152).

In order to deepen cooperation within the framework of BRI, various events dedicated to the initiative are being organized in the countries of the SC. The first international forum on BRI was held in Tbilisi in October 15-16, 2015. The event highlighted Georgia's willingness to be at the forefront of China's outward-facing foreign policy push, and to help shape Eurasian engagement with the BRI (Pantucci, Lainp 2016, 1) [4]. In February 2018, a conference was held in Beijing on the topic "*The Role of the Trade and Transport Trans-Caspian International Route 'East-West' in the implementation of the Belt and Road Initiative*", organized jointly by the embassies of Georgia, Azerbaijan, Kazakhstan, Turkey and with the support of the Ministry of Commerce of the PRC (Тасиц 2019, 82).

It is worth noting that BRI is credited with ambitions to "reorganize Eurasia under its umbrella to counter American influence". According to some views Beijing's interests also collide with Moscow, which considers the post-Soviet territories its sphere of influence and whose EEU and Greater Eurasian Partnership strategy compete with the BRI (Роллан 2018, 24). From here it was assumed that a clash between the EEU and the B&R is inevitable (Kaczmarek 2015).

In order to "prevent the such conflict of interests", the two countries decided to "harmonize relations" through the convergence of the EBSR and EEU (Nursha 2015). At the Moscow summit in May 2015, the leaders of Russia and China, Vladimir Putin and Xi Jinping, signed a *Joint declaration on cooperation in coordinating development of EEU and EBSR* — reaching a new level of partnership and actually implies creation of a *common economic*

space in Eurasia (Harutyunyan 2017, 20). The undeclared division of spheres of influence between the parties was also expressed in the geopolitical calculations of the two countries, according to which China willingly cedes defense and security spheres to Russia in return for freedom of action as well in SC financial and economic spheres that do not interfere with Moscow's interests (Роллан 2018, 24).

On June 20-21, 2022, the participants of the session of the Intergovernmental Council of the EEU in Minsk agreed to develop a Eurasian transport corridor from Europe to China to connect with the BRI. Due to the disruption of logistics and trade chains around the world, the parties considered the development of infrastructure in the territories of the EEU member states in the East-West and North-South directions to be an urgent issue (Жэньминь Жибао, 2022).

South Caucasus — Transport and Logistics Hub in the B&R Strategy

SC countries are gradually emerging as an important transport and logistics hub in the B&R strategy. Azerbaijan and Georgia are actively lobbying in China for one of the three EBSR corridors [5] the project of the **Trans-Caspian International Transport Route** (TITR) or Middle Corridor (MC) / Iron Silk Road (ISR) (Тасиц 2019, 82). TITR was developed at the end of 2012 within the framework of TRACECA (Transport Corridor Europe-Caucasus-Asia) [6]. The fundamental difference between the TRACECA and Chinese CCWAEC projects is actually that TRACECA, initiated by the EU (the "West"), aims to restore the ancient Great Silk Road and connect the economies of these

countries to the EU. Meanwhile, the CCWAEC ("the East") plans to establish trade and economic relations between the involved countries (Ismailov, Papava 2018, 10). CCWAEC runs through China, Kazakhstan, the Caspian Sea, Azerbaijan, Georgia, further to Turkey and then through the territory of Ukraine to Europe, connecting all countries along the East-West line (Тасиц 2019, 82). TITR provides Beijing with access to the Black Sea coast of Georgia with subsequent shipment of cargo to the ports of Romania, Ukraine (Odessa) and Bulgaria (Varna, Burgas) (Harutyunyan 2020, 80).

The MC can be viewed in terms of the institutionalization of the three regions involved: the PRC, the EU and the post-Soviet economies, plus Turkey (Kenderdine, Вускы 2021, 1; Арутюнян 2022, С. 110). In practice, the construction of the Middle Corridor and investments in alternative routes aim to free the EU and China from Russian "transit dependence" and continue the road to Turkey (Harutyunyan 2020, 80). This is evidenced by Brussels' establishment of good political relations along the Middle Corridor with countries that are rich in hydrocarbon resources or are transit points for such resources [7].

In 2014, Kazakhstan, Azerbaijan, Georgia, Turkey and China established the Coordinating Committee of TITR (ССТИТР) to develop 4,766 km long multimodal route (Forbes.com 2017), and in 2015 they agreed to create a consortium to transport goods from China to Europe (Grey 2015; Корреспондент 2015). Later it included JS Ukrzaliznytsia (Ukrainian Railways) and LLC Ukrferry, Translogistic (Moldova) and PKP LHS (Poland). The Hungarian Rail Cargo Hungaria Zrt joined the

project, which will allow to use the capabilities of Zahony, Epereske stations and BILK terminal. Ukraine and Lithuania signed a memorandum on the merger of the "Viking" container train with TITR. Thus, the EU, which has a FTZ with Ukraine, could supply goods to China and CA, bypassing Russia and is set to become competitive with the traditional overland route (Forbes.com 2017). So, the TITR parties want to launch the transportation of goods to Northern and Eastern Europe via Ukraine (Regnum, 2015; Real Russia Today, 2015; CTS 2015) and the Baltic States (Think Railways 2015). So, goods from CA and Kazakhstan will be delivered to Azerbaijan, Georgia, Ukraine, Baltic States, Poland and EU countries by container train named "Friendship" (Dyussebekova Zh. 2016).

By 2020, TITR was expected to increase trade turnover from US\$ 646 to 922 billion (Казинформ 2016) with an annual capacity of 27.5 million tons of containerized cargo and up to 300,000 TEU (twenty-foot equivalent) (Eurasian Business Briefing 2016). Since July 2016, preferential tariffs have been introduced on the route for participating countries, enabling the cost of shipping containers to be closer to the Russian route, at approximately US\$ 5,500 per container, although it is almost US\$ 2000 cheaper than in 2015, and 3 times faster than by sea. TITR remains slower and more expensive than Russia, partly due to the lack of infrastructure and common market in this direction from the SU, low trade flows, border customs bureaucracy and corruption problems typical of the region (Forbes.com 2017). The lack of infrastructure for easy transit in the Caspian Sea from CA ports to Azerbaijan, as well as deep-water ports in the Georgian sector, also causes problems (Standish 2022).

Therefore, based on the dependence of the success of China-Europe-China transcontinental container cargo transportation on cooperation with Russian and Belarusian railway companies, Kazakhstan Temir Zholy has created a United Transport Logistics Company — Eurasian Railway Alliance (UTLC ERA), to coordinate all related work (Altynsarina 2018). It should be noted that Russian trains that deliver goods directly to Europe by rail or port or enter through Belarus have become the main land trade route between China and the EU, accounting for 68% of westbound traffic and 82% eastbound traffic in 2021 (Standish 2022).

Although TITR was the most problematic of the EBSR routes, due to frequent modes and border changes, Western sanctions against Russia, virtual bans on the transit of Ukrainian cargo to Asia, months-long blockade of Turkish cargo (Forbes.com 2017), it has become the main alternative for many Chinese freight forwarders due to military operations in Ukraine. According to forecasts of the TITR association, in 2022 cargo transportation through the territory of CA and the Caucasus may amount to 3.2 million tons, which is 6 times higher than the figure in 2021. The cancellation of new bookings through Russia in April by one of the world's largest shipping corporations, Maersk, which preferred TITR cargo, and was joined in May by the Finnish company Nurminen Logistics, gave a boost to the Middle Corridor. The governments of Romania, Azerbaijan, Georgia, Turkey and Kazakhstan discussed (the presidents of Turkey and Kazakhstan in Ankara in May) further investments and deepening of cooperation along the TITR route (Standish 2022).

Azerbaijan is a part the Trans-Caucasus Transit Corridor (TCTC/CTC), which connects Azerbaijan and Georgia with Europe, China, and other nearby regional partners. The corridor is comprised of roads, railways, the Caspian Sea port of Alat, and the Black Sea ports of Poti and Batumi in Georgia. The length of the corridor in Azerbaijan is about 503 km from Baku to the Georgian border. In Georgia, it extends for about 384 km eastward. Significant infrastructure investments in both Azerbaijan and Georgia are expected to have a noticeable effect on transit times to and from the seaports in the Black and Caspian seas (The World Bank 2020a, P. 3). The TCTC has the potential to play a larger role in connecting China with Europe, and CA with the global economy. The strategic importance of the corridor is determined by geopolitical, economic, transport and other factors. But it faces many challenges as it crosses multiple borders, the Caspian and Black Seas, and includes major economic blocs with competing interests such as the EU, China and Russia. The EU is interested in expanding the trans-European transport network to Azerbaijan and Georgia, and joining China through the inclusion of the BRI in the TCTC (The World Bank 2020a, 5).

Worth noting that most of infrastructure projects along the TCTC are financed not by Beijing, but by Baku (including the State Oil Fund of Azerbaijan, the sovereign wealth fund) and international financial institutions such as the World Bank Group, the European Bank for Reconstruction and Development, the AIIB, the European Investment Bank. Investment projects, both completed and ongoing, include Baku's new port in Alat (Alat Free Economic Zone/FEZ created within Alat Interna-

tional Sea Trade Port); construction, repair, electrification and modernization of Baku-Tbilisi-Kars (BTK) railway; Rehabilitation of the Baku-Ganja and E-60 road to the Georgian border (The World Bank, 2020b, P. 4).

The already operational BTK railway is also of great interest to Beijing (Варданян 2021). As an important component of the ISR, is a new significant stage in the development of the Silk Road Transport Corridor (or TRACECA) project (Ismailov, Papava 2018, 10). Although China was not involved in the financing or construction of the BTK line, it will serve as another route for Chinese exports to Turkey and Europe (Tavsan 2017).

Thanks to the B&R, Georgia as a logistics and transport hub will become a multi-regional hub connecting Europe, East Asia, India, CA and the ME (Политонлайн.Ру, 2015). Taking advantage of its unique geographical location, Georgia can expand cooperation with China in such areas as railway transport, port and road construction (Xinhua 2016). With the strengthening of GUAM⁸ and the positions of the US, Georgia has become an arena of collision between the interests of the US on the one hand and the interests of Russia and China on the other. Special concerns about the "manipulation" of Georgia by the West appeared in China after it signed the Association Agreement with the EU in 2014 (Воробьева 2020, 658).

Georgia is also investing heavily in infrastructure projects on its part of the Asia-Europe route. Tunnels and bridges along the railway line on the border between Azerbaijan and Tbilisi have been restored, Poti port has been modernized with the financial support of the EU. In 2019, the US For-

eign Private Investment Corporation signed a US\$ 50 million loan agreement with the Georgian-American transport company PACE Group for the design, construction and operation of a new multi-purpose marine terminal at the Port of Poti. With financial support from the WB, the Asian Development Bank, the AIIB and other multilateral development banks (MDBs), Georgia has begun expanding the East-West Highway (Лексютина 2022, 67).

In January 2017, China Energy Company Limited (now CEFC China) signed a Memorandum of Understanding to purchase a 75% stake in the Poti Free Industrial Zone (FIZ) in Georgia. The 300-hectare FIZ opened in 2011, housing companies ranging from timber to IT services. CEFC committed to developing FIZ with its expertise and technology and investing in processing, modern technology, warehouse management and logistics (Larsen 2017). The port of Poti in Georgia is also of interest to China. CEFC China Energy Concern, which specializes in the energy sector and whose founder, according to some reports, maintains close ties with the People's Liberation Army (PLA), owns a 75% stake in the Poti FIZ acquired in September 2017. Caught at the center of an international corruption scandal, the CEFC has been under the administration of the financial arm of the Shanghai Municipality since March 2018. Under its influence, the port of Poti should become a "common market zone" serving as a financial and logistics hub, as well as a platform for the export of Chinese goods to Europe and CA (Роллан 2018, 15).

During the Tbilisi Silk Road Forum in October 2015 the Georgian Anaklia deep-water port development project was considered as one of the first

and major projects to be implemented within the BRI (Caucasus Business Week 2017). However, the victory was claimed by the joint US-Georgian venture Anaklia Development Consortium (ADC). In February 2016, a Georgian-American consortium developed a €3.3 billion project to develop the one-of-a-kind deep sea port of Anaklia (with a total capacity of 100 million tons per year and with the ability to receive large sea vessels) on the eastern coast of the Black Sea, which connects Europe with CA and China through a sea corridor (New Europe 2016). At the end of 2017, Shanghai Zhenhua Heavy Industries (ZPMC — Chinese company that provides 70% of the world's port crane production) signed an agreement with the Anaklia Development Consortium, according to which ZPMC (as a subcontractor of ADC) would provide the port of Anaklia with the latest container cranes of modern standards and other equipment necessary for the management of the container terminal (Sputnik 2017). However, in January 2020, after a series of scandals and revelations, the Georgian government terminated the contract with ADC for the development of the port of Anaklia and began looking for new investors (Лексютина 2022, 67).

As of 2015, up to 25 Chinese investment, construction, telecommunications and financial companies operated in Georgia (Мачавариани 2015, С. 146). In order to intensify business ties and humanitarian contacts between the two countries, since June 2011, direct flights between China and Georgia began to operate (Мачавариани 2015, С. 148). As of 2017, nearly 30 Chinese enterprises, including Fortune 500 companies, such as China State Grid, Power China, CRCC, Huawei, CEFC and other Chinese companies like Hualing Group have

invested in Georgia. They are engaged in different sectors, such as energy, communication, finance, trade, agriculture, tourism, timber industry, infrastructure, special economic zone and industrial park, as well as other key areas (Embassy of the PRC in Georgia 2017) [9].

As for Armenia, despite its landlocked and vulnerable position in terms of participation in many regional logistics and energy projects, because only two of the four neighboring countries - Georgia and Iran — have an open border, Beijing considers the Armenian direction a connecting link between EEU and Tehran (Маркедонов 2019) through highway and railway lines connecting the Caspian Sea with the Black Sea (Harutyunyan 2017, 36-37; Harutyunyan 2018, 21-26). Yerevan hoped that its major highway — the North-South Road Corridor and the future Armenia-Iran railway can be used for developing the proposed EBSR (Ghazanchyan 2015; MFA of PRC 2015). Chinese companies are contractors on some of the activities on the north-south corridor improvement (The World Bank Group 2020c, 13).

In order to ensure the "interconnection" between these projects, it is first necessary to expand and modernize the network of national highways to Georgia in the north and Iran in the south (Мокрецкий 2016, 153), as well as using Yerevan's membership of the EEU, to activate the FTZ activity established in Meghri (south of Armenia) on the joint border with Iran (Воробьева 2020, 662).

Furthermore, the signing in March 2021 of an agreement on the "Sino-Iranian Comprehensive Strategic Partnership" between Iran and China for the next 25 years creates certain opportunities for

Armenia (Harutyunyan 2021, 217) [9]. Furthermore, the geographical position of Armenia is favorable in terms of participation in the B&R due to Armenia's distance from the potential risk zones of the ME - Syria, Kurdistan, Iraq, etc. In this regard, Beijing is ready to invest in the construction of roads and railways in Armenia (Воробьева 2020, 656). Worth to note, that India is also interested in the transit opportunities of Armenia, whose ambassador to Iran announced in March 2021 that New Delhi plans to connect the western part of Chabahar, the Indian Ocean with Eurasia and Helsinki through Armenia, creating a North-South corridor (Варданян 2021).

Conclusion

After the collapse of the SU, the SC has become one of the hotbeds of international controversy, where the interests of the world's leading powers are increasingly clashing in the struggle to establish control over regional and international communications, transport, infrastructure, fuel and other raw materials. In addition to the largest centers of the multi-centered world — US, EU, Russia and traditional regional players — Turkey and Iran, other states pursuing geopolitical and geo-economic interests, particularly China, actively joined that struggle.

While establishing relations with the newly independent republics of the region Beijing applied a "cluster" and not an "individual" partnership approach, pursuing a policy of non-intervention, and used a balanced and proportionate toolkit among the countries of the region, emphasizing the expansion of economic activity. Since 2010s, Beijing's political ties are expanding, and its economic role

is steadily growing in the SC. In the context of the implementation of the BRI, the region acquires significant geopolitical and geostrategic significance for China as a crossroads connecting the East-West, North-South transport routes and corridors, as well as the Black and Caspian seas and the Persian Gulf.

The transport, communication, infrastructure and investment programs proposed by Beijing were attractive to the countries of the region, as they corresponded to foreign policy ideas about serving the interests of their countries through important regional corridors connecting Europe with Asia. Georgia's national strategy to become a logistics and transport hub coincides with China's initiative to build the EBSR. China has become one of the largest foreign investors in Georgia, which is ready to make full use of its unique geographical location and expand cooperation with China in such areas as railways, ports and road construction. The implementation of major transport projects in the SC, such as the Baku-Tbilisi-Kars railway and the Alat FTZ at the Alat International Seaport, TITR, Trans-Caucasus Transit Corridor, Georgian port of Poti (Poti FTZ), Anaklia deep-water port, and Batumi port in Black Sea boosted the region's vitality in becoming a hub for the China-Europe trade route. So, Azerbaijan and Georgia are included in the Middle Corridor initiative due to their location in the TITR.

Armenia can also cooperate with Beijing by incorporating its major road and rail projects into the construction of the B&R transport corridors. As a member of the EEU, taking advantage of the establishment of cooperation between the BRI and the EEU, Yerevan can also contribute to the deepening

of cooperation between them. However, it should also be taken into account that Armenia does not have a common border with the EEU countries, while China itself has a common border with the two largest members of the EEU, so it can easily supply its goods to the EEU markets through them. Therefore, in the case of Armenia, closer cooperation with Georgia and Iran will be essential. Although Armenia is not included in the Middle Corridor initiative, as an official B&R country, it has the potential to benefit from Chinese foreign direct investment.

As a result of the research of the China's foreign policy in the SC, we came to the conclusion that although China's growing presence and importance in the region cannot be compared with Russia, the West, Iran and Turkey, it is no longer a force that cannot be ignored and should be considered as an important factor. Against the background of the global confrontation between the West and Russia, China is becoming a new major player in the Caucasus-Caspian subregion.

However, there are also a number of obstacles on the way to deepening cooperation. The market of Azerbaijan, Armenia and Georgia is too small for Beijing, so it is more interested in using them mainly as a "window to Europe". China's investment in the region is not large because in the area of lending, including infrastructure, Beijing's strong competitors are multilateral development banks. The most important thing is that for China, the Trans-Caspian transport corridor is not a priority since simpler options for land transit of goods from China to Europe are transit through the territory of Russia or Kazakhstan and Russia.

No less important condition is the preservation of military-political stability in the SC, which has become aggravated in recent years. The problems of the political attitudes and peculiarities of the economic policy of the countries of the SC also restrain China's economic expansion in the region. And although China will try to take advantage of the opportunities that arise in the SC region, it will most likely expect more initiative in this matter from the countries of the region themselves.

Notes

1. In 2016, the NSR strategy was officially renamed the BRI or Belt and Road (B&R or One Belt, One Road (OBOR)). It consists of 4 land- and 2 sea-based corridors: China – Mongolia – Russia Economic Corridor (CMREC), New Eurasian Land Bridge Economic Corridor (NELB), China – Central Asia – West Asia Economic Corridor (CCWAEC), China – Pakistan Economic Corridor (CPEC), China – Indochina Peninsula Economic Corridor (CICPEC) and Bangladesh – China – India – Myanmar Economic Corridor (BCIM – EC). The EBSR seeks to improve China's transport overland to Europe and Asia through 6 BRI corridors. The MSR aims to build or improve ports along sea lanes, one of which connects the coast of China passing the South China Sea through the Straits of Malacca to the Indian Ocean and extending to Europe; the other passing through the South China Sea and extending into the South Pacific. BRI will be realized mainly through the China-led Asian Investment Infrastructure Bank (AIIB), the Silk Road Fund (SRF) and the BRICS New Development Bank (NDB).
2. The FTA allowed the Georgian side to exempt more than 90% of its products from taxes.
3. The EEU is an economic union of Russia, Belarus, Kazakhstan, Armenia and Kyrgyzstan.
4. More than 800 high officials attended the Tbilisi Silk Road Forum.
5. In 2015, the main routes of the EBSR were designated — Northern (from China through Central Asia and Russia to Europe), Central (from China through Central Asia and Western Asia to the Persian Gulf and the Mediterranean Sea), Southern (from China to Southeast Asia, to South Asia and to the Indian Ocean).
6. The route of the "New Silk Road" largely coincides with the 10th international corridor of the Organization for Cooperation of Railways (OSJD), which connects the railways of the CIS countries, Eastern Europe, Mongolia and China. The transit corridor is largely a legacy of the USSR and the Council for Mutual Economic Assistance (CMEA). It starts in Odessa, passes through Varna, Batumi, Tbilisi, Baku, Turkmenbashi, Tashkent and ends in Aktogay, Kazakhstan, on the border with China. The current TRACECA route differs only in that the cargo from Baku will be sent not to the Turkmenbashi, but to the Kazakh Aktau and then follow only through the territory of Kazakhstan up to the Chinese border.
7. Georgia has an EU Association Agreement. Armenia has signed the Comprehensive and En-

hanced Partnership Agreement with the EU. Azerbaijan was conducting negotiations on signing the Association Agreement with the EU.

8. In October 1997, the regional organization GUAM was created, which includes the Azerbaijan, Georgia, Moldova and Ukraine. Russia and China reacted quickly enough, due to the fact that such a turn of events was very unfavorable, first of all, due to the emerging competition with the West for the energy resources of CA.
9. The Khadori hydropower station constructed by the Chinese side was the first power station and the first large-scale foreign investment after Georgia's independence. Chinese companies have built 82.1 km of roads, 40.6 km of railway and provided a railway modernization technical solution for Georgia. Hualing Group built the Athlete Village for Tbilisi European Youth Olympic, Tbilisi Sea Special Economic Zone, Kutaisi Free Industrial Park and invested in BASIS Bank.
10. Agreement was approved by the administration of President Hassan Rouhani in June 2020. It provides for Chinese investment in the amount of US\$ 450 billion, in addition to economic ones, also has quite a lot of political significance. It applies not only to the traditional areas of cooperation — economic and cultural, but also to such sensitive areas as the military and intelligence areas. This agreement testifies to the great importance of Iran for China in the context of the BRI.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агаджанян М. Китай на Южном Кавказе: экономическая экспансия и политический прагматизм. *Научное Общество Кавказоведов*. 14.01.2013. <http://www.kavkazoved.info/news/2013/01/14/china-na-juzhnom-kavkaze-ekonomicheskaja-ekspansija-i-politicheskij-pragmatizm.html> (дата обращения 12.10.2018)
2. Амелина Я.А., Бахревский Е.В., Тасиц К.И. Страны Закавказья: «повышенное внимание к всестороннему сотрудничеству». *Страны СНГ и Балтии в глобальной политике Китая*. РИСИ. М.: 2013; С. 112-130.
3. Арутюнян А.А. Китайская Инициатива «Пояса и Пути» и Средний Коридор Турции. *Современные востоковедческие исследования*. Казань: 2020; Т. 2 (5). С. 76-91. (на английском)
4. Арутюнян А.А. Кризата в Украйна: последици за инициативата на Китай 'Един пояс, един път'. *Международни отношения*. Издателско сдружение международни отношения (ИСМО). 2022; Година Li Книжка 3-4. С. 105-129. (на болгарском языке)
5. Борисова Ю.М. Политика Китая на постсоветском пространстве. Инициатива «Один пояс — один путь». *Проблемы постсоветского пространства / Post-Soviet Issues*. 2017; 4 (3). С. 202-209.
6. Ван Ш., Вань Ч. СНГ и современная политика Китая. *Свободная мысль*. Апрель 2013. № 3. <http://svom.info/entry/245-sng-i-sovremennaya-politika-kitaya/> (дата обра-

- щения 21.09.2018)
7. Варданян А. Китай на Южном Кавказе: какой стране будет отдано предпочтение? *АРМЕДИА ИАА*. 07.05.2021. <https://armedia.am/rus/news/94928/kitaiy-na-yuzhnom-kavkaze-kakoiy-strane-budet-otdano-predpochtenie.html> (дата обращения 09.06.2021)
  8. Воробьева М.А. Реализация инициативы ОПОП на Южном Кавказе. *Постсоветские исследования*. 2020; Т. 3 (8). С. 651-663.
  9. Егиазарян А. Геоэкономические приоритеты Китая в Кавказско-каспийско-центральноазиатском регионе. *21-ый ВЭЭК*. Ереван: НОФ Нораванк. 2004; № 3 (5). С. 69-104.
  10. Жильцов С., Алексанян Л., Гаврилова С., Маркова Е. Южный Кавказ во внешней политике Китайской Народной Республики. *Центральная Азия и Кавказ*. 2019; Т. 22 (3). С. 7-25.
  11. Жэньминь Жибао 2022. ЕАЭС будет развивать транспортный коридор Китай-Европа для сопряжения с инициативой «Пояс и путь». *Жэньминь Жибао*. 22 Июня.
  12. Исмаилов Э., Папава В. «Кавказский тандем» и инициатива «Один пояс — один путь». *Центральная Азия и Кавказ*. 2018; Т. 21 (2). С. 7-18.
  13. Корреспондент 2015. Страны Азии проложат «шелковый путь» через Украину. Корреспондент. 30 Ноября. http://korrespondent.net/business/companies/3596749-stranyaz-yu-prolozhat-shelkovyi-put-cherezukraynu?utm_source=facebook.com&utm_medium=social&utm_campaign=3596749 (дата обращения 21.12.2016)
  14. Лексютина Я.В. Китай на Южном Кавказе: масштабы экономического присутствия. *Постсоветские исследования*. 2022; Т. 5 (1), С. 57-72.
  15. Маркедонов С. Не только Пояс и Путь. Чего ждут друг от друга Китай и Южный Кавказ. *Московский Центр Карнеги*. 31.10.2019. <https://carnegiemoscow.org/commentary/80239> (дата обращения 12.05.2022)
  16. Мастепанов А.М. Китайская Инициатива Экономический Пояс Великого Шелкового Пути и проблема энергетической безопасности на пространстве Евразии. *Проблемы постсоветского пространства*. 2015; № 4. С. 3-15.
  17. Мачавариани Г.Г. Грузия-Китай: политические, экономические и гуманитарные аспекты сотрудничества. *Вестник Российского университета дружбы народов*. 2015; Серия: Международные отношения Вып. № 1. С. 142-151.
  18. Мокрецкий А.Ч. Отношения КНР и СНГ: Новые горизонты развития. *Китай в мировой и региональной политике. История и современность*. ИДВ РАН. М.: 2012; Вып. 17. С. 164-189.
  19. Мокрецкий А.Ч. Страны Закавказья в ки-

- тайской стратегии «Экономический пояс Шелкового пути». *Китай в мировой и региональной политике (История и современность)*. / Отв. ред.-сост. Е.И. Сафронова. ИДВ РАН. М.: 2016; Вып. 21. С. 150–158.
20. Политонлайн.Ру 2015. «Новый Шёлковый путь» через Грузию, или Нью-Васюки 2015 года. *Политонлайн.Ру*. 15 декабря. <http://www.politonline.ru/interpretation/22884546.html> (дата обращения 11.09.2017)
21. Посольство КНР в РА 2010. Китайско-армянские отношения. *Посольство Китайской Народной Республики в Республике Армения*. 25 Ноября. <http://am.chinaembassy.org/rus/zygx/t392051.htm> (дата обращения 19.11.2016)
22. РИА Новости 2015. Посол РФ в КНР: Китай предложил создать зону свободной торговли с ЕАЭС. *РИА Новости*. 09 Февраля. http://ria.ru/east_economy/20150209/1046710744.html (дата обращения 13.01.2017)
23. Роллан Н. Влияние Китая в странах Восточной Европы и Южного Кавказа. *Russie.Nei.Visions*. Французский Институт Международных Отношений (IFRI). Декабрь 2018; № 112. С. 1-30.
24. Сергеев М. Пекин дипломатично подвинул путинский проект Евразийского союза. *Независимая газета*. 14.10.2013. http://www.ng.ru/economics/2013-10-14/1_1_pekina.html (дата обращения 27.11.2018)
25. Тасиц К. Развитие отношений Китая с республиками Южного Кавказа в контексте инициативы «Пояс и путь». *Проблемы национальной стратегии*. 2019; № 5 (56). С. 80-96.
26. Forbes.com 2017. Как Казахстан развивает транзит из Китая и что ему мешает. *Forbes.com*. 04 Января. https://forbes.kz/finances/markets/popast_vkoleyu_1/ (дата обращения 19.02.2021)
27. Regnum 2015. Порты: экспансия Китая в Прибалтику и «шелковый путь» в обход России. *Regnum*. 01 Декабря. <http://regnum.ru/news/economy/2024288.html> (дата обращения 21.01.2016)
28. Sputnik 2017. Китайская компания инвестирует в порт Анаклия 50 миллионов долларов. *Sputnik*. 29 декабря. <https://sputnik-georgia.ru/economy/20171229/238735502/Kitajskaja-ko-mpanija-investiruet-v-port-Anaklija-50-millionov-dollarov.html>(дата обращения 14.12.2019)
29. Altynsarina E. Key Belt and Road node bears potential for much gain for Kazakhstan, China and beyond. *The Astana Times*. 09.10.2018. <https://astanatimes.com/2018/10/key-belt-and-road-node-bears-potential-for-much-gain-for-kazakhstan-china-and-beyond/> (дата обращения 25.01.2019)
30. Caucasus Business Week 2017. Tbilisi Silk Road Forum: Objectives and benefits. *Caucasus Business Week*. 19 October. <http://cbw.ge/business/tbilisi-silk-road-forum->

- objectives-and-benefits/ (дата обращения 21.09.2018)
31. CTS 2015. Turkish-Kazakh-Azeri-Georgian Consortium to transport cargo from China to Europe via Ukraine. *Center for Transport Strategies (CTS)*. 01 December. http://en.cfts.org.ua/news/turkish_kazakh_azeri_georgian_consortium_to_transport_cargo_from_china_to_europe_via_ukraine (дата обращения 17.08.2021)
  32. Dyussembekova Zh. Silk Road renewed with launch of new commercial transit route. *The Astana Times*. 21.01.2016. [HTTP://ASTANATIMES.COM/2016/01/SILK-ROAD-RENEWED-WITH-LAUNCH-OF-NEW-COMMERCIAL-TRANSIT-ROUTE/](http://ASTANATIMES.COM/2016/01/SILK-ROAD-RENEWED-WITH-LAUNCH-OF-NEW-COMMERCIAL-TRANSIT-ROUTE/) (дата обращения 25.01.2016)
  33. Embassy of the PRC in Georgia 2017. Remarks by Amb. Ji Yanchi at the China-Georgia Friendship Day celebrating the 25th anniversary of diplomatic relations between China and Georgia. *Embassy of the People's Republic of China in Georgia*. 10 June. (дата обращения 20.07.2018)
  34. Eurasian Business Briefing 2016. Trans-Caspian International Transport Route (TITR) tariff protocol signed. *Eurasian Business Briefing*. 15 January. (дата обращения 16.08.2018)
  35. Ghazanchyan S. President Serzh Sargsyan takes part in Boao International Forum. *Public Radio of Armenia*. 28.03.2015. <http://www.armradio.am/en/2015/03/28/42593/> (дата обращения 15.11.2016)
  36. Grey E. Can the Trans-Caspian route deliver the next freight revolution? *Railway-technology.com*. 03.11.2015. <https://www.railway-technology.com/analysis/featurecan-the-trans-caspian-route-deliver-the-next-freight-revolution-4684339/> (дата обращения 15.09.2022)
  37. Harutyunyan A.A. China's One Belt, One Road Initiative in the Middle East and North Africa. Yerevan: "Gitutyun" Publishing House of the NAS RA, 2021; PP. 41-65.
  38. Harutyunyan A.A. The conjugation of Russia's EAEU and China's EBSR in the Eurasian Economic Space (俄罗斯欧亚经济联盟与中国丝绸之路经济带在欧亚空间内的融合). *Digest of Foreign Social Sciences*. Shanghai Academy of Social Sciences. March 2018; Vol. 3. PP. 21-26. (на китайском языке)
  39. Harutyunyan A.A. The Lion and the Dragon: A new stage in Sino Iranian strategic partnership. *Modern International Studies*. Kazan: 2021; Vol. 3, Issue: 2, PP. 214-242.
  40. Harutyunyan A.A. Russia and China: On the creation of "a Common Eurasian Economic Space". *РОССИЯ - КИТАЙ: История и культура*. Сборник статей и докладов участников X международной научно-практической конференции. Казань: Изд.: Академия наук Республики Татарстан. 2017; С. 18-26. (на английском)
  41. Harutyunyan A.A. Sino-Armenian relationships and Armenia's participation in the Chi-

- nese Initiative of Economic Belt of Silk Road. *Shanghai Academy of Social Sciences (SASS)*. A Collection of Research Papers of the Visiting Program for Young Sinologists, 2017; PP. 1-61.
42. Hovhanesian H., Manasyan H. South Caucasus – People’s Republic of China bilateral free trade agreements: Why it matters. *ADB Working Paper Series on Regional Economic Integration*. January 2014; No. 125, PP. 1-47.
43. Kaczmarek M. China and Russia: two approaches to integration. *The Diplomat*. 30.03.2015. http://thediplomat.com/2015/03/china-and-russia-two-approaches-to-integration/?utm_campaign=trueAnthem:+Trending+Content&utm_content=551bc34f04d30127a3000001&utm_medium=trueAnthem&utm_source=facebook (дата обращения 19.11.2017)
44. Kazinform 2016. Trans-Caspian Int'l Transport Route potential presented in Vienna. *Kazinform*. 23 September. http://www.kazinform.kz/ru/trans-caspian-intltransport-route-potential-presented-in-vienna_a2952002 (дата обращения 25.01.2017)
45. Kenderdine T., Bucsky P. Middle Corridor - policy development and trade potential of the Trans-Caspian International Transport Route. *Asian Development Bank Institute*. 2021; ADBI Working Paper 1268. PP. 1-28.
46. Larsen J. Georgia: The Black Sea hub for China's 'Belt and Road'. *The Diplomat*. 03.05.2017. <http://thediplomat.com/2017/05/georgia-the-black-sea-hub-for-chinas-belt-and-road/> (дата обращения 15.12.2018)
47. Li Jianmin. Silk Road Economic Zone, the EEU and China-Russia Cooperation. Asia’s New Future: Towards a Community of Common Destiny. *Boao Forum for Asia*. March 26-29, 2015; China: PP. 12-14.
48. Li Lifan. The challenges facing Russian-Chinese efforts to ‘dock’ the Eurasian Economic Union (EEU) and One Belt, One Road (OBOR). *Russian Analytical Digest*. 03.05.2016. No. 183. PP. 5-9.
49. Lambert M. E. The future of Chinese investment in the Caucasus – The case of Abkhazia. *New Eastern Europe*. 20.09.2018. <http://neweasterneurope.eu/2018/09/20/future-chinese-investment-caucasus-case-abkhazia/> (дата обращения 13.11.2019)
50. MFA of Georgia 2013. Bilateral relations between Georgia and the People's Republic of China. *Ministry of Foreign Affairs of Georgia*. 2013. <https://china.mfa.gov.ge/default.aspx?secid=434&lang=2&NewsID=127378> (дата обращения 27.11.2018)
51. MFA of PRC 2015. Xi Jinping holds talks with President Serzh Sargsyan of Armenia. *Ministry of Foreign Affairs*. the People's Republic of China. 25 March. http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/topics_665678/xjpcxbayzlt2015nnh/t1249214.shtml (дата обращения 12.09.2016)
52. Muzalevsky R. China’s engagement with the South Caucasus: Limitations and prospects. *Central Asia-*

- Caucasus Institute*. 06.09.2010. PP. 13-15.
53. New Europe 2016. Georgia emerges as Europe's launchpad to Asia. *New Europe*. 30 July. <https://www.neweurope.eu/article/georgia-emerges-europes-launchpad-asia/> (дата обращения 15.01.2018)
  54. Nursha A. EEU and CSTO Summits in Moscow: Another six months for consideration. *Institute of World Economy and Politics*. 25.12.2015. <http://iwep.kz/en/kommentariy-eksperta/2015-12-25/eeu-and-csto-summits-in-moscow-another-six-months-for-consideration> (дата обращения 10.11.2016)
  55. Ögütçü M. China in the South Caucasus: Not a critical partnership but still needed. The South Caucasus between Integration and Fragmentation. *SAM & EPC*. May 2015. PP. 103-109.
  56. Pantucci R., Lainp S. Tbilisi Silk Road forum. Next steps for Georgia and the Silk Road. *RU-SI Workshop Report*. Royal United Services Institute for Defence and Security Studies. London: August 2016; PP. 1-13.
  57. Standish R. China's Belt and Road focuses on new Eurasian trade routes due to Ukraine war. *Radio Free Europe/Radio Liberty*. 18.07.2022. https://www.rferl.org/a/china-ukraine-war-eurasian-trade-routes-russiastandish/31948987.html?fbclid=IwAR3OgXNqRcKQy8he8E3ughNv8_inbskZyMQjyOVi5EXzSpAQkhBnaXHEtA (дата обращения 10.09.2022)
  58. Tavsan S. 'Iron silk road' threatens to sidetrack Russia. *Nikkei Asia*. 31.10.2017.
  59. The World Bank 2020a. Improving freight transit and logistics performance on Trans-Caucasus Transit Corridor: Strategy and action plan. *The World Bank*. 2020; PP. 1-44.
  60. The World Bank 2020b. South Caucasus and Central Asia: Belt and Road Initiative Azerbaijan country case study. *The World Bank*. June; PP. 1-30.
  61. The World Bank 2020c. South Caucasus and Central Asia. Belt and Road Initiative – Armenia Country Case Study. *The World Bank Group*. June 2020; PP. 1-19.
  62. PanARMENIAN.Net 2015. ՊԵԿԻՆՍ ԱՎԱԳԱՅՐՈՒՄ ԱՌԼՈՒՐԻ ԱԳԱՍ ԳՈՒԻ ԿԱՍՏԵՂԾԻ ԵՏՄ ԻՆԵՆ. *PanARMENIAN.Net*. 09.02.2015. <http://panarmenian.net/arm/news/188060> (дата обращения 22.02.2017) (на армянском языке)
  63. Real Russia Today 2015. Turkey, Kazakhstan, Azerbaijan and Georgia will create a transport consortium. *Real Russia Today*. 03 December. <http://realrussiastoday.com/2015/12/03/turkey-kazakhstan-azerbaijanand-georgia-will-create-transport-consortium/> (дата обращения 14.04.2022)
  64. Skiert-Andrzejuk K. The new edition of the New Silk Road – the South Caucasus case. *Polish Journal of Political Science*. 2018; 4 (2). PP. 79-94.
  65. Think Railways 2015. Consortium on China-Europe via Turkey freight transport to be es-

established. *Think Railways*. 01 December. <http://www.think-railways.com/consortium-onchina-europe-via-turkey-freight-transport-to-be-established/> (дата обращения 15.08.2016)

66. Xinhua 2016. China, Georgia eye greater Cooperation on Silk Road Economic Belt Initiative. *Xinhua*. 04 June. http://news.xinhuanet.com/english/2016-06/04/c_135411583.htm (дата обращения 15.09.2022)

References

1. Agadzhanian M. China in the South Caucasus: economic expansion and political pragmatism. *Nauchnoye Obshchestvo Kavkazovedov*. 14.01.2013. <http://www.kavkazoved.info/news/2013/01/14/china-na-juzhnom-kavkaze-ekonomicheskaja-ekspansija-i-politicheskij-pragmatizm.html> (accessed: 12.10.2018) (in Russ.)
2. Amelina Ya.A., Bakhrevsky E.V., Tasits K.I. Transcaucasian countries: "increased attention to comprehensive cooperation". *Strany SNG i Baltii v global'noy politike Kitaya*. RISI. M.: 2013; P.112-130. (in Russ.)
3. Harutyunyan A.A. Chinese Belt and Road Initiative and Turkey's Middle Corridor. *Sovremennyye vostokovedcheskiye issledovaniya*. Kazan': 2020; T. 2 (5). P. 76-91. (in English)
4. Harutyunyan A.A. Crisis in Ukraine: Implications for China's Belt and Road Initiative. *Mezhdunarodni otnosheniya*. Izdatel'sko sdruzhenie mezhdunarodni otnosheniya (ISMO). 2022; Godina Li Knizhka 3-4. P. 105-129. (in Bulgarian)
5. Borisova Yu.M. China's policy in the post-Soviet space. One Belt One Road Initiative. *Problemy postsovetskogo prostranstva / Post-Soviet Issues*. 2017; 4 (3). P. 202-209.
6. Wang Shucun, Wan Chingsong. CIS and China's Modern Politics. *Svobodnaya mysl'*. April' 2013. № 3. <http://svom.info/entry/245-sng-i-sovremennaya-politika-kitaya/> (accessed: 21.09.2018) . (in Russ.)
7. Vardanyan A. China in the South Caucasus: which country will be preferred? *Armedia IAA*. 07.05.2021. <https://armedia.am/rus/news/94928/kitay-na-yuzhnom-kavkaze-kakoiy-strane-bu-det-otdanopredpochtenie.html> (accessed:09.06.2021). (in Russ.)
8. Vorobieva M.A. Implementation of the OBOR initiative in the South Caucasus. *Postsovetskiye issledovaniya*. 2020; T. 3 (8). P. 651-663. (in Russ.)
9. Yeghiazaryan A. Geo-economic priorities of China in the Caucasus-Caspian-Central Asian region. *21-yy VEK*. Yerevan: NOF Noravank. 2004; № 3 (5). P. 69-104. (in Russ.)
10. Zhiltsov S., Aleksanyan L., Gavrilova S., Markova E. The South Caucasus in the foreign policy of the People's Republic of China. *Tsentral'naya Aziya i Kavkaz*. 2019; T. 22 (3). P. 7-25. (in Russ.)
11. Renmin Ribao 2022. EAEU to develop China-Europe transport corridor to align with the Belt and Road Initiative. *Zhen'min' Zhibao*. 22 Iyunya. <http://russian.people.com.cn/>

- n3/2022/0622 /c31519-10113161.html (accessed: 22.06.2022) (in Chin.)
12. Ismailov E., Papava V. "Caucasian Tandem" and the One Belt - One Road Initiative. *Tsentral'naya Aziya i Kavkaz*. 2018; T. 21 (2). P. 7-18. (in Russ.)
  13. Korrespondent 2015. Asian countries will build a "silk road" through Ukraine. *Korrespondent*. 30 Noyabrya. http://korrespondent.net/business/companies/3596749-stranyazyy-prolozhat-sh-elkovyi-put-cherezukraynu?utm_source=facebook.com&utm_medium=social&utm_campaign=3596749 (accessed: 21.12.2016) (in Russ.)
  14. Leksyutina Ya.V. China in the South Caucasus: the scale of economic presence. *Postsovetskiye issledovaniya*. 2022; T. 5 (1). P. 57-72. (in Russ.)
  15. Markedonov S. Not only Belt and Road. What do China and the South Caucasus expect from each other? *Moskovskiy Tsentr Karnegi*. 31.10.2019. <https://carnegiemoscow.org/commentary/80239> (accessed:12.05.2022) (in Russ.)
  16. Mastepanov A.M. Chinese Initiative Economic Belt of the Great Silk Road and the problem of energy security in Eurasia. *Problemy postsovetskogo prostranstva*. 2015; № 4. P. 3-15. (in Russ.)
  17. Machavariani G.G. Georgia-China: political, economic and humanitarian aspects of cooperation. *Vestnik Rossiyskogo universiteta dru-*
  18. *zhby narodov*. 2015; Seriya: Mezhdunarodnyye otnosheniya Vyp. № 1. P. 142-151. (in Russ.)
  19. Mokretsky A.Ch. China-CIS Relations: New Horizons of Development. *Kitay v mirovoy i regional'noy politike. Istoriya i sovremennost'*. IDV RAN. M.: 2012; Vyp. 17. P. 164-189. (in Russ.)
  20. Mokretsky A.Ch. Transcaucasian countries in the Chinese strategy "Economic Belt of the Silk Road". *Kitay v mirovoy i regional'noy politike (Istoriya i sovremennost')*. / Otv. red.-sost. Ye.I. Safronova. IDV RAN. M.: 2016; Vyp. 21. P. 150-158. (in Russ.)
  21. Politonline.Ru 2015. "New Silk Road" through Georgia, or New Vasyuki 2015. *Politonline.Ru*. 15 dekabrya. <http://www.politonline.ru/interpretation/22884546.html> (accessed: 11.09.2017) (in Russ.)
  22. Chinese Embassy in RA 2010. Chinese-Armenian relations. *Posol'stvo Kitayskoy Narodnoy Respubliki v Respublike Armeniya*. 25 Noyabrya. http://am.chinaembassy.org/rus/zygx/t39_2051.htm (accessed: 19.11.2016) (in Russ.)
  23. RIA Novosti 2015. Russian Ambassador to China: China proposed to create a free trade zone with the EAEU. *RIA Novosti*. 09 Fevralya. http://ria.ru/east_economy/20150209/1046710744.html (accessed: 13.01.2017) (in Russ.)
  24. Rollan N. The influence of China in the coun-

- tries of Eastern Europe and the South Caucasus. *Russie.Nei.Visions*. Frantsuzskiy Institut Mezhdunarodnykh Otnosheniy (IFRI). Dekabr' 2018; № 112. P. 1-30.
24. Sergeev M. Beijing diplomatically moved Putin's project of the Eurasian Union. *Nezavisimaya gazeta*. 14.10.2013. http://www.ng.ru/economics/2013-10-14/1_pekini.html (accessed: 27.11.2018)
25. Tasits K. Development of China's Relations with the Republics of the South Caucasus in the Context of the Belt and Road Initiative. *Problemy natsional'noy strategii*. 2019; № 5 (56). P. 80-96.
26. Forbes.com 2017. How Kazakhstan develops transit from China and what prevents it. *Forbes.com*. 04 Yanvary. https://forbes.kz/finances/markets/popast_vkoleyu_1/ (accessed: 19.02.2021)
27. Regnum 2015. Ports: China's expansion into the Baltics and the "silk road" bypassing Russia. *Regnum*. 01 Dekabrya. <http://regnum.ru/news/economy/2024288.html> (accessed: 21.01.2016)
28. Sputnik 2017. Chinese company invests \$50 million in Anaklia port. *Sputnik*. 29 dekabrya. <https://sputnik-georgia.ru/economy/20171229/238735502/Kitajskaja-kompanija-investiruet-v-port-Anaklija-50-millionov-dollarov.html> (accessed: 14.12.2019)
29. Altynsarina E. Key Belt and Road node bears potential for much gain for Kazakhstan, China and beyond. *The Astana Times*. 09.10.2018. <https://astanatimes.com/2018/10/key-belt-and-road-node-bears-potential-for-much-gain-for-kazakhstan-china-and-beyond/> (accessed: 25.01.2019)
30. Caucasus Business Week 2017. Tbilisi Silk Road Forum: Objectives and benefits. *Caucasus Business Week*. 19 October. <http://cbw.ge/business/tbilisi-silk-road-forum-objectives-and-benefits/> (accessed: 21.09.2018)
31. CTS 2015. Turkish-Kazakh-Azeri-Georgian Consortium to transport cargo from China to Europe via Ukraine. *Center for Transport Strategies (CTS)*. 01 December. <http://en.cfts.org.ua/news/turkish-kazakh-azeri-georgian-consortium-to-transport-cargo-from-china-to-europe-via-ukraine> (accessed: 17.08.2021)
32. Dyussebekova Zh. Silk Road renewed with launch of new commercial transit route. *The Astana Times*. 21.01.2016. [HTTP://ASTANATIMES.COM/2016/01/SILK-ROAD-RENEWED-WITH-LAUNCH-OF-NEW-COMMERCIAL-TRANSIT-ROUTE/](http://ASTANATIMES.COM/2016/01/SILK-ROAD-RENEWED-WITH-LAUNCH-OF-NEW-COMMERCIAL-TRANSIT-ROUTE/) (accessed: 25.01.2016)
33. Embassy of the PRC in Georgia 2017. Remarks by Amb. Ji Yanchi at the China-Georgia Friendship Day celebrating the 25th anniversary of diplomatic relations between China and Georgia. *Embassy of the People's Republic of China in Georgia*. 10 June. <http://ge.china-embassy.org/eng/xwdt/t1469181.htm>

- (accessed: 20.07.2018)
34. Eurasian Business Briefing 2016. Trans-Caspian International Transport Route (TITR) tariff protocol signed. *Eurasian Business Briefing*. 15 January.
  35. Ghazanchyan S. President Serzh Sargsyan takes part in Boao International Forum. *Public Radio of Armenia*. 28.03.2015. <http://www.armradio.am/en/2015/03/28/42593/> (accessed: 15.11.2016)
  36. Grey E. Can the Trans-Caspian route deliver the next freight revolution? *Railway-technology.com*. 03.11.2015. <https://www.railway-technology.com/analysis/featurecan-the-trans-caspian-route-deliver-the-next-freight-revolution-4684339/> (accessed: 15.09.2022)
  37. Harutyunyan A.A. China's One Belt, One Road Initiative in the Middle East and North Africa. Yerevan: "Gitutyun" Publishing House of the NAS RA, 2021a; P. 41-65.
  38. Harutyunyan A.A. The conjugation of Russia's EAEU and China's EBSR in the Eurasian Economic Space (俄罗斯欧亚经济联盟与中国丝绸之路经济带在欧亚空间内的融合). *Digest of Foreign Social Sciences*. Shanghai Academy of Social Sciences. March 2018; Vol. 3. PP. 21-26. (in Chinese)
  39. Harutyunyan A.A. The Lion and the Dragon: A new stage in Sino Iranian strategic partnership. *Modern International Studies*. Kazan: 2021b; Vol. 3, Issue: 2, P. 214-242.
  40. Harutyunyan A.A. Russia and China: On the creation of "a Common Eurasian Economic Space". *РОССИЯ - КИТАЙ: История и культура*. Сборник статей и докладов участников X международной научно-практической конференции. Казань: Изд.: Академия наук Республики Татарстан. 2017; P. 18-26. (in English)
  41. Harutyunyan A.A. Sino-Armenian relationships and Armenia's participation in the Chinese Initiative of Economic Belt of Silk Road. *Shanghai Academy of Social Sciences (SASS)*. A Collection of Research Papers of the Visiting Program for Young Sinologists, 2017; P. 1-61.
  42. Hovhanesian H., Manasyan H. South Caucasus – People's Republic of China bilateral free trade agreements: Why it matters. *ADB Working Paper Series on Regional Economic Integration*. January 2014; No. 125, P. 1-47.
  43. Kaczmarek M. China and Russia: two approaches to integration. *The Diplomat*. 30.03.2015. http://thediplomat.com/2015/03/china-and-russia-two-approaches-to-integration/?utm_campaign=trueAnthem:+Trending+Content&utm_content=551bc34f04d30127a3000001&utm_medium=trueAnthem&utm_source=facebook (accessed: 19.11.2017)
  44. Kazinform 2016. Trans-Caspian Int'l Transport Route potential presented in Vienna. *Kazinform*. 23 September. <http://www.kazinform.kz/ru/trans-caspian-intltransport-route-potential-presented-in->

- vienna_a2952002 (accessed: 25.01.2017)
45. Kenderdine T., Bucsky P. Middle Corridor - policy development and trade potential of the Trans-Caspian International Transport Route. *Asian Development Bank Institute*. 2021; ADBI Working Paper 1268. P. 1-28.
46. Larsen J. Georgia: The Black Sea hub for China's 'Belt and Road'. *The Diplomat*. 03.05.2017. <http://thediplomat.com/2017/05/georgia-the-black-sea-hub-for-chinas-belt-and-road/> (accessed: 15.12.2018)
47. Li Jianmin. Silk Road Economic Zone, the EEU and China-Russia Cooperation. Asia's New Future: Towards a Community of Common Destiny. *Boao Forum for Asia*. March 26-29, 2015; China: P. 12-14.
48. Li Lifan. The challenges facing Russian-Chinese efforts to 'dock' the Eurasian Economic Union (EEU) and One Belt, One Road (OBOR). *Russian Analytical Digest*. 03.05.2016. No. 183. P. 5-9.
49. Lambert M. E. The future of Chinese investment in the Caucasus – The case of Abkhazia. *New Eastern Europe*. 20.09.2018. <http://neweasterneurope.eu/2018/09/20/future-chinese-investment-caucasus-case-abkhazia/> (accessed: 13.11.2019)
50. MFA of Georgia 2013. Bilateral relations between Georgia and the People's Republic of China. *Ministry of Foreign Affairs of Georgia*. 2013. https://china.mfa.gov.ge/default.aspx?sec_id=434&lang=2&NewsID=127378 (accessed: 27.11.2018)
51. MFA of PRC 2015. Xi Jinping holds talks with President Serzh Sargsyan of Armenia. *Ministry of Foreign Affairs*. the People's Republic of China. 25 March. http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/topics_665678/xjpcxbayzlt2015nnh/t1249214.shtml (accessed: 12.09.2016)
52. Muzalevsky R. China's engagement with the South Caucasus: Limitations and prospects. *Central Asia-Caucasus Institute*. 06.09.2010. P. 13-15.
53. New Europe 2016. Georgia emerges as Europe's launchpad to Asia. *New Europe*. 30 July. <https://www.neweurope.eu/article/georgia-emerges-europes-launchpad-asia/> (accessed: 15.01.2018)
54. Nursha A. EEU and CSTO Summits in Moscow: Another six months for consideration. *Institute of World Economy and Politics*. 25.12.2015. <http://iwep.kz/en/kommentarij-eksperta/2015-12-25/eeu-and-csto-summits-in-moscow-another-six-months-for-consideration> (accessed: 10.11.2016)
55. Ögütçü M. China in the South Caucasus: Not a critical partnership but still needed. The South Caucasus between Integration and Fragmentation. *SAM & EPC*. May 2015. P. 103-109.
56. Pantucci R., Lainp S. Tbilisi Silk Road forum. Next steps for Georgia and the Silk Road. *RUSI Workshop Report*. Royal United Services Institute for Defence and Security Studies.

- London: August 2016; P. 1-13.
57. Standish R. China's Belt and Road focuses on new Eurasian trade routes due to Ukraine war. *Radio Free Europe/Radio Liberty*. 18.07.2022. https://www.rferl.org/a/china-ukraine-war-eurasian-trade-routes-russia-standish/31948987.html?fbclid=IwAR3OgXNqRcKQy8he8E3ughNv8_inbskZyMQjyOVi5EXzSpAQkhBnaXHEtA (accessed: 10.09.2022)
  58. Tavsan S. 'Iron silk road' threatens to sidetrack Russia. *Nikkei Asia*. 31.10.2017.
  59. The World Bank 2020a. Improving freight transit and logistics performance on Trans-Caucasus Transit Corridor: Strategy and action plan. *The World Bank*. 2020; P. 1-44.
  60. The World Bank 2020b. South Caucasus and Central Asia: Belt and Road Initiative Azerbaijan country case study. *The World Bank*. June; P. 1-30.
  61. The World Bank 2020c. South Caucasus and Central Asia. Belt and Road Initiative – Armenia Country Case Study. *The World Bank Group*. June 2020; P. 1-19.
  62. PanARMENIAN.Net 2015. Beijing will create a free trade zone with the EEU in the future. *PanARMENIAN.Net*. 09.02.2015. <http://panarmenian.net/m/arm/news/188060> (accessed: 22.02.2017) (in Armenian)
  63. Real Russia Today 2015. Turkey, Kazakhstan, Azerbaijan and Georgia will create a transport consortium. *Real Russia Today*. 03 December. <http://realrussiastoday.com/2015/12/03/turkey-kazakhstan-azerbaijanand-georgia-will-create-transport-consortium/> (accessed: 14.04.2022)
  64. Skiert-Andrzejuk K. The new edition of the New Silk Road – the South Caucasus case. *Polish Journal of Political Science*. 2018; 4 (2). P. 79-94.
  65. Think Railways 2015. Consortium on China-Europe via Turkey freight transport to be established. *Think Railways*. 01 December. <http://www.think-railways.com/consortium-on-china-europe-via-turkey-freight-transport-to-be-established/> (дата обращения 15.08.2016)
  66. Xinhua 2016. China, Georgia eye greater Cooperation on Silk Road Economic Belt Initiative. *Xinhua*. 04 June. http://news.xinhuanet.com/english/2016-06/04/c_135411583.htm (accessed: 15.09.2022).

Информация об авторе

Арутюнян Агавни Александровна

Ведущий научный сотрудник, кандидат
исторических наук

Отдел международных отношений

Института Востоковедения

Национальной Академии Наук Армении,

Ереван, Республика Армения

aghavni.harutyunyan1@gmail.com

Information about the author

Aghavni A. Harutyunyan

Leading Researcher, Ph.D.

Department of International Relations
at the Institute of Oriental Studies

National Academy of Sciences of Armenia,

Yerevan, Republic Armenia

aghavni.harutyunyan1@gmail.com

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25.09.2022

Одобрена после рецензирования: 10.10.2022

Принята к публикации: 20.10.2022

Information about the article

The article was submitted: 25.09.2022

Approved after reviewing: 10.10.2022

Accepted for publication: 20.10.2022

The role and impact of Chinese organized crime on security in the Russian Far East and Northeast Asia

Роль и влияние китайской организованной преступности на безопасность на Российском Дальнем Востоке и в Северо-Восточной Азии

Гамерман Евгений Вячеславович

*Институт комплексного анализа региональных
проблем Дальневосточного отделения*

Российской академии наук, Благовещенск, Россия

egamerman@mail.ru

<http://orcid.org/0000-0003-0225-0030>

Evgenii V. Gamerman

*Institute for Comprehensive Analysis of Regional
Problems, Far Eastern Branch of the Russian*

Academy of Sciences, Blagoveshchensk, Russia

egamerman@mail.ru

<http://orcid.org/0000-0003-0225-0030>

УДК 327.57 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-4-2022-138-145](https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2022-138-145)

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена проблеме малоизученной, в и тоже время, чрезвычайно актуальной — деятельности транснациональных преступных групп Китая в странах Северо-Восточной Азии и на территории Российского Дальнего Востока. А также тому влиянию, которое данная деятельность оказывает на региональную безопасность в СВА, а также на национальном уровне Китая и России. Явление организованной преступности, да и транснациональной преступности не является принципиально новым. Однако с началом современных глобализационных процессов оно приобрело невиданные ранее масштабы, формы, последствия. Глобализация привела не только к позитивным сдвигам, открытым рынкам и появлению большого числа возможностей, но и с подвигла

ABSTRACT

This article is devoted to the problem of little-studied, and at the same time, extremely relevant — the activities of transnational criminal groups of China in the countries of Northeast Asia and in the Russian Far East. As well as the impact that this activity has on regional security in Northeast Asia, as well as at the national level of China and Russia. The phenomenon of organized crime and transnational crime is not fundamentally new. However, with the onset of modern globalization processes, it has acquired previously unprecedented scales, forms, and consequences. Globalization has led not only to positive developments, open markets and the emergence of a large number of opportunities, but also to a number of negative aspects. Illegal formations received a huge number of opportunities for development and growth. And

к целому ряду негативных аспектов. Огромное количество возможностей для развития и роста получили нелегальные формирования. И это нашло очень серьезное отражение в состоянии безопасности отдельных стран, а также с выходом на региональный и глобальный уровень.

В рамках данной статьи был использован компаративистский метод, позволивший сравнивать ситуацию в Китае и на российском Дальнем Востоке, а также роль и влияние организованных преступных групп разных стран на общую ситуацию и состояние безопасности. Кроме того, были использованы метод логического анализа, который позволил проанализировать неоднозначные, противоречивые процессы, в частности, на территории Японии. А также метод историко-генетический, позволивший проследить истоки современных процессов в этой сфере.

Ключевые слова: Китай, транснациональная преступность, региональная безопасность, Северо-Восточная Азия, российский Дальний Восток

Для цитирования: Гамерман Е.В. Роль влияния китайской организованной преступности на безопасность на Российском Дальнем Востоке и в Северо-Восточной Азии. *Современные востоковедческие исследования*. 2022; Том 4 (4). С. <https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2022-138-145>

Деятельность транснациональных преступных групп уже достаточно давно перестала быть проблемой исключительно правовой, связанной с качественной национальной правоохранительной системы и стабильной социаль-

this has found a very serious reflection in the state of security of individual countries, as well as with access to the regional and global level.

Within the framework of this article, a comparative method was used, which made it possible to compare the situation in China and the Russian Far East, as well as the role and influence of organized criminal groups in different countries on the overall situation and security. In addition, the method of logical analysis was used, which made it possible to analyze ambiguous, contradictory processes, in particular, on the territory of Japan. As well as the historical-genetic method, which made it possible to trace the origins of modern processes in this area.

Keywords: China, transnational crime, regional security, Northeast Asia, Russian Far East

For citation: Gamerman E.V. The role and impact of Chinese organized crime on security in the Russian Far East and Northeast Asia. *Modern Oriental Studies*. 2022; 4 (4). P. ([In Russ. https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2022-138-145](https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2022-138-145))

но — экономической ситуацией. Процессы глобализации, которые заметно активизировались после распада биполярной системы, в конечном итоге привели к тому, что и для преступных групп границы тоже стали более прозрачными,

и барьеры для нелегальной деятельности стали минимальными. Постепенно масштабы деятельности, сращивание преступных групп различных стран и регионов привели к тому, что из угроз социетальной безопасности отдельной страны, деятельность транснациональной преступности превратилась в угрозы региональной и глобальной безопасности. Не обошли стороной данные проблемы и регион Северо-Восточная Азия, где традиции организованной преступности имеют очень глубокие исторические корни, особенно в Японии и Республике Корея. В 1990-е годы небывалый размах организованной преступности мы могли наблюдать на российском Дальнем Востоке и в Китайской Народной Республике. И в этот же период начинается активное взаимодействие преступных групп стран региона и Дальнего Востока РФ. На данный момент этот фактор стал реальной угрозой как национальной безопасности стран региона, так и региональной безопасности в США, что и предопределяет актуальность данной проблематики.

В российской и зарубежной историографии есть ряд работ посвященных данной проблематике, в частности работы А.Н. Сухаренко (Сухаренко 2016, 54-58), В.А. Номоконова, Г.Ф. Маслова (Номоконов, Маслов 2012, 75-86), И.Н. Баранника (Баранник, 2013, 73-83), которые детально рассматривают деятельность российской организованной преступности на Дальнем Востоке. Хэ Бинсун (Хэ Бинсун, 2005, 24-35) в своей монографии очень детально анализирует ситуацию в организованной преступностью у себя на Родине, в Китае. Однако, ни одна из работ не затрагивает данную проблему в кон-

тексте угроз безопасности, и, в частности, выход на транснациональный уровень, в частности на региональную безопасность.

Развитие организованной преступности в Китае неразрывно связано с периодом начала экономических реформ. Криминогенная обстановка в конце 1970-х годов стала резко ухудшаться. В 1979 году количество уголовных дел, возбужденных в Китае, составило 636222, в 1980 — 757104, а в 1981 — 890281 дел, показывая просто стремительные темпы роста. В последующие годы происходит снижение темпов, в силу начала полноценной борьбы с преступностью. Самая тяжелая обстановка наблюдалась в крупных и средних городах (особенно в Пекине, Тяньцзине и Шанхае). В 1979 году было проведено Всекитайское совещание по проблемам обеспечения общественного порядка в городах. А в августе 1983 года ЦК КПК принял постановление, направленное против резкого ухудшения общественного порядка (постановление № 31 за 1983 г.). В нем говорилось о развертывания в стране беспощадной борьбы с уголовными элементами. В течении трех лет были проведены три этапа этой борьбы, в ходе которой было обезврежено 197 тысяч преступных групп, с общей численностью 876 тысяч участников. Однако, успехи были достаточно иллюзорными. Уже в 1989 году в стране было зарегистрировано 1971901 преступление, а 1990 году — 2216997 преступлений. В том же 1989 году выявлено и обезврежено 97807 различных преступных групп. Именно к 1990 году преступность в Китае трансформируется в организованную преступность. Здесь характерны следующие

тенденции: 1) резкое повышение степени их организации, большая сплоченность и стабильность; 2) Расширение территориальной сферы деятельности, появление первых признаков транснациональной преступности; 3) Расширение многообразия преступной деятельности; 4) Повышение уровня насильственности преступлений; 5) Происходит накопление финансовых ресурсов преступных сообществ; 6) Проникновение в органы власти, в первую очередь на местном уровне. В 1990-е годы продолжается стремительный рост преступных организаций Китая, которые постепенно превращались в группировки транснационального характера. Самыми распространенными сферами деятельности стали наркоторговля и торговля оружием. У китайских группировок наладились связи с организациями подобного же рода в Гонконге, Тайване, Макао, Мьянме. Во второй половине 1990-х годов происходят качественные изменения. Растет число преступлений с применением оружия, заказных убийств, проституция, оборот наркотиков, экономические преступления. В 1990-е же годы по роста открытости Китая миру, растет и интенсивность деятельности зарубежных преступных групп на территории Китая. Так, мафиозные организации Гонконга («14к», «Хэшэнхэ»), Макао, Тайваня («Чжунляньбан» — бамбуковый союз, «Сыхайбан» — Союз четырех морей), японская «Якудза», южнокорейская «Гаошэн лицзе», английская «Чжунголун» (китайский дракон), американская «Фучжоу фэйлунбан» (Летающий дракон). Они распространили влияние из приморских городов на внутренние территории и провинции Китая, начинается борьба за сфе-

ры влияния, контроль над самыми прибыльными отраслями преступного бизнеса. Зарубежные преступные группировки начинают специализироваться на таких сферах, как незаконный транзит через границу, мошенничество и пиратство на море, контрабанда и незаконная торговля (Хэ Бинсун, 2005, 24-35).

С началом нового века ситуация продолжала ухудшаться. Произошла следующая трансформация преступных группировок Китая: 1) Укрепилась внутренняя организация, сплоченность, внутренние корпоративные связи (наличие Устава, церемониала и т.д.); 2) Дифференциация форм организации — появление организаций разного типа: орбитального типа с главарем в качестве ядра, с пирамидальной структурой, организации с внутренними правилами и без них, организации ориентирующие на насильственные виды преступлений и организации имеющие в качестве прикрытия легальные экономические формы; 3) Быстрый рост масштабов организаций; 4) непрерывное углубление насильственного характера преступной деятельности преступных сообществ; 5) проникновение преступных организаций в легальные секторы экономики, серьезный рост их финансовой мощи и влияния; 6) проникновение в сферу политику, сращивание мафии и власти становится все более очевидным и вопиющим (кадровые партийные работники ищут помощи у мафии, руководители преступных сообществ принимают участие в назначении на ключевые должности, отдельные высокопоставленные чиновники «крышуют» преступные сообщества); 7) Сфера влияния преступных сообществ непрерывно растет в Китае.

В некоторых отраслях и регионах даже возникла такая ситуация, когда преступные организации оказываются сильнее законной государственной власти и общественных структур. К рубежу веков в Китае произошло слияние и взаимопроникновение, взаимообогащение местных и зарубежных преступных групп, которые в совокупности своей незаконной деятельности и можно назвать транснациональной преступностью (Хэ Бинсун, 2005, 24-35).

Безусловно, для российского Дальнего Востока, одним из главных факторов формирования и развития преступных формирования, стало наличие огромной протяженной государственной границы. Можно сказать, что весь Дальний Восток — это одна сплошная граница со странами Северо-Восточной Азии и с США. Открытие границ в конце 1980-х годов, формирование транснациональных связей, начало формирования туристических потоков, финансовых операций, начало различных вариантов миграции, стали образовывать и основные контуры деятельности организованной преступности. Именно использование формирующихся международных связей стало одним из стержневых факторов получения максимальной прибыли преступными группировками. И именно данные международные коридоры, связи привели и к возникновению такого нового явления, как транснациональная преступность (Шалагин 2016; 138-142).

По количественному составу, размерам получаемой прибыли, масштабам нелегальной предпринимательской деятельности из числа иностранных этнических преступных групп

наиболее ощутимым на Дальнем Востоке стало присутствие китайской мафии («триад»). Китайские «триады» представляют собой гибкую сетевую систему, структура которой зависит от осуществления того или иного вида преступной деятельности. Они действуют не только у себя на родине, но и в США, Западной Европе, странах Юго-Восточной Азии. Из транснациональных форм преступной деятельности они более всего предпочитают занятия контрабандой наркотиков, спирта, валюты, нелегальной миграцией, продажей лиц китайского происхождения в рабство. Этническое компактное проживание китайцев наблюдается в большинстве стран мира, образуя самостоятельные поселения, которые так или иначе связаны с «триадами». Однако, на современном Дальнем Востоке России распространение так называемых «чайна-таунов» имело свою специфику, в силу обширности территорий и лояльного отношения местного населения. Сотрудники правоохранительных органов Дальнего Востока сталкиваются с организованным рэкетом «триад» в отношении самих же китайцев. В случае отказа платить дань уничтожается их имущество или некоторые из них лишаются жизней. «Триады» сотрудничают с местными преступными группами, которые помогают китайцам незаконно скупать металл, дикоросы и переправлять их через границу в Китай. Они же создают пассажирско-перевозочные фирмы, предоставляют склады для хранения товара, в том числе контрабандного; организуют фирмы «досуга» с русскими девушками.

Все чаще китайцы стали входить непосредственно в местные преступные группировки для

наводки на своих же соотечественников, на которых потом совершаются налеты, но преступники, как правило, не обнаруживаются.

В Приморье известны многочисленные преступные группировки из Китая: «Ванцинская», «Янбенская», «Голова змеи» и «Рассерженная собака», «Волки». Последняя, к примеру, специализировалась на разбойных нападениях в России на граждан Китая — нелегалов, которым не выгодно обращаться в правоохранительные органы. Следы китайских «триад» обнаруживаются также в Хабаровском крае. Правоохранительные органы выявили явные признаки их совместной преступной деятельности с российскими преступными сообществами. дальневосточные преступные формирования вынуждены не только считаться с «триадами», но и сотрудничать с ними в рамках единого географического пространства, единой цели и преступной деятельности с постоянным пересечением государственных границ (Номоконов, Маслов 2012, 75-86).

Таким образом, необходимо отметить, что деятельность транснациональных преступных групп не является принципиально новым, никогда не существовавшим явлением. Деятельность организованных преступных групп имеет глубокие исторические корни.

Однако, с началом современных глобализационных трендов, существенно изменился и характер транснациональной преступности, в том числе и в регионе Северо-Восточная Азия. Глобализация несет в себе не только возможности и перспективы развития, но и серьезные угрозы безопасности на всех уровнях. И если для легальных форм сотрудничества и взаимодействия по-прежнему существуют определен-

ные границы и ограничения. Хотя их в современном мире стало гораздо меньше. Для незаконной и нелегальной деятельности границ практически нет. Глобальный мир — идеальное место для развития и процветания транснациональной преступности. Для региональной безопасности в Северо-Восточной Азии являются существенными угрозы, исходящие от такой деятельности, они несут в себе угрозы экономической безопасности в первую очередь. А также безопасности человеческой и социетальной. Самую серьезную озабоченность вызывают такие виды деятельности как наркоторговля, масштабы которой сегодня в реальности сложно себе представить. Синтетически наркотики, наводнившие всю Восточную Азию и Российский Дальний Восток, наркотики растительного происхождения, которые зачастую идут с Дальнего Востока в азиатские страны приводят к очень серьезному обогащению криминальных структур, а также к ухудшению ситуации в сфере биологической, человеческой, экономической безопасности стран региона. Незаконная торговля биоресурсами, торговля оружием, людьми, сутенерство и проституция, незаконные финансовые операции — все это подрывает и без того неустойчивую в современном мире, экономическую ситуацию, приводит к росту угроз и рисков. Сплоченность криминальных структур Японии, Китая, Республики Корея, российского Дальнего Востока в вопросе осуществления криминальной деятельности с целью получения максимальной прибыли, подрывают экономические возможности процветания региона, предотвращения экономических кризисов, приводят к возможности финансирования экстремист-

ских и террористических группировок, появлению финансово, экономически и политически мощных нелегальных, теневых криминальных структур, осуществляющих лоббирование своих интересов на разных уровнях. Все это приводит к актуализации целого ряда угроз, которые в совокупности могут привести к угрозе стабильного существования целых государств и обществ. И на данный момент, даже в условиях жесткой международной конфронтации между Западными странами и Россией, необходимо четкое и слаженное взаимодействие между странами Северо-Восточной Азии и Россией по борьбе с транснациональной преступностью и минимизацией угроз, связанной с ней. Деятельность китайских «триад» на российском Дальнем Востоке и в странах Северо-Восточной Азии носит систематический, устойчивый характер, и вносит один из самых весомых вкладов в дестабилизацию ситуации и к актуализации угроз национальной и региональной безопасности в этой сфере.

Список литературы

1. Сухаренко А.Н. Организованная преступность дальнего востока: состояние и меры борьбы. Региональные проблемы. 2016. Т. 19, № 1. С. 54–58
2. Номоконов В.А., Маслов Г.Ф. Организованная преступность в дальневосточном регионе: острая ситуация. Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2012. № 4 (27). С. 75-86
3. Баранник И.Н. Влияние миграционной преступности на криминогенную обстановку российского Дальнего Востока. Таможенная политика России на Дальнем Востоке. М., 2013. С. 73-83
4. Хэ Бинсун Организованная преступность. Исследование преступности мафиозного характера в континентальном Китае. Владивосток. Изд-во Дальневосточного университета. 2005. С. 24-35
5. Шалагин А.Е. Транснациональная преступность: понятие, признаки, меры противодействия. Вестник экономики, права и социологии. 2016. С. 138-142

References

1. Sukhareenko A.N. Organized crime in the Far East: state and measures of struggle. Regionalnye problemy. 2016. Vol. 19, No. 1. P. 54–58 (In Russ.)
2. Nomokonov V.A., Maslov G.F. Organized crime in the Far East region: an acute situation. Kriminologiya: vchera, segodnya,

zavtra. 2012. No. 4 (27). P. 75-86 (In Russ.)

3. Barannik I.N. Influence of migration crime on the criminal situation in the Russian Far East. Tamozhennaya politika Rossii na Dalnem Vostoke. M., 2013. P. 73-83 (In Russ.)
4. He Bingsun. Organized crime. A study of mafia crime in mainland China. Vladivostok. Publishing House of the Far Eastern University. 2005. P. 24-35 (In Russ.)
5. Shalagin A.E. Transnational crime: concept, signs, countermeasures. Vestnik ekonomiki, prava i sociologii. 2016. P. 138-142

Сведения об авторе

Гамерман Евгений Вячеславович,

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Институт комплексного анализа региональных проблем

Дальневосточное отделение Российской академии наук

ЕАО, г. Биробиджан, ул. Шолом-Алейхема, 4
egamerman@mail.ru

Information about the author

Candidate of historical sciences, senior researcher

Evgenii V. Gamerman,

Institute for Comprehensive Analysis of Regional Problems of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences

EAO, Birobidzhan, st. Sholom Aleichem St., 4
egamerman@mail.ru

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25.09.2022

Одобрена после рецензирования: 10.10.2022

Принята к публикации: 20.10.2022

Information about the article

The article was submitted: 25.09.2022

Approved after reviewing: 10.10.2022

Accepted for publication: 20.10.2022

Afghanistan and its role for Russia and China

Афганистан и его роль для России и Китая

Дьяконова Мария Александровна,

Шарипов Фанис Фалихович

Государственный университет управления,

Москва, Россия

Автор, ответственный за переписку:

marie.d@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4514-5927>

Maria A. Dyakonova,

Fanis F. Sharipov

State University of Management, Moscow, Russia

Corresponding author: marie.d@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0003-4514-5927>

УДК 327, 339 | НАУЧНАЯ СТАТЬЯ | [HTTPS://DOI.ORG/10.24412/2686-9675-4-2022-146-155](https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2022-146-155)

АННОТАЦИЯ

В статье представлена ретроспектива и перспектива развития ситуации в Афганистане, его взаимодействие с Российской Федерацией (РФ) и Китайской Народной Республикой (КНР). В свете изменения глобального миропорядка и выстраивания международных связей на новом уровне и в новых условиях, события, происходящие в Афганистане и в регионе Центральной Азии, требуют нового подхода со стороны мирового сообщества и стран-соседей. Очередной приход к власти в Афганистане движения «Талибан¹», после вывода войск западной коалиции во главе с США, вносит положительные изменения в процессы, протекающие внутри страны. Авторы, с применением научно-аналитического метода, выявили основные направления развития взаимоотношений РФ и КНР с Афганистаном в сложившихся непростых реалиях политико-экономических событий в мире.

ABSTRACT

The article presents a retrospective and perspective of the development of the situation in Afghanistan, its interaction with the Russian Federation (Russia) and the People's Republic of China (China). In the light of the changes in the global world order and the building of international relations at a new level and under new conditions, the events taking place in Afghanistan and the Central Asian region require a new approach on the part of the world community and the neighbouring countries. The next rise to power in Afghanistan of the «Taliban» movement, after the withdrawal of the Western Coalition forces led by the United States, brings positive changes to the processes going on inside the country. The authors, using the scientific and analytical method, identified the main directions of development of relations between the Russian Federation and China and Afghanistan in the current difficult realities of political and economic events in the world.

¹ Запрещенная на территории РФ террористическая организация (здесь и далее по тексту)

Ключевые слова: Афганистан, Россия, Китай, взаимодействие, геополитические интересы

Для цитирования: Дьяконова М.А., Шарипов Ф.Ф. Афганистан и его роль для России и Китая. *Современные востоковедческие исследования*. 2022; Том 4 (4). С. <https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2022-146-155>

После ввода советских войск в Афганистан в 1979 году (по просьбе тогдашнего афганского руководства) значительная часть населения, особенно пуштуны, под влиянием западной антисоветской пропаганды покинула территорию своей страны и обосновалась в серверных провинциях Пакистана, а наиболее финансово обеспеченные афганцы перебрались в США и другие западные государства. Оставшиеся в регионе представители пуштунских племён и других этносов Афганистана превратились в человеческий ресурс для военизированных формирований моджахедов, многие руководители которых имели тесные связи с западными государствами (разведками) и получали от них значительную финансовую и материальную (в первую очередь вооружением) поддержку для борьбы с «просоветским» режимом.

Считается, что движение «Талибан» сформировалось к середине 90-х годов прошлого века (The Taliban), когда произошло объединение в основном определенной части пуштунского этноса, стоящего на позициях исламистского радикализма. К моменту появления данного радикального религиозно-политического военизированного движения, которое в после-

Keywords: Afghanistan, Russia, China, interaction, geopolitical interests

For citation: Dyakonova M.A., Sharipov F.F. Afghanistan and its role for Russia and China. *Modern Oriental Studies*. 2022; 4 (4). P. ([In Russ. https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2022-146-155](https://doi.org/10.24412/2686-9675-4-2022-146-155))

дующем было запрещено во многих странах мира, объединённые силы моджахедов свергли правительство Наджибуллы и занимались дележом власти в Афганистане. На этом фоне при непосредственном участии пакистанских спецслужб и предположительном финансировании ОАЭ произошло объединение исламистских элементов в рамках движения «Талибан», которые стали претендовать на власть в растерзанном гражданской войной Афганистане. В последующие два года талибы взяли под свой контроль значительную часть территории страны, а в последствии и столицу Кабул в сентябре 1996 года (Белокреницкий, Сикоев 2014, 19). Исламский Эмират Афганистана был основан на подконтрольной территории. Что привело к введению шариатского правления. В последующие пять лет талибами была захвачена основная часть территории страны. Тем самым «Талибан» значительно потеснил оппозицию, объединившуюся в так называемый Северный альянс, этнический состав которого включал главным образом таджиков во главе с Ахмад Шахом Масудом и Бурханудином Раббани (бывшие моджахеды) и узбеков во главе с генералом Абдул-Рашидом Дустумом, ранее

воевавшим на стороне правительства Наджибуллы (Белокреницкий, Сикоев 2014, 15–17). В ходе противостояния обе стороны, особенно талибы, допускали несовместимую с человеческим понятием жестокость. Это, а также предоставление убежища террористу Усаме бен Ладену, руководителю Аль-Каиды², который ранее контактировал с американскими спецслужбами, и уничтожение памятников буддийской архитектуры (две статуи Будды в афганской провинции Бамиан) привели к формированию негативного имиджа талибов в глазах мировой общественности, в том числе и мусульманской.

В этой связи «Талибан» был признан террористической организацией рядом государств, в том числе Россией, Турцией, Канадой. В тот же период ООН не признала администрацию талибов в качестве правительства Афганистана и в 1999 году ввела санкции против них, а также в отношении Аль-Каиды и ИГИЛ³ (Организация Объединенных Наций).

Несмотря на это талибы значительно потеснили Северный альянс и были близки к его разгрому. Только благодаря началу контртеррористической операции США против Исламского Эмирата Афганистана из-за нежелания талибов выдать американцам вдохновителя и организатора терактов 11 сентября 2001 года на территории Америки Усамы бен Ладена режим «Талибан» был свергнут (Моисеев 2020, 17–19). Оппозиция вернулась к власти в Афганистане, а талибы ушли в подполье, а часть отступили в Пакистан. В последующие 20 лет талибы

вели партизанскую с элементами террора борьбу с американскими захватчиками, в том числе и их сателлитами по НАТО, и правительственными войсками.

С 2001 года в Афганистане был установлен проамериканский режим. На пост президента Исламской Республики Афганистан (ИРА) был назначен пуштун Хамид Карзай (Карзай), привезённый американцами из США. В дальнейшем его сменил также пуштун Ашраф Гани (Гани). В соответствии с менталитетом афганцев в стране происходила вялотекущая гражданская война, потому что у каждой противодействующей стороны имелись тесные кланово-родовые связи в другом стане. Так, брат Хамида Карзая по поступавшим данным поддерживал тесные контакты с пуштунскими наркодельцами и свободно перемещался по территориям, контролируемым талибами (Karzai). Наряду с военными операциями представители движения «Талибан» вели активную пропагандистскую кампанию среди государственных и военнослужащих ИРА. Во многих провинциях были созданы теневые правительства. В августе-сентябре 2021 года это случилось при переходе власти к талибам после вывода западных коалиционных сил во главе с США из Афганистана (ТАСС-ДОСЬЕ). В основном бескровное и молниеносное возвращение движения «Талибан» к власти произошло и потому, что оппозиция в период нахождения в стране иностранного контингента была раздроблена.

² Запрещенная на территории РФ террористическая организация (здесь и далее по тексту)

³ Запрещенная на территории РФ террористическая организация (здесь и далее по тексту)

Так, после теракта, в результате которого погиб Ахмад Шах Масуд, другие таджикские полковые командиры не без подстрекательства американцев рассорились. Чтобы ослабить узбекский этнос, Вашингтон в противовес генералу Дустуму стал поддерживать двух других узбекских лидеров, одного из которых они специально выпустили из американской тюрьмы, где он находился за осуществление наркодеятельности (Nuqta.tj 2021).

Наркотики в Афганистане играли и играют огромную роль в сфере выживаемости большей части афганского населения и финансирования военного обеспечения и оснащения военизированных формирований. Так, после ввода коалиционных сил на территорию Афганистана примерно в течение трёх-пяти лет производство наркотиков увеличилось в 10 раз, а в дальнейшем производство героина продолжило возрастать и к 2017 году наркопроизводство достигло 40-кратного увеличения по сравнению с 2001 годом (ООН). Иностраннный контингент отказался от борьбы с наркопроизводством несмотря на их ранние заявления. С одной стороны они не могли компенсировать затраты афганцев за отказ от выращивания наркосодержащих культур, а с другой — сами активно участвовали в распределении и реализации героина по всему миру.

В течение всего периода существования движения «Талибан» Российская Федерация использовала различные варианты по поддержанию с талибскими представителями разовых и продолжительных контактов, несмотря на постоянные антироссийские заявления и дей-

ствия: посадка и удержание нашего воздушного судна с экипажем из россиян в Кандагаре. Осенью 1999 года руководство «Талибан» приняло решение отправить чеченским боевикам материальную помощь в размере четырёх миллионов долларов и 24 ПЗРК (переносной зенитно-ракетной комплекс). В 2000 году отдельные руководители «Талибан» призывали признать независимость Чечни или чтобы все мусульманские страны объявили священную войну (джихад) России (Серенко 2021). На территориях, подконтрольных талибам, в лагерях и центрах проходило военную подготовку по некоторым данным в пределах 2500 чеченских боевиков (Мачитидзе). В дальнейшем риторика талибов в адрес РФ несколько изменилась. После начала военной операции США «Талибан» неоднократно уже выходил на российских представителей с предложением объединить усилия в борьбе с американской агрессией. В 2018 году Россия, по сообщению официального представителя МИД, подтвердила, что контактирует с талибами, тем самым взаимодействие «преследует только две цели: обеспечение безопасности российских граждан, находящихся в Афганистане и содействие процессу национального применения, который пока, к сожалению, не сдвинулся с мертвой точки» (Захарова 2018). При этом были отвергнуты все инсинуации американцев в адрес РФ о поставках вооружения движению «Талибан». В ноябре 2018 года в рамках «Московского формата» консультаций по ситуации, складывающейся в Исламской Республике Афганистан, прошла встреча по подготовке к прямым переговорам афганского правительства с талибами представителей

стран Афганистана, Ирана, Индии, Казахстана, Киргизии, Пакистана, США, Таджикистана, Узбекистана, Китая и России (Afghanistan.ru 2018). Повторные визиты состоялись в 2019 и 2021 годах.

В 2021 году интенсивность контактов по урегулированию ситуации в Афганистане увеличилась. Так, в Катаре на постоянной основе велись переговоры по данной проблематике. Одновременно в марте и апреле состоялись конференции по Афганистану в России и Турции, в которых приняли участие представители ИРА и движения «Талибан» (Regnum.ru 2018).

В преддверии перехода власти к талибам их представители обещали не преследовать своих противников и разрешить несогласным с их внутренней политикой покинуть страну. Одновременно они объявили о прекращении производства наркотиков на своей территории — «Афганистан не будет производить никаких видов наркотиков... Теперь никто не сможет участвовать в организации контрабанды наркотиков... С данного момента Афганистан будет государством, свободным от наркотиков...», (Ria.ru 2021) — заявил представитель движения «Талибан» Забихулла Муджахид 17 августа 2021 года в эфире канала АльДжазира. В октябре прошлого года по результатам консультаций по Афганистану в Москве директор второго департамента Азии МИД России Замир Кабулов сообщил: «Среди главных итогов этого мероприятия было выражение единой позиции региональными государствами как граничащих непосредственно с Афганистаном, так и находящихся по соседству в регионе,

их ожидания от новых властей Афганистана. Это, разумеется, включает вопросы и борьбы с терроризмом, и наркопреступности, это обеспечение более инклюзивного характера новой афганской власти, соблюдение базовых человеческих норм» (Eadaily.com 2021).

В то же время по оценке большинства афгановедов, в том числе и российских, движение «Талибан» разнородно в силу их различной родо-племенной принадлежности (Аганин 2022, 46). В частности, каждое племя имеет свои вооружённые формирования. Поэтому в военных операциях талибы выступают единым фронтом, а внутри своего сообщества представляют довольно раздробленную общность. Так, действия их группировки в Кандагаре могут отличаться от того, что будет происходить в районах, которые недавно перешли под контроль движения. И это представляет большую сложность при оценке их действий в последующий период. Но все же определяющим при этом является их очень консервативное понимание ислама, что неизменно для всех талибов. Поэтому необходимо внимательно анализировать политические, экономические и военные шаги не только нынешнего руководства талибов, но и многих более мелких главарей вооружённых формирований.

При этом необходимо также учитывать, что отдельные главари присягнули на верность ИГИЛ, что подтверждается несколькими террористическими актами в отношении шиитской части мусульман Афганистана (Afghanistan.ru 2021). Не исключается и возможность контактов отдельных племенных лидеров с американскими и британскими спецслужбами. Они не

могли оставить данный регион без присмотра. Особое внимание ситуации в Афганистане следует уделить именно сейчас, спустя год после захвата власти представителями движения «Талибан». Для оценки анализа действий талибов необходимо активнее привлекать их к участию в различных региональных начинаниях и программах, в первую очередь, политического характера в рамках ШОС, ОДКБ и других двусторонних и многосторонних форматах. Россия уже на данном этапе поддерживает двусторонние отношения — открыто представительство Афганистана (движения «Талибан») в Москве (IslamNews 2022).

Беря во внимание исторический аспект внутренних разногласий и, своего рода, цикличность событий, происходящих в Афганистане на протяжении десятилетий, необходимо удерживать фокус и строить возможные перспективы развития военной, политической и экономической составляющих не только в самой стране, но и в регионе Центральной Азии в целом, а также готовить превентивные меры по сдерживанию террористической, экстремистской и сепаратистской угроз, исходящих с территории данной страны.

Роль Афганистана в регионе нельзя недооценивать в первую очередь с точки зрения безопасности. Но и нельзя забывать, что несмотря на свою экономическую отсталость, Афганистан по-прежнему остается территорией, где пересекаются геостратегические интересы крупных держав. Наличие залежей природных ископаемых (по данным центрального разведывательного управления: природный газ, нефть, уголь,

медь, сера, драгоценные и полудрагоценные камни и пр.), в том числе урана, на сегодняшний день не столь значительно для международных акторов, сколько месторасположение самой Исламской Республики (ныне Исламского Эмирата) — наличие границ с Китаем, Ираном, Пакистаном, Туркменистаном, Таджикистаном, Узбекистаном (CIA.gov), в «подбрюшье» России и Индии.

Так, Москва и Пекин заинтересованы в мирном, развивающемся и безопасном Афганистане, на территории которого отсутствуют военные контингенты иностранных государств. Поэтому Россия и Китай взаимодействуют как напрямую с Афганистаном, так и в различных форматах по урегулированию ситуации внутри страны, среди которых можно выделить специально созданную контактную группу «ШОС-Афганистан».

Основные интересы Российской Федерации в этой стране давно обозначены: безопасность вблизи границ, борьба с наркотрафиком, недопущение распространения терроризма (и его финансирования на российской территории) и сепаратизма на постсоветском пространстве. Вышеупомянутые аспекты по влиянию западных государств на силы в афганских правящих элитах должны быть учтены Москвой, которой стоит укреплять свои позиции в регионе. И нельзя недооценивать увеличивающуюся роль КНР в регионе.

У Китая взаимодействие с Афганистаном набирает все большие обороты — Пекин начал вести переговоры с талибами еще до их прихода к власти, и сейчас продолжает взаимодействовать

с ними. Одним из главных аспектов выстраивания отношений Китайской Народной Республики с лидерами движения «Талибан» — проблема Синьцзян-Уйгурского региона, граничащего с Афганистаном, другой, не менее важный, — экономические интересы Пекина в данной стране, с которой подписаны договоры по ведению разведывательной деятельности месторождений природных запасов. Их реальный объем пока неизвестен ввиду того, что никто не мог оценить из-за длящихся десятилетиями военных действий на территории страны. А также развитие проектов по реализации Нового Шелкового пути, инициированного китайской стороной (Newsilkroadnetwork.com), с участием Пакистана, Афганистана, Таджикистана, Узбекистана, Туркменистана и Казахстана: в перспективе построение газопровода и автомобильных и железнодорожных путей через страны бывшего СССР через Афганистан на Пакистан и далее в Индию, а также создание морских путей в страны Африканского континента.

С приходом к власти в Афганистане талибов боевые действия прекратились, обстановка в стране улучшается, начинается этап становления Афганистана как полноценного участника международных отношений в регионе в политическом и экономическом планах. Для полного восстановления данной страны в качестве указанного статуса сейчас необходимо вынести на рассмотрение ООН вопрос по поводу отмены признания «Талибана» террористической организацией. Политические силы, которые взаимодействуют с Афганистаном, должны определиться в едином принятии движения «Талибан», как руководящего органа страны.

А сегодня, в складывающемся новом мировом порядке, когда ключевые акторы на мировой арене меняются, и мир становится более многополярным, стоит пересмотреть общественное отношение к талибам, рассматривая их не как захватчиков власти, а как наиболее крупный этнос проживающих на этой территории граждан.

Список литературы

1. The Taliban. *Council on Foreign Relations*. <https://www.cfr.org/taliban/#/>
2. Белокреницкий В.Я., Сикоев Р.Р. *Движение Талибан и перспективы Афганистана и Пакистана*. Институт востоковедения РАН. 2014. 216 с. <https://book.ivran.ru/f/dvizhenie-taliban-i-perspektivy-afganistana-i-pakistan.pdf>
3. Организация Объединенных Наций. Совет Безопасности ООН. Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. <https://docs.cntd.ru/document/902113834>
4. Моисеев С.В. *Афганский вектор терроризма: история и действительность*. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России. 2020; 88 с.
5. Карзай, Хамид. <https://tass.ru/encyclopedia/person/karzay-hamid>
6. Гани, Ашраф. <https://tass.ru/encyclopedia/person/gani-ashraf>
7. Ahmed Wali Karzai: Hamid Karzai's half-brother and principal power broker in southern Afghanistan. *Independent* <https://www.independent.co.uk/news/obituaries/ahmed-wali-karzai-hamid-karzais-halfbrother-and-principal-power-broker-in->

- southern-afghanistan-2327032.html (дата обращения 28.07.2011)
8. ТАСС-ДОСЬЕ. Как талибы боролись за власть в Афганистане. [https://tass.ru/info/12141363?](https://tass.ru/info/12141363?ysclid=l8kk99fb9363566965) (дата обращения 16.08.2021)
  9. Nuqta.tj. Очередная ротация друзей и врагов? Взгляд эксперта на сегодняшние события в Афганистане. <https://www.asiaplustj.info/ru/news/opinion/20210805/ocherednaya-rotatsiya-druzei-i-vragov-vzglyad-eksperta-na-segodnyashnie-sobitiya-v-afganistane> (дата обращения 05.08.2021)
  10. ООН. Производство афганского опийного мака выросло на 87 процента: Обзор. <https://www.unodc.org/unodc/ru/frontpage/2017/November/afghan-opium-production-jumps-to-record-level--up-87-per-cent--survey.html>
  11. Серенко А. «Спящий джихад» талибов против Москвы. https://www.ng.ru/world/2021-02-17/100_mir17022021.html (дата обращения 05.08.2021)
  12. Мачитидзе Г.Г. Афганский излом в зеркале российской политики: Россия и движение «Талибан». *Россия вчера, сегодня, завтра*. <https://cyberleninka.ru/article/n/afganskiy-izlom-v-zerkale-rossiyskoj-politiki-rossiya-i-dvizhenie-taliban>
  13. Захарова: Россия контактирует с талибами ради обеспечения безопасности собственных граждан. https://news.rambler.ru/middleeast/40316734/?utm_content=news_media&utm_medium=re
  14. Талибан готов к переговорам с политическими партиями Афганистана. [https://afghanistan.ru/doc/124695.html?](https://afghanistan.ru/doc/124695.html?ysclid=l8kpg9txdw125706328) (дата обращения 11.11.2018)
  15. В Катаре начались переговоры по мирному урегулированию в Афганистане. <https://regnum.ru/news/polit/3341610.html> (дата обращения 10.08.2021)
  16. Афганистан перестанет производить наркотики, заявил представитель талибов. <https://ria.ru/20210817/narkotiki-1746130486.html> (дата обращения 17.08.2021)
  17. Итоги консультаций в Москве по Афганистану: есть единая позиция сторон. <https://easaily.com/ru/news/2021/10/25/itogi-konsultaciy-v-moskve-po-afganistanu-est-edinaya-poziciya-storon> (дата обращения 25.10.2021)
  18. Аганин А. «Племенная дипломатия»: опыт Афганистана. *Международная жизнь*. 2022; 1. С. 46-53. https://interaffairs.ru/virtualread/ia_rus/12022/files/assets/downloads/publication.pdf
  19. Human Rights Watch сообщает о росте атак ИГ в Афганистане. <https://afghanistan.ru/doc/146731.html> (дата обращения 25.10.2021)
  20. Afghanistan. *The World Factbook*. <https://www.cia.gov/the-world-factbook/countries/afghanistan/#geography>
  21. Афганское посольство в Москве заработа-

- ло под флагом «Талибана». *IslamNews*. <https://islamnews.ru/2022/4/10/afganskoe-posolsvo-v-mosve-ukrasil-flag-talibana?ysclid=l8oa57oan7910311285> (дата обращения 10.04.2022)
22. The Belt & Road Initiative. <https://www.newsilkroadnetwork.com/en/belt-and-road>
- ### References
1. The Taliban. Council on Foreign Relations. <https://www.cfr.org/taliban/#/>
  2. Belokrenitskiy V.Ya., Sikoev R.R. *Afghanistan and Pakistan*. Institute of Oriental Studies. Russian Academy of Sciences. 2014. 216 pp. <https://book.ivran.ru/f/dvizhenie-taliban-i-perspektivy-afganistana-i-pakistana.pdf> (In Russ.)
  3. United Nations. UN Security Council. Electronic Legal and Regulatory Fund. <https://docs.cntd.ru/document/902113834> (In Russ.)
  4. Moseiev S.V. *Afghan vector of terrorism: history and reality*. Barnaul: Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020; 88 pp. (In Russ.)
  5. Karzai, Hamid. <https://tass.ru/encyclopedia/person/karzay-hamid> (In Russ.)
  6. Ghani, Ashraf. <https://tass.ru/encyclopedia/person/gani-ashraf> (In Russ.)
  7. Ahmed Wali Karzai: Hamid Karzai's half-brother and principal power broker in southern Afghanistan. Independent <https://www.independent.co.uk/news/obituaries/ahmed-wali-karzai-hamid-karzais-halfbrother-and-principal-power-broker-in-southern-afghanistan-2327032.html>
  8. TASS-DOSSIER. The Taliban fought for power in Afghanistan. <https://tass.ru/info/12141363?ysclid=l8kk99fb9363566965> (accessed: 16.08.2021) (In Russ.)
  9. Nuqta.tj. Another rotation of friends and enemies? Expert's view on today's events in Afghanistan. <https://www.asiaplustj.info/ru/news/opinion/20210805/ocherednaya-rotatsiya-druzei-i-vragov-vzglyad-ekspertana-segodnyashnie-sobitiya-v-afganistane> (accessed: 05.08.2021) (In Russ.)
  10. UN. Production of Afghan opium poppy increased by 87 per cent: Overview. https://www.unodc.org/unodc/ru/frontpage/2017/November/afghan-opium-production-jumps-to-record-level--up-87-per-cent_-survey.html (In Russ.)
  11. Serenko A. «Sleeping Jihad» Taliban against Moscow. https://www.ng.ru/world/2021-02-17/100_mir17022021.html (accessed: 05.08.2021) (In Russ.)
  12. Maschitidze G.G. Afghan breakthrough in the mirror of Russian politics: Russia and the «Taliban» movement. *Russia yesterday, today, tomorrow*. <https://cyberleninka.ru/article/n/afganskiy-izlom-v-zerkale-rossiyskoy-politiki-rossiya-i-dvizhenie-taliban> (In Russ.)
  13. Zakharova: Russia Contacts the Taliban for Security of Its Own Citizens. https://news.rambler.ru/middleeast/40316734/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copypink (accessed: 12.07.2018) (In Russ.)
  14. The Taliban is ready to negotiate with Afghanistan's political parties. <https://afghanistan.ru/doc/124695.html?ysclid=l8kpg9txdw125706328> (accessed:

- 11.11.2018) (In Russ.)
15. Qatar has begun negotiations on a peaceful settlement in Afghanistan. <https://regnum.ru/news/polit/3341610.html> (accessed: 10.08.2021) (In Russ.)
  16. Afghanistan will stop producing drugs, the representative of the Taliban said. <https://ria.ru/20210817/narkotiki-1746130486.html> (accessed: 17.08.2021)
  17. The results of the consultations in Moscow on Afghanistan: there is a unified position of the parties. <https://eadaily.com/ru/news/2021/10/25/itogi-konsultaciy-v-moskve-po-afganistanu-est-edinaya-poziciya-storon> (accessed: 25.10.2021) (In Russ.)
  18. Aganin A. «Tribal diplomacy»: the experience of Afghanistan. *International life*. 2022; 1. Pp. 46-53. https://interaffairs.ru/virtualread/ia_rus/12022/files/assets/downloads/publication.pdf (In Russ.)
  19. Human Rights Watch reports an increase in IS attacks in Afghanistan. <https://afghanistan.ru/doc/146731.html> (accessed: 25.10.2021) (In Russ.)
  20. Afghanistan. The World Factbook. <https://www.cia.gov/the-world-factbook/countries/afghanistan/#geography>
  21. The Afghan embassy in Moscow has worked under the flag of «Taliban». IslamNews. <https://islamnews.ru/2022/4/10/afganskoe-posolsvo-v-mosve-ukrasil-flag-talibana?ysclid=l8oa57oan7910311285> (accessed: 10.04.2022) (In Russ.)
  22. The Belt & Road Initiative. <https://www.newsilkroadnetwork.com/en/belt-and-road>

Сведения об авторах

Дьяконова Мария Александровна,

Кандидат политических наук, доцент кафедры международного производственного бизнеса

Государственный университет управления
Рязанский пр-т, д. 99, Москва, 109542
marie.d@mail.ru

Шарипов Фанис Фалихович,

Кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой международного производственного бизнеса

Государственный университет управления
Рязанский пр-т, д. 99, Москва, 109542
fanissh@rambler.ru

Information about the authors

Maria A. Dyakonova

Candidate of Politics, Associate Professor
State University of Management,
99 Ryazansky Prospekt, Moscow, 109542
marie.d@mail.ru

Fanis F. Sharipov

Candidate of Economy, Associate Professor,
Head of Department
State University of Management,
99 Ryazansky Prospekt, Moscow, 109542
fanissh@rambler.ru

Информация о статье

Поступила в редакцию: 25.09.2022

Одобрена после рецензирования: 10.10.2022

Принята к публикации: 20.10.2022

Information about the article

The article was submitted: 25.09.2022

Approved after reviewing: 10.10.2022

Accepted for publication: 20.10.2022

КАЗАНСКИЙ (ПРИВОЛЖСКИЙ) ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
АССОЦИАЦИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА ПФО
ИНСТИТУТ КОНФУЦИЯ КФУ

Уважаемые коллеги!

Приглашаем Вас опубликовать результаты Ваших научных трудов в нашем издании
«СОВРЕМЕННЫЕ ВОСТОКОВЕДЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ / MODERN ORIENTAL STUDIES»

«Современные востоковедческие исследования» — международный периодический журнал открытого доступа. Целью нашего научного издания является освещения основных научных достижений в области восточной филологии, истории, культуры и философии Востока.

К публикации в журнале принимаются наиболее значимые научные труды, соответствующие тематике, обладающие научной новизной и содержащие материалы собственных научных исследований автора. В журнал принимаются статьи на 8 языках: русском, английском, китайском, турецком, арабском, японском, корейском, вьетнамском.

На основании распоряжения Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 20 июля 2022 г. №314-р журнал включен в Перечень ВАК по 5 научным специальностям и соответствующим отраслям науки:

- 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки);
- 5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки);
- 5.7.2. История философии (философские науки);
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (китайский и турецкий языки) (филологические науки);

- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки).

Публикация в научном журнале бесплатная. Принимаются ранее не опубликованные научные статьи, обзорные статьи, рецензии, информационные материалы, соответствующие направлениям рецензируемого научного издания (оригинальность научных работ должна составлять не менее 75%).

Все научные статьи, поступившие в редакцию журнала, проходят обязательное слепое рецензирование. Статьи, получившие отрицательную рецензию, снимаются с публикации.

Периодичность выхода журнала: 4 номера в год (март, июнь, сентябрь, декабрь).

Выпуски журнала размещаются в базах РИНЦ (www.elibrary.ru) на основании лицензионного договора с Научной электронной библиотекой, РГБ, ТАСС, Cyberleninka.

Журнал издается с соблюдением всех требований Высшей аттестационной комиссии с целью последующего включения его в перечень ВАК.

Требования к оформлению работ и порядок приема статей прилагаются.

Готовые статьи принимаются только на адрес Редколлегии журнала:

modernorientalstudies@gmail.com

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

INFORMATION FOR AUTHORS

1. Тип рукописи: научная статья; обзорная статья; редакционная статья; персоналии; рецензия на книгу; рецензия на статью; обзор научной конференции; редакторская заметка; перевод письменного памятника.

2. УДК шифр (обязательно).

3. Заглавие рукописи. Расположение по центру, шрифт полужирный, прописные буквы. В конце заглавия точка НЕ ставится.

В качестве заглавия рецензии может быть приведена библиографическая запись на рецензируемый ресурс. При публикации статьи частями в нескольких выпусках издания части должны быть пронумерованы, и у всех частей следует указывать общее заглавие статьи. Если части имеют, помимо общего, частное заглавие, то его приводят после обозначения и номера части.

4. Автор/ авторы статьи. Данные указываются полностью, в точной последовательности: имя, отчество, фамилия. Расположение по ширине, шрифт полужирный.

В случае, если у статьи несколько авторов, их данные указываются в выбранном авторами порядке, через запятую.

5. Название учреждения. Необходимо привести официальное название учрежде-

ния (в соответствии с наименованием, указанным в уставных документах организации, без сокращений и без обозначения организационно-правовой формы юридического лица: ФГБУН, ФГБОУ ВО, ПАО, АО и т. п.)). Добавить **город**, где находится учреждение, **страну**.

В случае, если в написании статьи принимали участие несколько авторов, необходимо указать их данные, используя цифровые индексы в верхнем регистре ⁽¹⁾ после фамилии соответствующих авторов и перед названиями аффилированных с ними учреждений. Если у авторов одно и то же место работы, учёбы, то эти сведения приводятся один раз.

6. Каждому автору необходимо указать свой **e-mail** и **идентификационный номер ORCID**. В конце ORCID точка НЕ ставится. Возможно приведение электронного адреса только одного автора, с которым планируется переписка, или отдельное указание автора для корреспонденции по форме: «Автор, ответственный за переписку:» (“Corresponding author:”).

7. Аннотация должна содержать данные об актуальности, цели, материалах и методах, результатах и выводах исследования. Объем аннотации 100-250 слов.

8. Ключевые слова (от 5 до 10 слов).

Расположение по степени значимости каждого слова, при их перечислении ставится запятая, в конце перечисления точка НЕ ставится.

9. Размещение дополнительной информации: о спонсорстве, благодарностей — по желанию автора / авторов.

10. Для цитирования: Фамилия И.О. Название статьи. *Современные востоковедческие исследования.*

11. Тип рукописи на английском языке: научная статья; обзорная статья; редакционная статья; персоналии; рецензия на книгу; рецензия на статью; обзор научной конференции; редакторская заметка; перевод письменного памятника.

12. Название статьи на английском языке. Расположение по центру, шрифт полужирный, прописные буквы. В конце заглавия точка НЕ ставится.

13. Автор / авторы статьи на английском языке. Данные необходимо указывать в соответствии с заграничным паспортом или так, как указывалось в ранее опубликованных статьях. *Пример: Ivan P. Ivanov*

14. Название учреждения на английском языке. Необходимо указать официальное англоязычное название учреждения без сокращений и указания организационно-правовой формы юридического лица: ФГБУН, ФГБОУ ВО, ПАО, АО и т.

п.). Добавить **город**, где находится учреждение, **страну**.

В случае, если в написании статьи принимали участие несколько авторов, необходимо указать их данные, используя цифровые индексы в верхнем регистре ⁽¹⁾ после фамилии соответствующих авторов и перед названиями аффилированных с ними учреждений. Если у авторов одно и то же место работы, учёбы, то эти сведения приводятся один раз.

15. Abstract. Содержание аннотации на английском языке должно соответствовать русскоязычному тексту.

16. Keywords (от 5 до 10 слов). Расположение по степени значимости каждого слова, при их перечислении ставится запятая, в конце перечисления точка НЕ ставится.

17. Размещение дополнительной информации на английском языке: о финансировании (funding / financial support), благодарностей (acknowledgements) — по желанию автора / авторов, в соответствии с русскоязычным текстом.

18. For citation. Фамилия И.О. (на английском языке, в соответствии с заграничным паспортом или так, как указывалось в ранее опубликованных статьях) Название статьи на английском языке. *Modern oriental science.*

19. Полный текст (на русском или английском языках) должен быть структу-

рированным по разделам. Структура полного текста рукописи, посвященной описанию результатов оригинальных исследований, должна соответствовать общепринятому шаблону и содержать разделы: введение (актуальность), цель и задачи, материалы и методы, результаты, выводы, а также — по желанию автора — тематические подразделы.

20. Сведения о продолжении или окончании статьи указывают при её публикации частями в нескольких выпусках издания в конце каждой части, кроме последней, по форме: «Продолжение (окончание) следует». На странице с началом каждой последующей части статьи в подстрочном примечании или перед текстом ставят пометку «Продолжение (окончание)» и указывают номер (номера) выпуска (выпусков) издания, в котором (которых) были напечатаны предыдущие части статьи.

21. В статье могут быть внутритекстовые, подстрочные и затекстовые примечания. Внутритекстовые примечания помещают внутри основного текста статьи в круглых скобках. Подстрочные примечания помещают внизу соответствующей страницы текста статьи. Затекстовые примечания помещают после основного текста статьи перед «Списком источников» с предшествующим словом «Примечания».

22. Таблицы должны быть помещены в текст статьи и пронумерованы (Таблица 1 — Tabl. 1), иметь четко обозначенные графы, удобные и понятные для чтения.

Названия следует давать курсивом на русском и английском языках. Данные таблицы должны соответствовать цифрам в тексте, однако не должны дублировать представленную в нём информацию. Ссылки на таблицы в тексте обязательны.

23. Рисунки (графики, диаграммы, схемы, чертежи и другие иллюстрации, рисованные средствами MS Office) должны быть контрастными и четкими. Объем графического материала минимальный (за исключением работ, где это оправдано характером исследования). Каждый рисунок должен быть помещен в текст и сопровождаться нумерованной подрисуночной подписью курсивом на русском и английском языках (Рис. 1 – Fig. 1). Должен быть указан источник рисунка (например: издание, сайт, музей, фото автора). Ссылки на рисунки в тексте обязательны.

25. Ссылки в тексте — затекстовые. В списке все работы перечисляются в порядке цитирования, а не в алфавитном порядке!

⇒ Перечень затекстовых библиографических ссылок на русском языке помещают после основного текста статьи с предшествующими словами «Список источников».

⇒ Библиографические ссылки на монографии оформляются по примеру: Фамилия И.О. *Название монографии*. Город: издательство; год. Количество страниц в монографии.

⇒ Библиографические ссылки на статьи оформляются по примеру: Фамилия И.О.

Название статьи. *Название журнала, где была издана статья.* Город: издательство; год. С. (страницы, на которых размещена искомая статья).

⇒ В случае обращения к электронному ресурсу после вышеуказанных данных прибавляется <https://> (дата обращения:)

⇒ Если работа написана не на английском или русском языке, в скобках в сокращении необходимо указать её язык. Например: (на кит.яз).

⇒ В случае ссылок на работы с использованием нелатинского алфавита или иероглифики в названии, необходимо указать данные на русском языке, в скобках на языке оригинала: ФИО (иероглифика). Название работы (иероглифика).

26. References. Дополнительно приводят перечень затекстовых библиографических ссылок на латинице согласно выбранному стилю оформления перечня затекстовых библиографических ссылок ***Chicago***, принятому в зарубежных изданиях.

⇒ Названия работ переводятся на английский язык, не транслитерируются. В названиях издательств используется транслитерация.

⇒ Если работа не на английском языке, в скобках в сокращении указывается её язык. Например: Roerich Yu. N. *Mongol-Tibetan Relations in the XIII and XIV Centuries. Philology and History of the Mongolian Peoples.* Moscow: Vostochnaya literatura,

1958, pp. 333–346. (In Russ.)

⇒ В случае обращения к электронному ресурсу после вышеуказанных данных прибавляется <https://> (accessed:)

⇒ В случае ссылок на работы с использованием нелатинского алфавита или иероглифики в названии, необходимо указать данные только на английском языке.

27. Сведения об авторе / авторах. Указывается в статье после списка источников.

Фамилия Имя Отчество,

Сведения об ученой степени, звание, должность (в сокращенной форме)

Наименование организации

Адрес организации

Адрес электронной почты.

28. Information about the author / authors. Указывается в статье после списка источников.

Имя Отчество (сокращённо) Фамилия

Пример: Ivan P. Ivanov

Сведения об ученой степени, звание, должность (в сокращенной форме)

Наименование организации

Адрес организации

Адрес электронной почты.

29. Сведения о вкладе каждого автора, если статья имеет несколько авторов, при-

водят в конце статьи после «Информации об авторах». Этим сведениям предшествуют слова **«Вклад авторов:»** (**“Contribution of the authors:”**). После фамилии и инициалов автора в краткой форме описывается его личный вклад в написание статьи (идея, сбор материала, обработка материала, написание статьи, научное редактирование текста и т. д.).

30. Сведения об отсутствии или наличии конфликта интересов и детализацию такого конфликта в случае его наличия приводят в конце статьи после «Информации об авторах». Если в статье приводят данные о вкладе каждого автора, то сведения об отсутствии или наличии конфликта интересов указывают после них.

Например:

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

31. Сведения о дате поступления рукописи в редакцию издания, **дате одобрения** после рецензирования и **дате принятия** статьи к опубликованию приводят в конце статьи после всех других сведений.

Например:

Статья поступила в редакцию 06.12.2021; одобрена после рецензирования 08.12.2021;

принята к публикации 14.12.2021.

The article was submitted 06.12.2021; approved after reviewing 08.12.2021; accepted for publication 14.12.2021.

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

ARTICLE FORMATTING SAMPLE

Научная статья/другое

Исторические/другие науки

УДК _____

<https://doi.org/>_____

Название статьи

Федоров Антон Витальевич¹, Антонов Виталий Федорович²

¹Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия

²Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Автор, ответственный за переписку: fyodorovav@gmail.com

<https://orcid.org/>_____ (точка в конце не ставится)

Аннотация: Аннотация статьи должна содержать: актуальность, цель, материалы и методы, результаты, выводы; полностью соответствовать содержанию работы. **Объем текста 100-300 слов.**

Ключевые слова: (от 5 до 10 слов). Расположение по степени значимости каждого слова, при их перечислении ставится запятая, в конце перечисления точка НЕ ставится

Размещение дополнительной информации: о спонсорстве, благодарностей — по желанию автора / авторов.

Для цитирования: Федоров А.В., Антонов В.Ф. Название статьи. *Современные востоковедческие исследования*. Год; Том (номер). С. <https://doi.org/>_____

Original article/*other*

History/*other* studies

<https://doi.org/>_____

The article title

Fyodorov A.V.¹, Antonov V.F.²

¹*Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia*

²*St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia*

Corresponding author: fyodorovav@gmail.com

<https://orcid.org/>_____

Abstract: Abstract of the article is required to contain: relevance, purpose, materials and methods, results, conclusions; it should be fully consistent with the content of the work. **The volume of an abstract is 100-300 words.**

Keywords: Up to 10 keywords, starting with the most significant ones. When listing them, a comma is put, at the end of the listing, a dot is NOT put

funding / financial support/ acknowledgements: up to the author request

For citation: Fyodorov A.V., Antonov V.F. The article title *Modern Oriental Studies*. Year; Volume (№). P. (In Russ. / *other*) <https://doi.org/>

Текст работы /Full text:

Табл.1. Название таблицы.

Table 1. Table's name.

числа

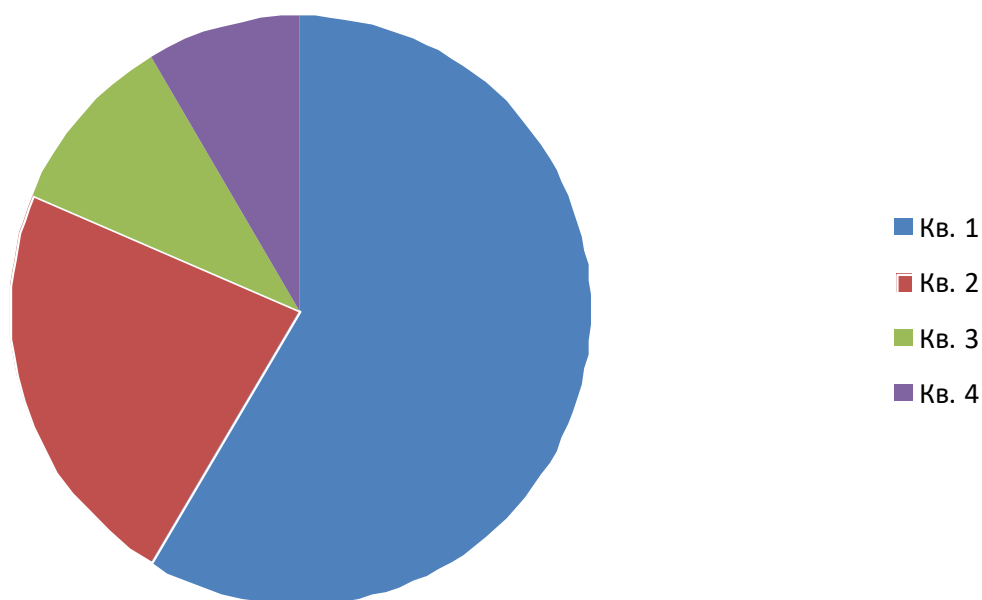

Рис.1. Название рисунка.

Fig. 1. Figure's name.

Список литературы / References:

Список литературы оформляется в соответствии с Чикагским стилем цитирования.

!В списке все работы перечисляются в порядке цитирования, а не в алфавитном порядке!

Внутритекстовые ссылки: текст [Фамилия автора/авторов, год, № страницы]. Пример: текст [Мартынов, 2021, 56].

Примеры оформления ссылок для списка литературы:

Книги:

Фишер Р.Е. *Искусство буддизма*. Москва: СЛОВО, 2001.

Периодические печатные издания:

Мартынов Д.Е. Персиваль Лоуэлл как исследователь японской культуры. *Учёные записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки*. 2017; Т.159 (6). С. 1472-1486.

Электронный ресурс:

В случае обращения к электронному ресурсу, после вышеуказанных данных прибавляется

<https://> (дата обращения:)

Мартынов Д.Е. Персиваль Лоуэлл как исследователь японской культуры. *Учёные записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки*. 2017; Т.159 (6). С. 1472-1486. <https://> (дата обращения 31.10.2021)

Если работа написана не на английском или русском языке, в скобках в сокращении необходимо указать её язык. Например: (на кит.яз).

В случае ссылок на работы с использованием нелатинского алфавита или иероглифики в названии, необходимо указать данные на русском языке, в скобках на языке оригинала: ФИО (иероглифика). Название работы (иероглифика).

Лю Жомэй. (柳若梅) Исследование хранящейся в России копии «Истории государства Российского», переведенной при династии Цин. (俄藏中国清代稿抄本«罗西亚国史»研究) *Россия-Китай: история и культура*. 2022. С. 164-174 (на кит.яз.)

Список «**References**» формируется в том же порядке, что и список литературы.

Названия работ переводятся на английский язык, не транслитерируются. В названиях издательств используется транслитерация

Если работа не на английском языке, в скобках в сокращении указывается её язык:

Roerich Yu. N. Mongol-Tibetan Relations in the XIII and XIV Centuries. *Philology and History of the Mongolian Peoples*. Moscow: Vostochnaya literatura, 1958, pp. 333–346. (In Russ.)

В случае обращения к электронному ресурсу после вышеуказанных данных прибавляется

Roerich Yu. N. Mongol-Tibetan Relations in the XIII and XIV Centuries. *Philology and History of the Mongolian Peoples*. Moscow: Vostochnaya literatura, 1958, pp. 333–346. <https://> (accessed:31.10.2021) (In Russ.)

В случае ссылок на работы с использованием нелатинского алфавита или иероглифики в названии, необходимо указать данные только на английском языке.

Сведения об авторе / авторах.

Фамилия Имя Отчество,

Сведения об ученой степени, звание, должность (в сокращенной форме)

Наименование организации

Адрес организации

Адрес электронной почты

Information about the author / authors.

(Указывается в статье после списка источников)

Name

Degree, position

Organization

Mailing address

e-mail

Информация о статье

Поступила в редакцию: _____.

Одобрена после рецензирования: _____.

Принята к публикации: _____.

Information about the article

The article was submitted _____;

Approved after reviewing _____;

Accepted for publication _____.

